

Государственный музей Востока

**Т.А. Габуев**

РАННЯЯ  
ИСТОРИЯ  
АЛАН

(по данным письменных источников)



Владикавказ  
«Иристон»  
1999

Утверждено к печати  
Ученым Советом Государственного музея Востока  
(Москва)

Автор выражает благодарность Л. Д. Кациевой (группа компаний «Мегаполис»), Р. В. Кончакову за спонсорскую поддержку в издании данной книги. Автор также благодарит за оказанное содействие О. А. Габуева и В. И. Мартынюка

### **Рецензенты:**

доктор исторических наук С.Я. БЕРЗИНА  
доктор исторических наук Д.В. ДЕОПИК  
кандидат исторических наук В.Е. ВОЙТОВ

~~Редактор~~ В.И.

Г-12 **Габуев Т. А.**  
Ранняя история алан (по данным письменных источников) —  
Владикавказ: Иростон, 1999.—148 с

Г 5050000000-88  
129(03)-1999

63.3 (2P-6 Осе)

Габуев Т.А., 1999  
Обложка Сурвилло Н.С.  
Пухаев В. Э., 1999

Аланы - ираноязычные кочевники, впервые фиксируются древними письменными источниками в середине I в. н.э. С этого времени начинается их более чем тысячелетняя история. Она связана с историей не только юга нашей страны и не только евразийских степей, но и с историей огромного пространства от Западной Европы и севера Африки на западе до Китая на востоке. Сформировавшись как народ, аланы уже в I в. н.э., становятся известны на территории, простирающейся от Средней Азии до Балкан.

Будучи родственны многим ираноязычным кочевникам древности - сиракам, аорсам, роксоланам и др, аланы на много веков (вплоть до золотоордынского времени) пережили эти воинственные народы, "оставив потомство" в лице современных осетин, единственного ираноязычного народа юга России. История алан нашла отражение в трудах многочисленных древних и средневековых авторов, писавших на греческом, латыни, китайском, армянском, грузинском, арабском, древнерусском и других языках.

Около двух столетий аланская проблема находится в центре внимания историков, но только в конце XIX - начале XX в. ее изучение вышло на подлинно научный уровень благодаря трудам выдающихся русских ученых - В.Ф. Миллера, Ю.А. Кулаковского и М.И. Ростовцева [Миллер В.Ф., 1887; Кулаковский Ю.А., 1899; Rostovtsev M., 1936]. Этими и другими исследователями на основе письменных источников и лингвистических данных была убедительно доказана генетическая связь алан со скифо-сарматским кочевым миром. В дальнейшем эта идея нашла отражение в работах, как историков, так и археологов. Труды таких специалистов, как К.Ф. Смирнов, В.Б. Виноградов, В.А. Кузнецов, Ю.С. Гаглойти, и многих других была обоснована идея о сарматском происхождении алан. Из этих работ хочется отметить фундаментальные монографии Ю.С. Гаглойти и В.А. Кузнецова, в которых наиболее полно были приведены и использованы Древние письменные источники [Гаглойти Ю. С., 1966; Кузнецов В.А., 1992]. И все же некоторые важные свидетельства, касающиеся в первую очередь среднеазиатского региона, т.е.

указывающие на среднеазиатское, "массагетское" происхождение алан, у этих исследователей не нашли отражения. Специалисты же по истории Средней Азии, хотя иногда и останавливались на аланской тематике в своих работах, но чаще всего делали это вскользь, решая проблемы, непосредственно связанные с историей своего региона.

Несмотря на разработанность некоторых аспектов аланской проблемы, многие вопросы их истории до сих пор остаются дискуссионными. В первую очередь это касается вопроса о происхождении и поиска прародины алан. Ранее автору уже приходилось сталкиваться с этой темой при изучении археологических памятников сарматского времени Центрального Предкавказья. Тогда была выделена группа катакомб III - V вв. н.э., которые были связаны с первой крупной волной аланов, закрепившихся на территории Предкавказья (подробнее см. главу 3). Рассматривая эти памятники как новацию, я счел возможным поддержать мнение Л.Г. Нечаевой о связи этих погребений с подобными несарматскими погребальными конструкциями среднеазиатского региона [Нечаева Л.Г., 1956; 1961], тем более что некоторые исторические свидетельства не противоречили подобной постановке вопроса. Они, хотя и учитываются сторонниками сарматской теории происхождения алан, но трактуются в рамках их концепции. Обратившись к древним письменным источникам, я решил проверить свои первоначальные выводы. Таким образом, передо мной встал вопрос поиска прародины алан.

В процессе работы выяснилось, что далеко не все письменные источники были задействованы исследователями в работе над проблемой происхождения алан. Это касается как "западной" (Птолемей, Аммиан Марцеллин), так и "восточной" (китайские династийные истории) групп источников. Позитивный же результат можно получить только на основе комплексного рассмотрения всех групп письменных источников. Для этого каждая из них была проанализирована отдельно, а затем результаты этого анализа подверглись сравнению. Прделанная работа позволила выдвинуть собственную гипотезу происхождения алан, которая и предлагается читателю.

Хронологически рамки данной работы охватывают период с I по IV в. н.э., причем при разработке некоторых вопросов пришлось обратиться к источникам как более раннего, так и более позднего времени. Выбор данного отрезка времени обусловлен тем, что нижняя дата связана с первым упоминанием алан в письменных источниках, а верхняя -

с гуннским нашествием, завершившим ранний этап аланской истории.

Источниковой базой для написания данной работы послужили труды античных (греко-римских), армянских, грузинских и китайских авторов. Некоторые исторические свидетельства для освещения данной темы были привлечены впервые.

Проблема происхождения народа, в особенности древнего и кочевого, и поиска его прародины сложна и подчас, из-за скудости информации, даже неразрешима. Приблизиться к ее решению можно только на основе рассмотрения широкого исторического фона, благодаря изучению которого можно сравнить все известные на настоящий момент исторические свидетельства. Причем даже если и привлечь все имеющиеся факты, зафиксированные в письменных источниках, то и тогда можно будет сформулировать лишь гипотезу, которую, без подтверждения ее данными археологии, нумизматики, антропологии и пр., следует воспринимать как первый шаг на пути решения проблемы. Таким образом, представленную читателю книгу следует рассматривать как некоторый промежуточный итог работы над темой - происхождение алан.

К работе были привлечены все известные мне письменные свидетельства о ранней (догуннской) истории алан, что позволило рассмотреть дополнительно несколько сюжетов, интересных самих по себе, но с основной темой не связанных. Тем самым я постарался решить для себя еще одну задачу, вернее, отдать долг людям, о которых всегда вспоминаю с большой теплотой.

В период двух очень удачных для меня как археолога полевых сезонов, проведенных экспедицией Государственного музея Востока в селе Брут в Северной Осетии в 1989 - 1990 гг., местное население оказало максимальную помощь и поддержку не только в работе, но и в решении всех мало-мальски сложных вопросов. Теплая и дружеская атмосфера, окружавшая сотрудников экспедиции, позволила им навсегда полюбить этот край и людей, его населяющих. Во время многочисленных встреч и долгих бесед мне задавали самые разные вопросы, связанные с историей алан. Поэтому, взявшись за работу о происхождении алан, я поставил своей дополнительной целью осветить в популярной форме весь период раннеаланской истории на основе данных письменных источников. В связи с трудностью решаемых задач мне пришлось отказаться от максимально популярной формы изложения, за что прошу прощения у тех, с кем не удалось договорить и деспорить.

В работе над книгой я столкнулся с некоторыми трудностями, связанными с переводами и интерпретацией китайских письменных источников. В преодолении этих трудностей большую помощь мне оказали Д.В. Деопик, В.Л. Сычев, А.В. Никитин, М.Ю. Ульянов, за что им выражаю искреннюю благодарность.

## АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ I - III ВВ. ОБ АЛАНХ

Впервые этническое наименование "аланы" появляется у античных авторов в I в. н.э. Наиболее раннее их упоминание мы встречаем у знаменитого римского философа Луция Аннея Сенеки (ок. 4 г. до н.э. - 65 г. н.э.), в его пьесе "Фиест", написанной в середине I в. н.э. В уста одного из героев Сенека вкладывает такие слова: "Что это за страна? Аргос и Спарта, получившие по жребию благочестивых братьев, и Коринф, стоящий у заливов двух морей, или здесь Истр, представляющий пути к бегству диких *аланов* (здесь и далее курсив мой. - Т.Г.)..." [Сенека, Фиест, 627-631].

То, что название нового народа появляется именно в литературном произведении, по всей видимости, должно свидетельствовать об известности алан для современников этого автора. Из контекста вышеприведенного отрывка можно заключить, что аланы в своих набегах не только доходили до Истра-Дуная, но и переправлялись через него, беспокоя римские провинции на Балканах. Однако нет никаких указаний на то, откуда происходили эти вторжения, т.е. определить территорию их обитания на этом основании невозможно.

Не проясняет вопрос и следующее упоминание алан, которое мы также находим в литературном произведении. Марк Анней Лукан в эпической поэме "О гражданской войне", написанной в начале 60-х годов I в. н.э., повествует о войне между Цезарем и Помпеем, разразившейся в 40-х годах I в. до н.э. В этой поэме аланы упоминаются дважды и оба раза в связи с главными героями. Так, Помпеи, обращаясь к Дейотару, говорит: "...если я, в то время как стремился к Каспийским запорам и преследовал суровых и вечно воинственных *аланов*, предоставил вам, парфяне, широко разбегаться по ахемениским равнинам и никогда не загонял робких в безопасный Вавилон" [Лукан, VIII, 215-225].

В другом месте этого же произведения Лукан, описывая злоключение Цезаря в Египте, укрывшегося во дворце от нападения своих врагов, сообщает:

*Тот, кто был убежден в своем непомерном успехе,  
Здесь перед рабами дрожит и копьями пыле засыпан  
В самом дворце; на кого не шли ни аланы, ни скифы,  
Ни даже мавр, кто шутя мишенью делает гостя...*

[Лукан, X, 450-455]

Этот фрагмент никакой информации относительно поставленной нами задачи не дает, ибо он только фиксирует этноним "аланы". Отрывок же, связанный с Помпеем, выглядит более интересным, так как он указывает на место и время, когда герой мог столкнуться с аланами. Нам известно, что поход Помпея в Закавказье, во время которого "он стремился к Каспийским запорам", произошел в 60-е годы до н.э. и именно тогда, если исходить из текста Лукана, он и "преследовал суровых и вечно воинственных аланов". Слово "преследовал", видимо, должно указывать на то, что аланы не стояли на месте, а совершая военный поход, отступали.

Если верить Лукану, то получается, что мы имеем наиболее раннее упоминание алан (60-е годы до н.э.!) в связи с их участием в военных событиях. Но можем ли мы верить этому? Аргументом "за" служит еще одно упоминание алан в связи с походами Помпея. Его мы находим у Аммиана Марцеллина, римского историка IV в. н.э., который вкладывает в уста императора Юлиана (время правления 360 - 363 гг. н.э.) обращенные к своим войскам слова: "...не ныне впервые ... проникли римляне в царство Персиды: не говоря уже о Лукулле или Помпее, который, пройдя земли албанов и массагетов, которых мы теперь называем *аланами*, разбил и это племя и увидел Каспийские озера..." [Аммиан Марцеллин, XXIII, 5, 16].

Однако эти слова, как кажется, не являются вполне убедительным аргументом. И вот почему. Император Юлиан в первую очередь свидетельствует о том, что Помпеи столкнулся с массагетами, затем он дает им этническую характеристику, отождествив их с аланами, и не более того. Для чего ему это было надо? Видимо, воодушевляя свои войска и перечисляя народы, испытавшие на себе силу римского оружия, Юлиан хотел указать не тот народ, имя которого мало что говорило его солдатам, т.е. массагетов, а тот, который в IV в. являлся реальным и грозным противником Римской империи. Так что свидетельство Аммиана Марцеллина, на мой взгляд, не может быть доказательством столь раннего появления алан на исторической арене. Что еще говорит против этого? Во-первых, то, что ни у кого из римских авторов, кроме Лукана и Марцеллина, мы не находим сообщений о столкновении Помпея с аланами, хотя многие из них оставили достаточно подробные описания этих походов. Во-вторых, до упоминания алан у Сенеки мы вообще не имеем о них никаких сообщений, хотя многие авторы (Страбон, Помпоний Мела и др.) достаточно подробно описывают территории, на которых аланы фиксируются в дальнейшем. По той же причине мы не учитываем упоминание алан в работе Юлия Валерия "Деяния Александра Македонского" [Юлий Валерий, I, 2], которая является латинским переводом "Псевдокаллисфеновых сказаний об Александре Македонском" и написана до середины IV в. н.э., поскольку участие алан в событиях IV в. до н.э. выглядит явной натяжкой.

Объяснить двукратное появление этнонима "аланы" у Лукана можно следующим образом. Поэт Лукан писал не исторический трактат, а литературное произведение, безусловно основанное на исторических фактах. Но как художник он мог свободно отклоняться от одних фактов, придавая большее значение другим или даже вводя в действие поэмы эпизоды, не имевшие отношения к реальным событиям. Так, например, в VII главе мы видим Цицерона, обращающегося с речью к Помпею перед началом Фарсальской битвы, хотя на Фарсальском поле Цицерона, как известно, не было [Лукан, VII, 60-85 (см. там же Приложение, с. 290)]. Иначе говоря, мы сталкиваемся с определенной поэтической вольностью автора, которой, видимо, следует объяснить и появление в тексте нового, но уже заслужившего уважение римлян своей воинственностью народа.

Не обошел алан своим вниманием и Гай Валерий Флакк, римский поэт I в. н.э. Его перу принадлежит поэма "Аргонавтика", написанная в 70 - 80-х годах I в. н.э., в которой своеобразно интерпретируется греческий миф. События поэмы разворачиваются в Колхиде, куда во время войны между двумя братьями, Ээтом и Персом, прибывают за золотым руном аргонавты. Они становятся на сторону Ээта, в то время как Перс поднимает против своего брата многие народы, среди которых мы не только встречаем алан, но и узнаем имя их вождя.

"Анавсий, уже раньше ставший врагом за то, что Медея была обещана в жены албанскому тирану, выслал пылких *аланов*, за которыми вскоре последовал и сам, и свирепых гениехов. Увы, он не знал, в чертог какого чудовища стремился войти и какой ужас предстоял ахейским городам, будучи сам приятнее богам и счастливее в холостом дворце" [Флакк, VI, 40-50].

Как видно из этого текста, Анавсий являлся предводителем и алан, и гениехов. Поскольку это явно иранское по звучанию имя без труда переводится с осетинского как "ненасытный" [см. Гаглойти Ю.С., 1966, с. 80], то мы можем заключить, что Флакк считал его аланом по происхождению.

Кроме того, можно предположить, что Флакк считал Анавсия не только военным предводителем, но и верховным правителем или даже царем. За это говорит следующее. Анавсий стал врагом царя Ээта, потому что дочь последнего (Медея) "была обещана в жены албанскому тирану", и вряд ли человек, не занимающий высокое положение, мог претендовать на руку царевны. Важно и то, что Флакк упоминает "холостой дворец", служивший Анавсию резиденцией, и ахейские города, на которые он, их правитель, из-за своего тщеславия навлек ужасы войны. Флакк, как кажется, относится с определенной долей сочувствия и даже жалости к этому герою, сожалея, что "увы, он не знал, в чертог какого чудовища стремился войти... будучи сам приятнее богам и счастливее в холостом дворце".

Подобные чувства к Анавсию и аланам были небезосновательны, поскольку в решающей битве удача, как и помощь богов, сопутствовала аргонавтам. Об этом ярко свидетельствует эпизод сражения, в котором Язону противостоит скиф Колакс, которого Флакк считал сыном Юпитера: "...И схватив с земли обломок скалы, оружие, достойное его грубого века и его крепких рук, он (Колакс. - *Т.Г.*)бросает его в Язона. Но царственная Юнона отводит удар и обращает его на неизвестного и не стоящего слез Монеса. И вот он сам падает навзничь. Юпитер не отвратил удар от сына. И страшное копье Эсониды пронзает ему щит и грудь. Язон кидается к нему и добывает падающего, а от него он бросается на *аланов*, которым уже известна его сила" [Флакк, VI, 609-656].

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Алан Анавсий являлся предводителем аланов и гениохов. Вся территория, на которую распространялась его власть, нам неизвестна. Безусловно, она включала территории, занимаемые ахейскими племенами, чьи города упоминаются у Флакка, и земли гениохов, которых рядом с ахейцами грекоримские авторы помещали на восточном побережье Черного моря, к северу от Колхиды [Страбон, XI, 2, 12; Птолемей, V, 8, 17-25; Арриан, *Объезд Эвксинского Понта*, 15; Дионисий Периегет, 652-710].

Итак, если верить Валерию Флакку, территория обитания алан находится на восточном побережье Черного моря севернее Колхиды и в непосредственной близости от племени гениохов. Но можно ли к Флакку, как и к Лукану, относиться с полным доверием? Здесь настораживает вот что. Ни один античный автор не фиксирует алан там, где их помещает Валерий Флакк, хотя многие из них дают нам достаточно надежные сведения о территории расселения алан. Более того, мы ни разу не находим никакого указания на политический альянс алан с гениохами. И еще стоит обратить внимание на следующее. В развивающихся в поэме событиях наряду с аланами и гениохами на стороне Перса выступают десятки народов, территории обитания которых охватывают огромные пространства от Балкан до Индии. А что как не фантазия поэта могло заставить эти народы сняться с насиженных мест и взяться за оружие? Неужели междоусобица двух братьев?

Поэма Валерия Флакка, безусловно, ценна для исследователей, поскольку при характеристике упоминаемых народов автор приводит множество деталей этнографического и бытового характера, что указывает на его высокую эрудицию, но пользуется он ими в свободной, собственной только поэту манере. Подобным образом оценивая произведение Флакка, нельзя не согласиться с мнением М.И. Ростовцева, считавшего, что "у него (у Флакка. - *Т.Г.*)был ряд заметок этнографического содержания частью в памяти, частью в записи, ряд отдельных характеристик и красивых черт без точных указаний на тот или другой народ, и этот ряд заметок Валерий Флакк причудливо вплел в свою хорографию" [Ростовцев М.И., 1925, с. 62].

Так подробно остановиться на произведениях Лукана и Флакка нас заставляет то, что многие историки видят в сообщениях этих авторов если не подтверждение появления алан на исторической арене во времена Помпея, то, по крайней мере, неопровержимое доказательство их присутствия на Кавказе в середине I в.н.э. Однако, на наш взгляд, эти утверждения достаточно смелы и вышерассмотренные фрагменты свидетельствуют не более чем о широкой известности алан римскому обществу середины I в. н.э.

Завершая разбор литературных произведений I в. н.э., в которых упоминаются аланы, хотелось бы остановиться еще на одном. Это небольшая эпиграмма Марка Валерия Марциала (42 - 102 гг. н.э.), адресованная известной римской куртизанке Целии. Сатирик, перечисляя поклонников последней, представляет многих народов, в основном "варваров", пишет: "тебя не объезжает и *алан* на сарматском коне" [Марциал, VII, 30, 6]. Основываясь на этой фразе, Бернард Бахрах делает вывод: "Хотя римляне и не могли иметь повседневных контактов с аланами, замечание Марциала свидетельствует о том, что некоторые из них могли посещать Рим в свитах восточных принцев, и, таким образом, Каелия (Целия. - *Т.Г.*)могла иметь возможность встречаться с ними" [Бахрах Б.С., 1993, с. 26]. Что ж, возможно, так оно и было, по пока эту мысль Б. Бахраха, видимо, следует рассматривать только как предположение.

И все же, как бы ни были важны и интересны сообщения римских поэтов I в. н.э., более ценными и достоверными для нас являются сведения историков, их современников. Только у двоих из них мы встречаем алан и узнаем о территориях, где они их поселяют. К числу таких сведений следует в первую очередь отнести сообщение Гая Плиния Старшего (23/24 - 79 гг. н.э.). В капитальном труде "Естественная история", писавшемся и дополнявшемся вплоть до его смерти, мы находим следующее: "К северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы, или по-гречески савроматы, и из их числа гамаксоби, или аорсы, то неблагородные, рабского происхождения скифы, или троглодиты, затем *аланы* и роксоланы. Страны, лежащие к северу между Данувием и Геркинским хребтом до Паннонских стоянок в Карнунте и до полей и равнин, живущих там в соседстве германцев, занимают язиги - сарматы, а горные хребты и ущелья до реки Патисса - прогнанные ими даки" [Плиний, IV, 80].

Итак, мы нашли указание на территорию, где Плиний помещает алан, т.е. к северу от Истра. Но указание это требует дополнительного уточнения. В вышеприведенном отрывке река Дунай выступает под двумя разными названиями: Истр и Данувий, и севернее каждого из этих названий приведены группы обитавших там народов. Налицо вроде бы путаница, но эта путаница только кажущаяся. Ее устраняет сам Пли-

ний: "Затем следуют устья Истра. Он берет начало в Германии с горного хребта Абновского, против галльского города Раврика, затем течет на протяжении многих тысяч шагов по ту сторону Альп и через бесчисленное множество народов под именем Данувий: после очень большого пополнения его вод, с того места, где начинает омывать Иллирию, он получает название Истра" [Плиний, IV, 79].

Как видим, одна и та же река имеет два названия. Одним (Данувий) названо ее верхнее и среднее течение, другим (Истр) - нижнее течение и устье. Значит, аланы находились севернее устья Дуная, а точнее, в чем совершенно прав Д.А. Мачинский [Мачинский Д.А., 1974, с. 124], северо-восточнее его, т.е. в Северном Причерноморье. Кроме того, в списке народов, обитавших "к северу от Истра", аланы названы предпоследними, а следовательно, они не могли находиться в непосредственной близости к устью Дуная - месту, от которого ведется перечисление народов. Сложность состоит в том, что Плиний, дав западную географическую привязку описываемой территории (Истр), не дал другую - восточную. Прояснить этот вопрос невозможно без сопоставления этнокарты Плиния с этнокартой кого-либо из его предшественников. Идеально для этой задачи подходит "География" Страбона - одно из немногих почти полностью дошедших до нас сочинений античного времени, написанное в начале I в. н.э. Из нее мы узнаем: "Все пространство... между Борисфеном (Днепром - *Т.Г.*) и Истром занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тирегеты, за ними - язиги-сарматы, так называемые царские, и урги; ...а самые северные, занимающие равнину между Танаисом (Доном. - *Т.Г.*) и Борисфеном, называются роксоланами" [Страбон, VII, 3, 17].

Итак, и у Плиния, и у Страбона последними в перечне народов, населявших Северное Причерноморье, значатся роксоланы. И что очень важно, Страбон, очерчивая занимаемую ими территорию ("между Танаисом и Борисфеном"), указывает на р. Танаис-Дон как на восточную границу территории роксоланов. То есть благодаря Страбону мы получили вторую географическую привязку, замыкающую с востока рассмотренный фрагмент этнокарты Плиния.

Если при сопоставлении списков народов Страбона и Плиния сразу же опустить только одному Страбону известных ургов и явно заимствованных Плинием у более древних авторов троглодитов (кстати, известных для многих территорий античного мира), то мы получим перечень народов, более или менее соответствующий времени жизни каждого из авторов. Списки обоих авторов, как видим, не совпадают. Но это и не удивительно, так как временная разница между составлениями двух этнокарт насчитывает несколько десятилетий, за которые в Северном Причерноморье произошли передвижения народов. У Страбона сразу за гетами-тирегетами следуют язиги, а у Плиния на этой территории вместо языгов мы находим сармат-савроматов, а собственно языгов

фиксируем в западных районах к северу от Дуная, куда они, видимо, вынуждены были удалиться.

Кто же эти сарматы-савроматы Плиния? Автор выделяет из их числа аорсов-гамаксобиев, но ничего не говорит о ком-либо еще. Однако мы можем предположить, что языги ушли на запад не все и часть их осталась на прежних своих территориях. Подтверждает это этнокарта Клавдия Птолемея, автора II в., который помещает часть языгов на берегу Меотиды [Птолемей, III, 5, 7], а другую - языгов-метанастов (переселенцев) по соседству с Дакией [Птолемей, III, 5, 1]. Характеристика последних как метанастов, т.е. переселенцев (при наличии другой их части в другом месте), свидетельствует о том, что Птолемей рассматривал их только как часть этнического массива, именуемого "языгами".

Причины ухода части языгов, видимо, следует объяснить приходом новой для этой территории группы кочевников, а именно "гамаксобиев, или аорсов". Мы не будем подробно останавливаться на сложном вопросе о соотношении аорсов и гамаксобиев, поскольку он требует отдельного рассмотрения. Хотелось бы только высказать некоторые соображения. Одни ученые два эти этнонима идентифицируют, другие - различают, и объясняется это противоречивостью самих источников. Так, Страбон в начале I в. н.э. знает только аорсов и помещает их к востоку от Танаиса (в данном случае речь идет о "нижних аорсах") [Страбон, XI, 5, 8]. Помпоний Мела несколько позже, видимо в начале 40-х годов I в. н.э., говорит, что на северо-западе Меотиды живут "савроматы, называемые амаксобиями, потому что вместо домов им служат повозки" [Помпоний Мела, II, 2]. Корнелий Тацит, описывая войну 49 г. между аорсами и сираками, знает только аорсов, однако не дает точного указания на места их обитания [Тацит, Истории, XII, 15-20], но из контекста его рассказа мы можем сделать вывод, что, скорее всего, они находились там, где их фиксирует Страбон. Плиний, в еще более позднее время, их отождествляет и помещает аорсов-гамаксобиев в Северном Причерноморье. А Птолемей уже во II в. н.э. знает и тех и других в разных местах, но в обоих случаях к западу от Танаиса.

Вариантов трактовки вышеприведенных свидетельств очень много. Например, если считать аорсов и гамаксобиев единым этническим целым, то получится, что Помпоний Мела зафиксировал переселение с левого берега Дона на правый только части этого народа под именем амаксобиев, остальная же его масса могла совершить переход через Дон только после 49 г. н.э. Но если эти наименования дифференцировать, то переход всех аорсов через Дон мог состояться только после 49 г. н.э. А амаксобиев Помпония Мелы можно рассматривать как любое другое сарматское племя, характеризующееся как "живущие в повозках". Однако вне зависимости от того, являлись ли аорсы и гамаксобии одним народом или нет, можно констатировать, что в середине I в. н.э. аорсы переправились через Танаис и поселились к северу от Меотиды, видимо, потеснив языгов.

Несколько позже аорсов-гамаксобиев в Северном Причерноморье появляются аланы, которые вклиниваются в пространство между аорсами и роксоланами и занимают территорию на северном побережье Азовского моря. Последнее вытекает из того, что перечисление народов Плинием ведется с запада на восток, и аорсы-гамаксобии оказываются к западу от алан, а роксоланы - к востоку. Подтверждает подобную локализацию фиксация Страбоном р. Танаиса как восточной границы территории роксоланов. Итак, благодаря Страбону мы получили вторую географическую привязку, замыкающую с востока рассмотренный фрагмент этнокарты Плиния.

На локализацию алан к северу от Меотиды-Азовского моря указывает Иосиф Флавий, историк второй половины I в. н.э. В его книге "О войне иудейской", написанной в 90-х годах н.э., мы читаем: "...племя *аланов* есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера" [Иосиф Флавий, VII, 7, 4]. Свидетельство Иосифа Флавия ценно тем, что мы получаем прямое указание на территорию обитания алан, которая, кроме известной нам благодаря Плинию Меотиды, включала и районы Танаиса-Дона. А если вспомнить Сенеку, сообщившего, что аланы в своих набегах доходили до Дуная, и суммировать все свидетельства авторов I в. н.э., то можно сделать вывод: аланы, появившись в середине I в. н.э. в Восточной Европе и закрепившись "вокруг Танаиса и Меотиды", стали широко известны римским авторам в первую очередь своей "суровостью и вечной воинственностью". И появление этого народа на вышеуказанной территории произошло между 49 и 65 гг. н.э.

Не менее разнообразны сведения античных авторов II в. н.э., в которых упоминаются аланы. Но только у двоих из них, Дионисия Периегета и Клавдия Птолемея, мы встречаем указания на территорию их обитания. Так, Дионисий в своем труде "Описание населенной земли", написанном в 124 г., сообщает: "К северу от него (Истра. - Т.Г.) на широком пространстве живет множество племен вплоть до устья Меотийского озера: германцы, сарматы, геты и бастарны, неизмеримая часть даков и храбрые *аланы*, тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Бег Ахилла и далее живущие до устья самого озера" [Дионисий Периегет, 298-320].

Сообщение Дионисия менее информативно, чем сведения Иосифа Флавия и Плиния. Оно хотя и указывает на восточную часть пространства, простирающегося от Дуная до Азовского моря как на территорию обитания алан, практически не дает никаких более точных сведений об этом. Ценность его заключается только в подтверждении, и то в самом общем виде, информации двух предшественников Дионисия.

Более разнообразную информацию об аланах мы находим у круп-

нейшего географа античности - Клавдия Птолемея. В своем "Географическом руководстве" он фиксирует этот народ на различных территориях Евразии, среди множества племен, его окружавших. Причем то, что мы теперь называем Евразией, у Птолемея делится на три крупных региона: Европейскую Сарматия, Азиатскую Сарматия и Скифию. Деление Сарматии на Европейскую и Азиатскую у Птолемея [Птолемей, III, 5, 1-3] в значительной мере соответствует аналогичному делению более древней Скифии, устоявшемуся в античной литературе еще со времен Геродота, т.е. граница между ними проходит по реке Танаис. Замена названия Скифии на Сарматия ко времени Птолемея прямо отражает новые политические и этнические реалии. В то же время термин "Скифия" у Птолемея сохраняется, но он покрывает уже территории к востоку от Азиатской Сарматии, а границей между двумя этими регионами является река Ра - Волга [Птолемей, V, 8, 12]. Аланы у Птолемея зафиксированы во всех трех регионах, но пока мы поговорим только о Сарматии. Вопросы, касающиеся алан в Скифии, будут рассмотрены ниже.

В главе "Положение Европейской Сарматии" мы читаем следующее: "Заселяют Сарматия очень многочисленные племена: венеды - по всему Венедскому заливу; выше Дакии - левкины и бастарны; по всему берегу Меотиды язиги и роксоланы; далее за ними внутрь страны - гамаксобии и *скифы-аланы*" [Птолемей, III, 5, 7].

В этом отрывке Птолемей приводит наиболее крупные, "многочисленные" племена, населяющие Европейскую Сарматия, причем все они известны из сообщений его предшественников. Отличие сведений Птолемея заключается в том, что аланы локализируются этим автором в наиболее восточной, а точнее, в юго-восточной части этого региона. Речь в данном случае, видимо, идет о районе, расположенном где-то к северу от Меотиды и к западу от Танаиса, в его нижнем течении (рис. 1). В какой-то мере подтверждает и конкретизирует это перечисление Птолемея в последующем тексте большого количества "менее значительных племен", населяющих Европейскую Сарматия. Мы узнаем, что соседями алан с северо-востока были судины и ставаны [Птолемей, III, 5, 9], с севера - стурны, а с запада "между аланами и гамаксобиями - карионы и саргатины" [Птолемей, III, 5, 10]. Поскольку Птолемей ничего не сообщает о восточных и южных соседях алан, то можно сделать вывод, что с востока район обитания алан был ограничен Танаисом, а с юга - Меотидой. То есть мы находим алан на территории, ранее занимаемой роксоланами, которых аланы, по всей видимости, вынудили передвинуться в западные области.

Помимо собственно алан, Птолемей упоминает "у поворота реки Танаиса" и танаитов [Птолемей, III, 5, 10], которых в IV в. н.э. Аммиан Марцеллин идентифицирует с аланами [Аммиан Марцеллин, XXXI, 3,1], но мы не знаем являлись ли эти танаиты во времена Птолемея аланами.

Кроме того, Птолемей сообщает, что среди гор, пересекающих Европейскую Сарматия, имеются и "горы Аланские" [Птолемей, III, 5, 5], которые, видимо, вслед за Ю.А. Кулаковским следует отождествить с Донецким кряжем [Кулаковский Ю.А., 1899а, с. 20], как это делают многие исследователи.

Что касается Азиатской Сарматии, то здесь этноним "аланы" в том звучании, в котором мы его встречали ранее, не зафиксирован, но мы находим реку Алонта, которая располагается между реками Соана (р. Сулак) и Удон (р. Кума), выше которых находится устье реки Ра (Волги) [Птолемей, V, 8, 12]. В то же время мы встречаем племя олондов, которое, исходя из текста Птолемея, без труда локализуется на северо-западном побережье Каспийского моря [Птолемей, V, 8, 17-25], что позволяет с большой долей вероятности соотносить два названия Алонта и олондов, и локализовать одно из аланских племен на побережье Каспия, между Кавказским хребтом и устьем р. Волги и идентифицировать р. Алонта с устьем р. Терек (рис 1).

Кроме того, описывая северные пространства между Доном и Волгой, Птолемей перечисляет многие народы, ниже которых, непосредственно перед "северным поворотом реки Танаиса", помещается народ "асеи" [Птолемей, V, 8, 16], которых, возможно, можно рассматривать как одну из составляющих аланского этноса (об асах-асиях и аланах будет сказано ниже).

К источникам II в. н.э., касающимся локализации алан, исследователи относят и сообщения знаменитого греческого сатирика Лукиана Самосатского (ок. 120 - после 180 г. н.э.). В замечательном произведении "Токсарис, или дружба", построенном в форме диалога грека Мнесиппа со скифом Токсарисом, автор вкладывает в уста последнего пять красочных рассказов, свидетельствующих о дружбе скифов-побратимов. В связи с рассматриваемой темой нас более всего интересует третий рассказ [Лукиан, 44-55]. Вот его содержание.

Скиф Арсаком отправился к боспорскому царю Левканору для сбора дани. Увидев его дочь Мазею, он влюбился и решил посвататься. Однако она была отдана в жены более богатому и знатному Адирмаху, который должен был отвезти свою невесту в страну меотов к махлиям. Посчитав себя кровно оскорбленным, Арсаком направился к своим друзьям - Макенту и Лонхату, и поведал им о нанесенной ему обиде. Друзья, решив отомстить, "делят" месть на три части. Лонхат обязался принести Арсакому голову царя Левканора, Макент - привезти невесту, а сам Арсаком должен был собрать войско, необходимое в предстоящей войне. Каждый из побратимов с успехом справляется с взятыми на себя обязательствами. Арсаком, по обычаю своего народа, режет вола, варит мясо и выкладывает его на расстеленную на земле воловью шкуру, сам же садится на нее, заложив руки за спину: "Это считается у нас самой сильной мольбой. Родственники сидящего и вообще все желающие

подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают, сообразно со своими средствами, один - доставить бесплатно пять всадников на своих харчах, другой - десять, третий - еще больше... Так поступил и Арсаком: у него набралось около пяти тысяч всадников, а тяжеловооруженных и пеших вместе двадцать тысяч" [Лукиан, 48].

Тем временем Лонхат, хитростью заманив царя Левканора в храм Ареса, убивает его и с отрубленной головой обидчика возвращается в Скифию.

Чтобы выполнить свое обещание, к хитрости приходится прибегнуть и Макенту. Явившись к махлийскому царю Адирмаху, Макент, сообщив о смерти боспорского царя, призывает его, как царского зятя, занять престол "и не допустить, чтобы власть перешла к незаконнорожденному брату Левканора Эвбиоту". Он советует Адирмаху взять на Боспор свою невесту, чтобы легче было привлечь на свою сторону боспорцев, и сам вызывается ее сопровождать. Для пушей убедительности он сообщает: "Я родом *алан* и прихожусь ей родственником с материнской стороны, потому что Левканор взял замуж Мاستиру из нашего народа. И вот теперь я прибыл к тебе от братьев Мاستиры, живущих в *Алании*, с советом как можно скорее отправиться на Боспор" [Лукиан, 51].

Заподозрив обман махлийцам не удалось, так как Макент по одежде и языку походил на алана, "потому что и то и другое у аланов одинаково со скифами, только *аланы* не носят длинных волос, как скифы. Но Макент и в этом уподобился им, подстригши волосы настолько, насколько они у аланов должны быть короче" [Лукиан, 51].

Ничего не подозревающий Адирмах, устремившись на Боспор, поручает Макенту доставить туда Мазею. "Макент днем вез ее на колеснице, но с наступлением ночи посадил на коня... вскочил на него и сам и продолжил путь уже не вдоль Меотиды, но повернул внутрь страны, оставив Митрейские горы вправо, дал в это время девице отдохнуть и на третий день прискакал из страны махлиев в Скифию" [Лукиан, 52].

Открыв обман, Адирмах не стал претендовать на боспорский престол, на котором уже воцарился Эвбиот, "а возвратился в свою страну, собрал большое войско и через горы вторгся в Скифию. Немного спустя напал (на скифов. - *Т.Г.*) и Эвбиот, ведя с собой поголовное ополчение эллинов и приглашенных на помощь *аланов* и савроматов в количестве двадцати тысяч" [Лукиан, 54].

Решающее сражение закончилось победой скифов, которым, как сообщает Токсарис "...боспорцы обещали платить двойную дань, махлии - дать заложников, а *аланы* взяли за это нападение подчинить нам синдианов, издавна враждовавших с нами" [Лукиан, 55].

Хотя аланы в рассказе Лукиана упомянуты вскользь, остановиться на нем подробно нас заставило то, что многие исследователи рассмат-

ривают это произведение как еще один достоверный источник, свидетельствующий о пребывании алан на Северном Кавказе. Сомнения же в подобной локализации алан возникают из-за отсутствия у Лукиана точных географических привязок. Это касается почти всех географических и этнических наименований. Но попробуем разобраться.

Локализовать Скифию, по крайней мере как ее себе представлял Лукиан, возможно, если обратиться к первому рассказу Токсариса - о дружбе скифов Дандамиса и Амизока [Лукиан, 39-41]. Из этого рассказа, повествующего о набеге савроматов на скифов, становится ясно, что границей между этими народами являлся Танаис и Скифия располагалась к западу от него, а савроматы соответственно к востоку. Однако следует отметить, что не только во времена Лукиана, но и при первом упоминании алан в исторических хрониках подобная локализация скифов уже невозможна. С III в. до н.э. скифы занимали небольшую территорию в Крыму и в низовьях Днепра (Малая Скифия).

Не просто отыскать и территорию, занимаемую махлиями. Если считать их одним из меотских племен, как это делает Лукиан, то обитать они должны были на Кубани, в непосредственном соседстве с Боспором. В этом случае это меотское племя известно только одному Лукиану, и не очень ясно, как возможно попасть в Скифию, перевалив через горы. Но если сопоставить махлиев с махелонами Флавия Арриана [Арриан, *Объезд Эвксинского Понта*, 15] или с манралами и поселением Мехлесс Птолемея [Птолемей, V, 9, 4-5], то обитать они должны на Черноморском побережье, на севере Колхиды. В этом случае неясно, как можно попасть в Скифию, если один день скакать (как это делают Макент с Мазеей) вдоль Меотиды, а затем, повернув "внутрь страны, оставив Митрейские горы вправо... и на третий день" прискакать из страны махлиев в Скифию. В последнем случае Скифия должна находиться на Северном Кавказе.

И еще. Не совсем ясно, что же у Лукиана является Митрейскими горами - другие авторы их не упоминают.

Во всей этой путанице особняком стоят аланы. Им автор не дает вообще никакой географической привязки. Они сваливаются на нас как снег на голову. Мы можем только заключить - они обитают на небольшом удалении от Боспора.

Но это не единственная позитивная информация об аланах, которую мы можем почерпнуть у Лукиана. Автор сообщает нам об удивительной схожести алан и скифов, двух родственных народов, разнящихся только длиной волос. Сообщив нам имя жены царя Левканора - аланки Мастиры, он, во-первых, указывает на династическое родство алан с боспорскими правителями, что не так уж невероятно, во-вторых, подчеркивает ираноязычность алан. Последнее отметил Л. Згуста, выведя это имя из осетинского "маст" - горечь, желчь, гнев, т.е. "гневливая" [Zgusta L., 1955, S. 117].

И наконец, мы встречаем термин "Алания" как наименование территории достаточного устойчивого обитания этого народа. "Устойчивость" эта важна не сама по себе, в смысле "долго жили", а в смысле "там их давно знают". Причем "знают" те историки и писатели, которые жили до и во время Лукиана. А если вернуться к ним, то и Плиний, и Иосиф Флавий, и Дионисий, и Птолемей помещают алан у Танаиса и Меотиды. Так что, не отрицая реального пребывания алан на Северо-Западном Кавказе, мы должны констатировать: текст Лукиана не дает возможности локализовать этот народ на Северном Кавказе.

Чтобы не создалось впечатления полной абсурдности сведений такого источника, как "Токсарис" Лукиана, хотелось бы отметить: за описанными событиями стояла реальная борьба скифов с Боспором. Она велась с переменным успехом в течение длительного времени, в том числе и во II в. н.э., когда писался "Токсарис". В этой борьбе, безусловно, активно участвовали сарматские и аланские племена, влияние которых на Боспорское государство было велико, особенно в первые века н.э.

Лукиан наверняка знал о многих политических коллизиях своего времени, но, создавая произведение именно литературное, не очень заботился о деталях, которые черпал в источниках разного времени.

Коснувшись вопроса взаимоотношений Боспорского царства с кочевниками, следует отметить, что интересующие нас аланы, конечно же, находились в орбите политических интересов Боспора. На то, что они занимали в ней не последнее место, указывает одна интересная находка.

В 1910 г. на Тамани была обнаружена каменная плита высотой 0,96 м, шириной - 0,58-0,59 м, толщиной - 0,16 м, которая, по всей видимости, была вмонтирована в стену какой-то постройки. На плите была вырезана тамга Боспорского царя Савромата II, под которой имелась надпись на греческом языке: "Попечением (или: заботами) Герака Понтийского, главного аланского переводчика (воздвигнуто или: поставлено) в (году) 505" [Шкорпил В.В., 1911, с. 112-113]. Дата, 505 год боспорской эры, указанная на плите, соответствует 208 г. н.э., времени правления на Боспоре Савромата II, а упоминание главного аланского переводчика свидетельствует о самых интенсивных связях алан с Боспорским царством в начале III в. н.э.

В числе литературных произведений II в. н.э. имеется одно, в котором собственно аланы не упоминаются, но говорится об удивительном аланском коне. Это один из стихов императора Адриана (имп. с 117 по 138 г.): "Борисфен *Аланский*, конь Цезаря, мог летать и по ровной земле, и через болота, и через Тусканские горы. И никогда на охоте за дикими кабанами в Паннонии ни один разъяренный боров с белыми клыками не мог даже приблизиться к нему для нанесения удара. Во время охоты за долгие часы погони он не знал усталости. Однако он погиб в самом расцвете сил в день своего рождения и был погребен в земле" [Бахрах Б.С., 1993, с. 28].

К числу авторов II в., сообщивших нам об аланах, относятся Светоний, Флавий Арриан и Дион Кассий. Ни у одного из этих авторов не содержатся сведения о территории расселения алан, все они останавливаются только на моментах политической истории. Причем у Диона Кассия аланы упоминаются дважды, в связи с разными событиями. Поскольку у Светония, Флавия Арриана и в одном из сообщений Диона Кассия содержатся сведения о походах алан в Закавказье, мы их рассмотрим позже, в главе, посвященной этому вопросу.

Сейчас же, видимо, следует осветить моменты взаимоотношений алан с Римской империей, к границам которой на Дунае они устремились. Чтобы не нарушать хронологию, изложение событий мы начнем не со второго сообщения Диона Кассия, а с авторов более позднего времени, чьи сведения предшествуют сообщению этого историка. Я имею в виду "Historia Augusta" - сборник жизнеописаний римских императоров от Адриана до Нумериана (117 - 284 гг.). У двоих авторов этих биографий, Юлия Капитолина и Флавия Вописка Сиракузского, живших в конце III - начале IV в., имеются сведения об аланах.

Юлий Капитолин, касаясь событий II в. н.э., упоминает алан дважды: в период правления императоров Антонина Пия и Марка Аврелия. Если же учесть, что у Диона Кассия аланы упомянуты в период правления Коммода, то мы имеем возможность констатировать, что аланы упомянуты в период правления всех трех императоров (не считая соправителей) династии Антонинов. Время правления этой династии, как принято считать, является наиболее благополучным в истории Римской империи. И благополучие это объясняется не отсутствием катаклизмов, войн и всевозможных несчастий, а в первую очередь стабильностью власти, которая позволила все эти несчастья преодолеть. В первую очередь это касается периода правления Антонина Пия (138 - 161 гг.) и Марка Аврелия (161 - 180 гг.) и в наименьшей степени Коммода (180 - 192 гг.), которому в короткий срок удалось разбазарить все нажитое и свести к нулю все достижения двух его предшественников.

Антонин Пий не отличался агрессивностью, он старался продолжить миролюбивую политику своего предшественника Адриана. Его деятельность была направлена не на приобретение новых земель, а скорее на укрепление границ и сохранение имеющихся. Тем не менее римлянам пришлось много воевать. В первую очередь при подавлении восстаний в Британии, Мавритании, Греции, Иудее и Египте. Кроме того: "Он не раз обуздывал *аланов*, когда они приходили в движение" [Капитолин, Антоний Пий, V]. Юлий Капитолин не сообщает ни о территориях, подвергшихся аланским набегам, ни о масштабах этих вторжений. Но из контекста фразы видно, что речь идет не более чем о ряде грабительских набегов небольших групп кочевников, которые без особого труда были отбиты римлянами. Что касается территорий, подвергшихся аланским нападениям, то, скорее всего, это могут быть римские провинции

на Дунае, куда, если вспомнить Сенеку, аланы устремились еще в I в. н.э. и где было беспокойно и в правление Антонина Пия. Последнее вытекает из следующей фразы Юлия Капитолина: "Действуя через своих наместников и легатов, он (Антонин Пий. - Т.Г.) разбил германцев, даков и много других племен" [Капитолин, Антонин Пий, V].

Однако следует отметить, что конфликты и военные столкновения с варварами на Дунае не представляли для римлян в этот период серьезной опасности. Это явилось следствием длительных, кровопролитных и победоносных для Рима войн, завершившихся при императоре Траяне (98 - 117 гг.) превращением Дакии в римскую провинцию и приведших к усмирению многих племен. Как считает Т. Моммзен, "шестьдесят лет, последовавшие за окончанием войн Траяна с даками, были для придунайских стран периодом мирного развития" [Моммзен Т., 1949, с. 198]. Но подобное положение можно считать затишьем перед бурей, которая разразилась в период правления преемника Антонина Пия - императора Марка Аврелия.

На время правления такого выдающегося императора, каким был Марк Аврелий, выпадают неисчислимы бедствия, постигшие Рим. Лучшие всего их характеризуют слова Секста Аврелия Виктора, автора второй половины IV в.: "Он (Марк Аврелий. - Т.Г.) обладал всеми добродетелями и божественным умом и являлся как бы защитником людей от всех общественных бедствий. Если бы он не родился в то время, то весь римский мир развалился бы в едином падении. Ведь совсем не было покоя от войн, они пылали по всему Востоку, в Иллирии, Италии, Галлии, случались землетрясения, иногда поглощавшие целые города, были разливы рек, частые эпидемии, пожирающая поле саранча; вообще нельзя себе представить ни одного народного бедствия, которое не свирепствовало бы во время его правления" [Аврелий Виктор, Извлечения, XVI].

В цепи всех этих несчастий первое место занимает война с маркоманами. Она вспыхнула в 167 г. н.э. и длилась 13 лет, до смерти Марка Аврелия в 180 г. Эта война, явившаяся следствием прихода с берегов Эльбы в Паннонию большого количества германских племен, охватила многие придунайские римские провинции, она всколыхнула и многие негерманские народы. Сообщение об этом мы находим у Юлия Капитолина: "Все народы от границы Иллирика до Галлии составили заговор, именно маркоманы, варисты, гермундуры и квады, свебы, сарматы, лакринги и буры, вандалы с винуалами, осы, бессы, коботы, роксоланы, бастерны, *алань*, певкины и костобоки" [Капитолин, Марк Антонин Философ, XXII, 22].

Война с вторгшимися племенами велась с переменным успехом и для Рима была исключительно трудной, поскольку параллельно с ней Марку Аврелию пришлось вести много других войн, подавлять восстания и нести колоссальные потери в войске от вспыхнувшей чумы. Перелом в войне наступил только в 178 г., когда Марк Аврелий вместе со своим

сыном Коммодом возглавил войска и нанес варварам несколько ощутимых поражений. Как отмечает Юлий Капитолин, "Марк Аврелий в течение трех лет вел войну с маркоманами, гермундурами, сарматами и квадами, и, проживи он еще один год, он создал бы римские провинции из земель этих народов" [Капитолин, Марк Антонин Философ, XXVII]. Но прожить этот год Марку Аврелию не удалось. 17 марта 180 г. он скончался от вновь вспыхнувшей чумы в лагере у Виндобоны (совр. Вена), и императорская власть перешла к его сыну Коммоду.

Коммод, не обладая твердостью и добродетелями своего отца и предпочитая тяготам войны разгульный образ жизни, поспешил заключить мир на условиях, выгодных скорее побежденному противнику, чем Римской империи.

Но вернемся к аланам. Из приведенного выше сообщения Юлия Капитолина мы узнаем об участии алан в маркоманской войне наряду со многими другими народами, но и только. Никакие подробности более не сообщаются.

Более интересную информацию можно почерпнуть из "Римской истории" Диона Кассия (150 - 235 гг.). Повествуя об условиях мирного договора, заключенного императором Коммодом с воевавшими против Рима народами, он упоминает и алан. Коммод заставил алан вернуть Риму 15 000 пленников и дать клятву, что они не будут ни жить, ни использовать как пастбища пятимильную зону их территории, примыкающую к Дакии [Dios, Roman History, LXXIII, 3].

По-видимому, это сообщение говорит о двух главных для нас моментах. Во-первых, участие алан в неудачно окончившейся для них войне не было более масштабным, чем все предыдущие их военные операции на Дунае. На это указывает число захваченных ими пленников и факт участия алан в войне с самого ее начала и до конца. Последнее утверждение, может, и не бесспорно, поскольку оно не вытекает из слов Юлия Капитолина о народах, "составивших заговор", но нужно учесть, что этот автор жил почти на 100 лет позже рассматриваемых событий, и потому сделать подобное предположение, на наш взгляд, вполне правомерно.

Во-вторых, вырисовывается территория, которую принимавшие участие в войне аланы занимали и которую они хотели закрепить за собой, хотя по условиям мирного договора им в ней было отказано. Территория эта находилась на границе с Дакией, т.е. на несколько сотен километров западнее Танаиса и Меотиды - территории их постоянного обитания. Констатация этого факта требует разъяснений, так как теперь мы сталкиваемся не с количественной характеристикой (аланов на Дунае было больше, чем раньше), а с качественной - их было много, они отстаивали территорию, с которой не собирались уходить и за которую около 13 лет сражались. Воевать так долго они могли и совершая очередную грабительский поход с территории Танаиса и Меотиды, особен-

но если учесть военные успехи варваров на первых этапах войны. Однако в этом случае неясно, зачем им было оставаться на Дунае в период, когда военная удача им изменила. Не проще ли было вернуться на родину, а не торговаться с римлянами о клочке земли в семь километров шириной? Но если уж все это имело место, то представить ситуацию можно следующим образом.

Одно из аланских племен продвинулось далеко на запад и закрепилось на Дунае, выбрав в качестве своих кочевий территории, граничащие с Дакией. А поскольку переселение могло произойти задолго до маркоманской войны, то и территория эта могла восприниматься аланами как своя собственная, к расширению которой за счет терпевшего поначалу поражения Рима они и стремились. Подобное объяснение не противоречит той картине расселения алан, которую дал Птолемей, но для более раннего времени. Я имею в виду то, что аланские племена не занимали компактно только одну какую-либо территорию, а были расселены на огромном пространстве от Средней Азии, о чем мы поговорим ниже, и, как можно предположить, до Дакии.

Все сказанное выше следует расценивать лишь как постановку вопроса о достаточно длительном пребывании алан на Дунае. Проблема требует дальнейшего исследования, но некоторые предварительные наброски сделать можно уже сейчас, анализируя более поздние источники.

Завершить анализ источников, характеризующих события II в. н.э., хотелось бы следующим. Возможно, если бы маркоманскую войну завершил Марк Аврелий, то результаты ее для Рима были бы более благоприятными. Но даже тот результат, который был достигнут Коммодом, обеспечил относительный мир на дунайской границе на шестьдесят последующих лет. И именно в этот отрезок времени мы не имеем от греко-римских авторов никаких свидетельств о военной активности алан. Вновь этот этноним появляется только в III в. н.э., в связи с императором Максимином.

Император Гай Юлий Вер Максимин Август, больше известный под именем Максимиана Фракийца (172/73 - 238 гг.), был первым в ряду так называемых "солдатских императоров". Юлий Капитолин сообщает: "Он был родом из фракийского поселка, на границе с варварами; варварами же были его отец и мать, из которых первый был из страны готов, а вторая из племени *аланов*. Говорят, что имя отца было Микка, а матери - Габаба" [Капитолин, Двое Максиминов, 1, 5-6].

Полуаланское происхождение Максимиана, первого варвара, ставшего императором, позволяет остановиться на его фигуре несколько подробнее. Кстати сказать, информация о его происхождении дошла до нас не только от Юлия Капитолина, но и от Квинта Аврелия Симмаха (вторая половина V в.), фрагменты несохранившегося произведения которого воспроизводит Иордан (VI в.).

"В раннем детстве он был пастухом, был он также главарем молодежи, устраивал засады против разбойников и охранял своих от их нападений. Первая его военная служба была в коннице. Он выделялся своим огромным ростом; среди всех воинов славился своей доблестью, отличался мужественной красотой, неукротимым нравом, был суров, высокомерен, презрителен в общении, но часто проявлял справедливость" [Капитолин, Двое Максиминов, II, 1-2].

Военную службу Максиминов начал при императоре Септимии Севере (годы правления 193 - 211), а при Каракалле (годы правления 211 - 217) был уже в звании центуриона. "В правление Макрина (римский император в 217 - 218 гг. - *Т.Г.*)... он ушел с военной службы, приобрел себе земельные владения во Фракии, в том поселке, откуда он был родом, и все время поддерживал сношения с готами. Готы особенно любили его, словно своего соплеменника. *Аланы*, приходившие к берегу реки, признавали его своим другом и обменивались с ним дарами" [Капитолин, Двое Максиминов, IV, 4-5].

После убийства Макрина, в период правления Гелиогабала (218 - 222 гг. - *Т.Г.*), Максиминов возвращается на военную службу. Как сообщает Юлий Капитолин, "во время правления этого в высшей степени грязного человека он только носил почетное звание трибуна" и занимался своими частными проблемами [Капитолин, Двое Максиминов, V, 1-2]. Взлет военной карьеры Максиминова начался в период правления императора Александра Севера (222 - 235 гг.), который сначала назначил Максиминова трибуном легиона, а затем "поставил во главе всего войска к радости всех, особенно трибунов, военных начальников и воинов" [Капитолин, Двое Максиминов, V, 5-7; VII, 1]. Гибель Александра, в которой многие обвиняли Максиминова, привела последнего к высшей точке его карьеры - в 235 г. войско провозгласило Максиминова императором.

В короткий период правления Максиминова проявились худшие черты его характера - звериная жестокость, неукротимая ярость, высокомерие. Стремление везде ввести военные порядки и управлять государством наподобие военного лагеря привело его к закономерной гибели. В 238 г. римские легионы в Африке провозгласили императорами проконсула Гордиана вместе с его сыном (Гордиан I и Гордиан II). После их гибели сенат объявил императорами Пупиена и Бальбина, которые начали подготовку к войне с Максимином. Однако борьба продлилась недолго, так как 10 мая 238 г. при осаде Аквилеи Максиминов вместе с сыном был убит своими же солдатами. Вскоре та же участь постигла Пупиена с Бальбином, и в середине 238 г. императором был провозглашен Гордиан III, внук Гордиана I.

Итак, перед нами два интересных свидетельства об аланах - это полулаланское происхождение Максиминова и его торговые сношения с аланами во Фракии. Эти сообщения говорят о том, что аланы в конце II -

начале III в. не только вели торговлю, но и вступали в браки с населением римских дунайских провинций. Как кажется, оба факта (как и то, что было сказано ранее) практически снимают вопрос о присутствии здесь алан только в качестве совершающей набег военной дружины. Скорее всего, данные факты могут свидетельствовать о мирном характере отношений алан с населением, жившим на Дунае. Поскольку, если представить себе обратное, будет не совсем ясно, зачем военной дружине, совершающей грабительский поход, везти с собой своих женщин, выдавать их замуж в подвергшейся нападению стране и вести торговлю ("обмениваться с ними дарами") с населением этой страны. В то же время не следует полностью снимать вопрос о военном характере присутствия алан на Дунае, можно лишь выделить два момента, представив ситуацию следующим образом. Во-первых, пришедшее на Дунай племя аланов захватило какую-то территорию и при благоприятных условиях (например, военная активность маркоманов) посчитало возможным ее расширить. Последнее подтверждает эпизод с Коммодом. Во-вторых, захватив территорию и утвердившись на ней, аланы стали налаживать нормальные отношения со своими соседями (вступать в браки, вести торговлю и пр.), ибо вести постоянные войны им вряд ли было по силам.

Однако вернемся к Гордиану III. В короткий период правления этого императора (238 - 244 гг.) аланы упоминаются только один раз и вот при каких обстоятельствах. Наиболее крупным успехом военной политики Гордиана III считается победоносная война Рима с Персией. В 242 - 244 гг. была отвоевана утраченная в предыдущие правления римская провинция Месопотамия и у Рима появилась возможность нанести противнику сокрушительное поражение. С этой целью римские войска двинулись на столицу Персии город Ктесифон. В пути, из-за происков префекта претория Филиппа Араба, войско подняло мятеж, жертвой которого пал император Гордиан.

Юлий Капитолин сообщает: "У Церцезийского укрепления в Персии воины устроили Гордиану могилу с такой надписью на греческом, латинском, персидском, еврейском и египетском языках, чтобы все могли прочитать ее: "Божественному Гордиану, победителю персов, победителю готов, победителю сарматов, отвратившему римские междоусобия, победителю германцев, но не победителю Филиппов". Эти последние слова были добавлены, по-видимому, потому, что Гордиан на Филипповых полях отступил, побежденный в беспорядочном бою *аланами*, и вместе с тем потому, что его, очевидно, убили Филиппы" [Капитолин, Гордиан III, XXXIV, 2-4].

Сообщения о столкновении Гордиана с аланами у других авторов отсутствуют, но в эпитафии также говорится о Гордиане, как победителе готов и сарматов. Если сопоставить эти сведения с еще одним отрывком из текста Юлия Капитолина, то определить место и время "беспо-

рядочного боя" римлян с аланами не составляет труда: "...Гордиан... выступил против персов с огромным войском. ...Он направил путь в Мезию и, во время самого похода, истребил, обратил в бегство, изгнал и оттеснил всех врагов, сколько их было во Фракии" [Капитолин, Гордиан III, XXVI, 3-4].

Поход Гордиана, как известно, начался в 242 г., а равнина у столицы Фракии Филипполя, видимо, и была местом неудачно сложившегося для римлян сражения. Сражение это, как кажется, следует рассматривать в качестве небольшого эпизода разворачивавшейся многолетней войны Рима с готами - новым и грозным противником.

Германское племя готов, обитавшее в низовьях Вислы, в начале III в. продвинулось на юг и закрепилось в Северном Причерноморье. С 238 г. готы начинают совершать опустошительные нашествия на римские провинции, в первую очередь на Балканы. В этой многолетней борьбе вместе с готами воевали многие германские и негерманские племена. На то, что в их числе были и аланы, указывает рассмотренное выше сообщение Юлия Капитолина.

Были ли эти аланы выходцами с территории Танаиса и Меотиды или это была та их часть, которая могла обитать на границе с Дакией, доподлинно не известно, но не исключено, что в этой многолетней войне принимали участие оба аланских племенных объединения.

Следующее упоминание алан относится ко времени правления императора Аврелиана (270 - 275 гг.), которому, как и его предшественнику Клавдию II (время правления 268 - 270 гг.), удалось нанести готам ряд крупных поражений и укрепить римскую границу на Дунае. Правда, Дакия была потеряна для Рима навсегда. Аврелиану пришлось вывести с этой территории римские гарнизоны, но удалось очистить от варваров другие римские провинции на Дунае и вернуть отпавшие па короткий срок восточные области<sup>1</sup>.

В 274 г. Аврелиан устроил в Риме триумф, описание которого сохранил для нас Флавий Вописк Сиракузский: "Впереди шло двадцать слонов, двести различных прирученных диких животных из Ливии и Палестины... восемьсот пар гладиаторов, не считая пленников из варварских племен - блемии, аксомиты, арабы из Счастливой Аравии, индийцы, бактрийцы, иберы, сарацины, персы - все с произведениями своих стран; готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы со связанными руками, как пленники..." [Вописк, Божественный Аврелиан, XXXIII, 5].

Перечень пленников, проведенных по Риму за триумфальной колесницей Аврелиана, свидетельствует о том, что триумф праздновался в честь двух побед императора - на Востоке и на Дунае. Среди пародов,

<sup>1</sup> В 270 г. Зенобия, вдова правителя Пальмиры Одената, вместе с сыном Вабаллатом объявила Пальмирское царство независимым, но потерпела поражение от Аврелиана.

побежденных Аврелианом на Дунае, вслед за готами мы видим и алан. О них в течение тридцати лет, со времени похода Гордиана III (242 г.), мы не имели никаких известий. Объяснить это можно скорее недостаточностью дошедших до нас данных, чем пассивностью "вечно воинственных алан" в многолетней готской войне.

Еще одно свидетельство участия алан в этой войне связано с именем Проба (время правления 276 - 282 гг.), избранного императором войсками вслед за Аврелианом и после кратковременного правления Тацита (275 - 276 гг.). Флавий Вописк Сиракузский в биографии Проба приводит такой эпизод: "Как-то раз среди добычи, взятой у аланов или у какого-то другого племени (это не выяснено), находился конь - не очень красивый и не очень крупный, но способный, по словам пленных, пробежать в день сто миль и бежать таким образом в продолжение восьми или десяти дней. Все были уверены, что такое животное Проб оставит себе, но Проб сразу же сказал: "Этот конь скорее подходит для воина, думающего о бегстве, чем для храбреца". Затем он велел воинам бросить в урну жребий с написанными на них именами: коня должен был получить тот, кому жребий выпадет. В войске были четыре других воина, которые носили имя Проб; случилось, что тот, чей жребий выпал в первый раз, носил имя Проб - впрочем, жребий самого военачальника Проба не был опущен. Так как эти четыре воина заспорили и каждый стал доказывать, что это его жребий, Проб приказал вторично потрясти урну; но и вторично выпал жребий с именем Проба. Так было сделано и в третий, и в четвертый раз, но и в четвертый раз выпал жребий с именем Проба. Тогда все войско с согласия тех воинов, чьи имена выпали по жребию, присудило этого коня военачальнику Пробу" [Вописк, Проб, VIII, 3-7].

Принадлежал ли вышеописанный конь аланам или пет, доподлинно неизвестно, но то, что войско Проба сталкивалось, и, видимо, не без успеха, с этим народом, явствует из контекста сообщения Вописка. Правда, автор передает этот эпизод только как интересный случай, не сообщая при этом о времени, когда он мог произойти. Тем не менее можно сделать вывод, что этот эпизод мог иметь место в то время, когда Проб еще не был императором, т.е. до 276 г. На это указывает то, что Вописк Сиракузский в жизнеописании Проба приводит этот случай до того, как его герой стал императором - ведь сам автор называет его не императором, а только военачальником.

Не мог Проб воевать с аланами и при двух своих непосредственных предшественниках Аврелиане и Таците. При Аврелиане он сначала воевал в Африке, а затем, перейдя в Египет, поддерживал этого императора в борьбе против пальмирцев и Зенобии [Вописк, Проб, IX, 1-5]. После смерти Аврелиана, при Таците, мы видим Проба уже в "должности военного начальника всего Востока" [Вописк, Проб, VII, 4].

На "Востоке" (переднеазиатские провинции Рима) пути аланов и

## ПОХОДЫ АЛАН В ЗАКАВКАЗЬЕ

Проба вряд ли мог пересечься, так как в период его пребывания там никаких сообщений о столкновениях римлян с аланами мы не имеем. В это время с ними на Дунае воевал император Аврелиан. Скорее всего, столкновение Проба с аланами могло произойти именно на Дунае, где он, возглавляя римские легионы, отражал нападения варваров. Со слов Вописка известно, что при Валериане (время правления 253 - 259 гг.) Проб, будучи еще молодым человеком, в звании трибуна командовал тремя легионами и совершил "по переходе через Дунай много подвигов" [Вописк, Проб, V, 1-4]. А при Галиене (время правления 259 - 268 гг.), видимо, в 259 - 260 гг. он возглавлял все римские войска, находящиеся в Иллирии [Вописк, Проб, VI, 2-3].

Где воевал Проб при императоре Клавдии II, Вописк Сиракузский не сообщает, но и всего сказанного выше достаточно, чтобы предположить, что столкновение Проба с аланами могло произойти примерно в конце 50-х - 60-х годах III в.

Итак, при всей скудности дошедших до нас данных, можно считать, что участие алан в готской войне не было отдельным эпизодом, хотя оценить реальные масштабы этого участия, на мой взгляд, пока невозможно. Завершая разговор об этом периоде, хотелось бы отметить, что военные столкновения римлян с готами на дунайской границе продолжались еще долгое время, но они не были столь масштабны и не носили столь разрушительного характера для Римской империи. Победы Клавдия II, Аврелиана, военная реформа Диоклетиана укрепили римские границы и не позволили готам перебраться на правый берег Дуная. Но и Рим не имел уже тех сил, чтобы стремиться к новым завоеваниям. Между Римом и варварами после описанных выше событий на Дунае установилось относительное военное равновесие, длившееся почти столет. В течение всего этого периода мы не имеем об аланах на Балканах никаких сведений. Вновь этот этноним появляется на страницах исторических хроник только во второй половине IV в., в эпоху Великого переселения народов.

*Попав на страницы исторических хроник, аланы сразу же фиксируются вследствие их активной политической деятельности, и в первую очередь в связи с походами в Закавказье.*

## ИБЕРО-ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА 35 Г. Н.Э.

В 35 - 36 гг. н.э. разразилась война между Иберией (Грузией. - Т.Г.) и Парфией, в которой на стороне Иберии, по свидетельству Иосифа Флавия, принимали участие скифы [Иосиф Флавий, Иудейские древности, XVII, 4, 97], а по сообщению Тацита - сарматы [Тацит, Летопись, VI, 33]. Многие ученые (Ю.А. Кулаковский, М.И. Ростовцев, Ю.С. Гаглойти, В.А. Кузнецов и др.) считают, что под именами этих двух народов скрывались аланы.

Одним из доводов в пользу этого утверждения может служить указание Иосифа Флавия на то, что "племя аланов есть часть скифов" [Иосиф Флавий, О войне Иудейской, VII, 7, 4]. Учитывая это, отечественные исследователи считают, что Иосиф Флавий, поставив знак равенства между этнонимами "скифы" и "аланы" и говоря о вторжении в Закавказье скифов, имел в виду именно алан. Однако, как кажется, из этой фразы вовсе не следует, что античный автор отождествляет алан со скифами. Скорее всего, он дает аланам, пользуясь современной терминологией, определенную этническую характеристику, отнеся их к кругу ираноязычных кочевников. С подобной этнической характеристикой у историков античности мы встречаемся довольно часто. Например, у Страбона "сарматы тоже скифское племя" [Страбон, XI, 2, 1], или тот же Иосиф Флавий, повествуя о вторжении сарматов в Мезию, пишет: "Те из скифов, которые зовутся сарматами, в большом числе тайно переправились через Истр в Мезию..." [Иосиф Флавий, О войне иудейской, VII, 4, 3]. Общим в обеих фразах Иосифа Флавия является не только то, что в одном случае аланы, а в другом - сарматы определяются как скифское племя, но и то, в какой последовательности появляются эти этнонимы в тексте. Вначале автор называет народ (аланы в первом случае, сарматы - во втором), о котором собирается вести речь, далее он дает ему этническую характеристику - "скифы", а затем говорит уже только об этом народе, к этническому определению больше не прибегая.

Несколько иначе обстоит дело, когда Иосиф Флавий говорит о вторжении в 35 году в Закавказье скифов. Автор упоминает только ски-

фов, не прибегая к каким-либо дальнейшим разъяснениям. Но если исходить из исторической традиции, то как конкретный этноним этот явно архаический термин для Северного Кавказа I в. н.э. неприемлем. Значит, Иосиф Флавий или не имел достаточно четкого представления о народе, вторгшемся в Закавказье, или это был конгломерат ираноязычных кочевников Северного Кавказа, названных автором "скифами". Последнее предположение выглядит более правдоподобным, но тогда для вторгшихся племен более соответствовал бы этноним "сарматы", и именно его мы встречаем у Тацита, описавшего эти же события более подробно.

Что же важного сообщает Тацит? Мы узнаем, что царь Иберии "Фарасман<sup>1</sup> присоединяет албанов и призывает сарматов, князьки которых, получив дары с обеих сторон, по обычаю своего племени помогают и тем и другим. Но иберы, владея местностью, быстро впускают сарматов Каспийской дорогой против армений, а те, которые шли на помощь парфянам, были останавливаемы без труда, так как неприятель запер другие проходы, а единственный, оставшийся между морем и концом Албанских гор, был непроходим в летнее время, потому что при дуновении пассатов низменный берег заливался водой..." [Тацит, *Летопись*, VI, 33].

Из этого отрывка видно, что этноним "сарматы" у Тацита имеет не конкретное этническое значение, указывающее на какой-либо народ или союз племен, а носит несколько расширенное, обобщающее значение, т.е. под именем "сарматов" могли скрываться различные группировки кочевников, относящихся к сарматскому кругу народов. Подтверждают этот вывод два момента, вытекающие из трудов самого Тацита. Во-первых, в приведенном выше отрывке мы сталкиваемся с двумя группировками сарматов, друг другу противоборствовавших. Аналогом подобных взаимоотношений может служить неизвестная война между сарматскими племенами сираков и аорсов, разразившаяся в 49 г. н.э., о которой нам сообщает тот же Тацит [Тацит, *История*, XII, 15-20]. Во-вторых, он, касаясь событий 35-36 гг. н.э., не конкретизирует, кто же именно скрывался под именем сарматов, хотя известно, что автор имел ясное представление о названиях МНОГИХ сарматских племенных союзов. Так, например, при описании войны 49 г. н.э. он четко выделяет сарматские племена сираков и аорсов, указав даже имена их царей, а говоря о вторжении роксолан в Мезию, характеризует их как одно из сарматских племен [Тацит, *История*, I, 79].

Таким образом, и Иосиф Флавий и Тацит, говоря о народе, вторгшемся в Закавказье в 35 г., не дают нам возможности с точностью его определить.

<sup>1</sup> Ф а р а с м а н I - царь Грузии в 30 - 60-е годы I в.н.э. [Меликишвили Г.А., 1959, с.58].

Для того чтобы более четко представить себе этот народ, необходимо указать место, откуда произошло вторжение. Историками было убедительно доказано, что оно происходило с Северного Кавказа через Дарьяльское ущелье. Не будем приводить всю аргументацию в пользу этого положения, отметим только, что оно вытекает из приведенного выше сообщения Тацита о том, что сарматы вторгаются Каспийской дорогой, которая не имеет ничего общего с дорогой вдоль Каспийского моря, так как проход между морем и концом Албанских гор был непроходим в летнее время [Тацит, *Летопись*, VI, 33].

Таким образом, вторжение происходило с территории Центрального Предкавказья, и осуществили его группы ираноязычного населения сарматского круга народов, в которых необязательно видеть именно алан. Подробно на этнической характеристике населения Предкавказья в первые века н.э. мы остановимся в другом месте. Здесь хотелось бы только отметить, что никакими прямыми данными, указывающими на пребывание алан на Северном Кавказе (как и на юге Восточной Европы) до середины I в. н.э., мы не располагаем. Косвенным подтверждением этого может служить и то, что в войне 49 г. (о которой уже говорилось) аланы Тацитом не зафиксированы (как и ни в каком другом его тексте), тогда как в ней были задействованы две мощные сарматские группировки - сираки и аорсы, и она затронула значительные районы, в том числе и те, где аланы фиксируются в дальнейшем.

## ПОХОДЫ 72 И 135 ГОДОВ

Если участие алан в иберо-парфянской войне 35 - 36 гг. н.э. проблематично, то их вторжение в Закавказье в 72 г. н.э. не вызывает сомнений, так как на это указывают различные источники. Вот что сообщает современник этих событий Иосиф Флавий: "Мы раньше объяснили, что племя *аланов* есть часть скифов, живущих вдоль Тапаиса и Меотийского озера. В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем Гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, *аланы*, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многочисленную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо и царствующий в этой стране Пакор, убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотней талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, произведя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно, некто издал набросил ему на шею аркан и готовился уже притянуть его, если бы он не успел

убежать, перерубив мечом веревку. *Аланы*, еще более расшвырявшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств" [Иосиф Флавий, О войне Иудейской, VII, 7, 4].

Аналогичная информация встречается и у автора IV в. н.э. епископа Медиоланского Амвросия [Амвросий Иероним, О разрушении города Иерусалима, V]. Факты, приведенные ими обоими, идентичны, но поскольку у Амвросия имеются детали, не встречающиеся у Иосифа Флавия (например, об использовании аланами в походе двух коней), можно с большой долей вероятности предположить, что источником для Амвросия послужил не Иосиф Флавий, а какой-то нам неизвестный автор. Из чего следует, что эти события нашли широкое отражение в римской исторической литературе.

Подтверждение этому мы находим у Светония, который в "Жизнеописании цезарей" сообщает об этом же набеге алан: "...Когда парфянский царь Вологес попросил у Веспасиана (время правления 69 - 79 гг.) помощи против *алан* с одним из его сыновей во главе, Домициан приложил все старания, чтобы послали именно его, а так как из этого ничего не вышло, он стал подарками и обещаниями побуждать к этой же просьбе других восточных царей" [Светоний, Домициан, VIII, 2].

Из этой затеи Домициана "ничего не вышло", так как император Веспасиан отказал Вологесу в помощи. Вологес же, отразив нашествие алан, напал на Сирию, но был отбит наместником этой римской провинции Траяном, отцом будущего императора [Жизнь двенадцати цезарей, с. 448, примеч. 12].

Из приведенных выше сообщений мы узнаем, что поход алан был направлен против Мидии, Армении и Парфии, при пособничестве аланам со стороны Иберии.

Не менее разнообразную и яркую информацию об этих событиях дают нам грузинские и армянские источники. Вот что сообщает о них армянский историк V в. Моисей Хоренский: "Около того времени *алань*, соединившись с горцами и привлекая на свою сторону половину Иверии, огромными массами рассыпались по нашей стране. Арташес также собирает множество своего войска, и тогда происходит сражение в нашей стране меж двух храбрых народов-копеченосцев. Народ аланский отступает немного, переходит великую реку Куру и лагерем располагается на северном берегу реки; Арташес приходит и располагается на юге: река разделяет оба народа.

Но так как сын *Аланского* царя был взят в плен армянскими войсками и приведен к Арташесу, то царь *аланов* просил мира, обещая дать Арташесу, чего он пожелает, и заключить с ним вечные клятвенные обещания, чтобы отныне юноши аланские не делали набегов на армянскую страну. И когда Арташес отказался выдать юношу, приходит сестра юноши на берег реки, на высокую возвышенность, и через тол-

мачей гласит в стан Арташеса: "К тебе речь моя, храбрый муж Арташес, к тебе, победителю храброго народа *аланов*, поди согласишься со мною, прекрасногозую дочерью *аланов* и выдай юношу. Ибо не след у потомков богов, мести ради, отнимать жизнь, или держать их в рабском унижении и тем питать вечную вражду между двумя храбрыми народами". Услышав такие мудрые речи, Арташес идет на берег реки, и увидев прекрасную деву, говорившую слова мудрости, полюбил ее" [Моисей Хоренский, с. 98-99].

Затем Арташес посылает к аланам в качестве свата Смбата (Сумбата Бавритиана по грузинским летописям). Царь аланов требует за свою дочь большой выкуп, который Арташес соглашается выплатить: "Так как у *аланов* в большом уважении красная кожа, то Арташес отпускает в приданое много красной кожи, много золота и берет царевну-деву Сатиник... Сатиник стала первой между женами Арташеса и родила ему Артавазда и много других сыновей..." [Моисей Хоренский, с. 99].

Вот и все, что мы узнаем о походе алан в Закавказье в 72 г. из армянских источников, однако на этом история аланской царевны Сатиник, ставшей царицей Армении, не кончается, но к ней мы вернемся позже.

Информацию, связанную с событиями 72 г., мы находим и в "Картлис Цховреба" ("Жизнь Грузии"), вернее, в "Жизни картлийских царей", записанной Леонти Мровели. Мы узнаем, что "...цари Картли - Азорк и Армазел<sup>1</sup> - призвали *овсов* (аланов. - *Т.Г.*) и леков, привели царей овских - братьев-голиафов по имени Базук и Анбазук - с войском *овским*. И привели они с собой пачаников и джиков. Пришел к ним также царь леков и привел дурдзуков и дидосев. И собрали цари Картли рати свои... И вторглись они в Армению..." [Леонти Мровели, с. 33]. Вначале вторгшемуся войску сопутствовал успех. Аланы и иберы опустошили многие районы Армении, захватили богатую добычу и, перейдя Куру и остановившись на р. Иери, приступили к ее дележу. Но в этот момент их настигло армянское войско, возглавляемое Сумбатом Бавритианом - крупнейшим полководцем и воспитателем царя Арташеса. Сумбат предложил противнику оставить себе добычу и удалиться с миром, за что потребовал выдачу пленных армян. Союзники ответили отказом, после чего армянское войско перешло Куру и завязалось жестокое сражение. Удача изменила войску северян, и оно было разбито. В битве пали оба аланских царя, а два раненых царя Картли бежали в Мцхету. Сумбат же, преследуя союзников, разорил Картли.

Далее Леонти Мровели описывает длительную борьбу между Арменией и Иберией, в которой аланы неизменно выступали на стороне последней. Из крупных событий следует отметить пятимесячную осаду

<sup>1</sup> А з о р к и А р м а з е л - цари Грузии в 70-е годы I в. н.э. [Меликишвили Г.А., 1959, с.58, 62].

Мцхеты армянскими войсками, во время которой "каждый день происходило единоборство бумберазов". Осада закончилась тем, что "подчинил армянский царь картлийцев и овсов и удалился" [Леонти Мровели, с. 34-35].

В последующей борьбе успех вновь стал сопутствовать объединенным силам картлийцев и алан. "Прошло с тех пор несколько лет. Возродилась Картли, разоренная армянами. В ту пору армянам было недосуг из-за войны с персами и греками. Этим ловко воспользовались картлийцы и овсы и беспрерывно стали нападать на армян... Царь Арташан собрал оставшееся у него [в Армении] войско, поставил во главе его сына своего Зарена и направил против Картли. Но собрались картлийцы и овсы и встретили армян в Джавахети. Дружно одолели картлийцы и овсы [армян], обратили в бегство армянского царевича Зарена, истребили все войско его и преследовали до самых рубежей Армении; нагнали царевича Зарена, схватили его... и заключили в крепость Дариалан" [Леонти Мровели, с. 35].

По прошествии трех лет война возобновилась. На вызволение царевича армяне направляют все свои войска, которые возглавляют Сумбат Бавритиан и два царевича - Артавазд и Тигран.

Однако до вооруженной борьбы дело не дошло. По мирному договору картлийцы возвращают армянам плененного царевича, а "армяне вернули Картли ее рубежи... Отныне стали друзьями армяне, картлийцы и овсы. Заодно сражались против общего врага..." [Леонти Мровели, с. 35].

Итак, несколько источников по-разному трактуют одни и те же события. Если исходить из сообщений Иосифа Флавия, Амвросия и Светония, то события 72 г. связаны с широкомасштабным вторжением алан не только в Закавказье, но и в Мидию и, возможно, в Парфию. Причем движение алан началось не только и не столько из близлежащих Дарьяльскому проходу районов Северного Кавказа, сколько из районов Танаиса и Меотиды, где помещает алан Иосиф Флавий. Именно с локализации алан в этих местах этот автор, как мы помним, начинает свое повествование о вторжении: "Мы раньше объяснили, что племя аланов есть часть скифов, живущих вокруг Танаиса и Меотийского озера..." и т.д.

В этой военной экспедиции аланам помогает "царь гирканов", который пропускает их через свои земли. В царя гирканов я склонен видеть, вслед за большинством исследователей, царя Иберии-Грузии.

Несколько по-иному выглядит роль Грузии в этих событиях в трактовке армянских источников: "...аланы, соединившись с горцами и привлекая на свою сторону половину Иверии, огромными массами рассыпались по нашей стране". В этом случае видна уже более активная роль Грузии, хотя все еще ей в этих событиях отводится роль второстепенная. И совсем уж по-иному она представлена в "Картлис Цхов-

реба": "...цари Картли - Азорк и Армазел - призвали овсов и леков", т.е. инициатором похода выступает именно Грузия.

Итак, налицо три разных подхода в освещении первого похода алан в Закавказье. Есть ли во всем этом какое-либо противоречие? По всей видимости, нет, если представить, что союзники (алан и иберы) решали разные задачи. Для алан это был дальний военный поход, принятый далеко не из бескорыстных побуждений, тогда как для Грузии это было продолжение давней войны с Арменией из-за спорных пограничных территорий.

Война между Арменией и Грузией была затяжной и велась с переменным успехом, что следует из всего хода изложения событий. Первая часть описанной в грузинских летописях войны почти полностью совпадает с данными армянского историка. И у Моисея Хоренского, и в грузинской летописи союзники, удачно начав поход, удаляются за Куру, где их настигает армянское войско, кроме того, в обоих источниках фигурирует армянский полководец Сумбат Бавритиан. Но на этом совпадения и заканчиваются. По армянской версии все кончается миром и свадьбой, по грузинской - нашествием армян, разорением Грузии и продолжением войны.

По-разному выглядит и дальнейшая судьба алан. По армянской версии они возвращаются умиротворенными к себе домой, по грузинской - продолжают бороться далее. Хотя и по грузинской летописи борьба алан не выглядит как непрерывный процесс: "И стали овсы мстить армянам. Пришли в Картли и сдружились с картлийцами. Смешались воедино овсы и картлийцы и долго воевали с армянами..." [Леонти Мровели, с. 34].

Опять вроде бы некоторое противоречие, но оно только кажущееся, если представить себе, что широкомасштабный поход алан достаточно удачно завершился на р. Куру и они возвратились домой. На это кроме Моисея Хоренского указывает и Иосиф Флавий, что особенно важно, поскольку он единственный из всех приведенных выше авторов был современником описываемых событий: "Алань, еще более рассвирепевшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств" [Иосиф Флавий, О войне Иудейской, VII, 7, 4].

В дальнейшем в войне на стороне Грузии принимала участие уже не вся масса алан, тем более если предположить, что в походе 72 г. они двигались из района Танаиса и Меотиды.

Война между Иверией и Арменией, как уже отмечалось, была затяжной. Вторгшиеся в Иверию армянские войска строят крепость в Одзрхеви (Самцхе) - на что, естественно, уходит не один день, - в которой было оставлено армянское войско для борьбы с местным населением. Затем население Самцхе и Клардгети борется против армян. После чего готовятся и разворачиваются полномасштабные военные действия,

завершившиеся пятимесячной осадой Мцхеты и заключением мирного договора.

Через "несколько лет" (сколько точно, мы не знаем), война возобновляется и заканчивается пленением армянского царевича Зарена. И только через три года армяне совершают поход для его вызволения и заключают мир с картлийцами и овсами.

Вряд ли во всех этих событиях аланы принимали столь же активное участие, как в походе 72 г. В связи с этим интересен эпизод, в передаче Моисея Хоренского повествующий о пленении армянского царевича Зарена: "Зарех был муж кичливый, отважный на звериной охоте, но нерешительный и трусливый на войне. Царь иверийский Кардцам, зная это по опыту, отложился, подняв (всю) страну, схватил Зареха и заключил в темницу на Кавказе. Артавазд и Тигран вместе с Смбагом нападают на Кардцамы и освобождают брата из тяжелых оков заключения" [Моисей Хоренский, с. 102].

Что же важного в этом отрывке в связи с нашей темой? Во-первых, здесь ни разу не упомянуты аланы (в отличие от грузинской летописи), из чего можно сделать вывод, что их участие в этой войне было не столь значительно, как в событиях 72 г. Во-вторых, можно как-то хронологически очертить период, когда происходило освобождение Зарена и новый виток в армяно-грузинской войне. Этому способствует указание на присутствие в армянском войске царевича Артавазда. Если вспомнить еще раз конец повествования Моисея Хоренского о нашествии алан в 72 г., то все станет ясно: "Сатиник стала первой между женами Арташеса и родила ему Артавазда и многих других сыновей" [Моисей Хоренский, с. 99].

Таким образом, если предположить рождение Артавазда в 73 г., его взросление должно было прийтись на 90 г., а грузинский царь Картам (Кардцам по Моисею Хоренскому) правил до конца I в. н.э., то вполне логично предположить, что описываемые события относятся к 90-м годам I в. н.э. Значит, война между Арменией и Иберией после 72 г. велась около 20 лет, а может быть, и более.

В течение всей этой войны на стороне Иберии участвовали "овсы", которых все исследователи отождествляют с аланами. Но вот что интересно: под именем "овсов" аланы нам становятся известны из грузинских хроник, записанных Леонти Мровели в XI в., т.е. когда на Северном Кавказе уже несколько веков существовала историческая Алалия, занимавшая и северную часть Дарьяльского перевала, через который и совершали описанные выше походы аланы. А не могло ли произойти перенесение имени овсов-алан на ираноязычное население, обитавшее в Центральном Предкавказье в I в. н.э., так сказать, "задним числом"? Установлено, что грузины-иберы овсами первоначально называли издревле хорошо им известные ираноязычные скифо-сарматские племена. Так же установлено, что проникновение, а затем и сме-

шение этих племен с местным населением Предкавказья начались задолго до описываемых событий (см. главу 3). К I в. н.э. процент ираноязычного населения здесь мог быть велик, и именно за ним иберы закрепили наименование "овсы". В дальнейшем грузинские летописцы перенесли этноним "овсы" на появившихся ираноязычных алан, поставив, таким образом, между первыми и вторыми знак равенства. Подтверждают это сами грузинские летописи, упоминая овсов в событиях последних веков до н.э., т.е. происходивших задолго до описанных выше [Леонти Мровели, с.25, 26, 30].

Итак, картину конца I в. н.э. в этом регионе можно обрисовать, на наш взгляд, так. В походе 72 г. ведущая роль принадлежала аланам, которые двигались из районов Танаиса и Меотиды. В Предкавказье аланы соединились с этнически родственными им овсами. Мы умышленно не ставим пока знак равенства между аланами и овсами, касаясь событий I в. н.э., поскольку для этого времени эти названия имели разное этническое наполнение. В походе кроме этих двух родственных народов принимали участие и многие горцы, т.е. автохтонные племена Северного Кавказа. Удачно завершив поход, аланы, по крайней мере значительная часть, вернулись в те места, откуда они его начали, а именно туда, где их фиксируют историки II в. н.э. - в район Танаиса и Меотиды. В последовавшей затем длительной войне между Иберией и Арменией принимали участие овсы, хотя, конечно, какая-то часть собственно алан могла влиться в их среду.

Все могло быть, наверно, по-другому: аланы осели в Предкавказье, продолжая участвовать в событиях последующих двадцати лет. Но для подобного утверждения никакими данными мы не располагаем.

Следующий крупный поход алан в Закавказье относится к 135 г. н.э. Сообщения об этом имеются у Диона Кассия: "Война была поднята из земли *аланов*, по происхождению массагетов, Фарасманом; она сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии, по затем прекратилась вследствие того, что аланы были подкуплены дарами Вологеса, а с другой стороны, побоялись правителя Каппадокии Флавия Арриана" [Дион Кассий, Римская история, LXIX, 15].

То, что столкновение алан с римлянами в этой войне произошло, не подлежит сомнению, так как нам известно сочинение самого Флавия Арриана "Диспозиция против алан". А в своем труде "Тактика" Арриан отмечает, что римляне заимствовали ряд тактических навыков ведения боя у аланской конницы: "У римлян одни из всадников носят дробтики и атакуют на аланский и савроматский манер" [Арриан, Тактика, 4, 1].

В "Диспозиции против алан" Арриан называет алан "скифами".

Хотя автор и использовал этот явно архаический термин, у нас нет сомнений, что он имел в виду алан, так как это вытекает хотя бы из названия самой работы.

Вот вроде бы и весь круг источников, который привлекают современные историки, освещая события похода алан в 135 г. Но так ли это? Ниже мы постараемся показать, что интересными для исследования могут быть не только факты, зафиксированные в исторических хрониках, но и сопоставленные с ними данные, содержащиеся в источниках, к которым было принято относиться с некоторой долей недоверия. Я имею в виду "Мученичество Воскянов" (полное название "Правдивое слово и сказание о святых священниках Воскянах") и "Мученичество Сукиасянцев" (полное название "Мученичество святых Сукиасянцев") – армянские агиографические памятники V в. н.э., в которых мы вновь сталкиваемся со знакомыми нам Арташесом и Сатиник [Памятники..., с. 172-174, 176-185]. Изложенные в "Мученичествах" события хотя и совпадают в главном, но разнятся в деталях. К.С.Тер-Давтян, автор вступительной статьи и комментариев к "Мученичествам", считает, что они относятся к V в. и восходят к преданиям первых веков нашей эры, причем указывает, что "Мученичество Сукиасянцев" на протяжении веков подверглось большим изменениям, чем "Мученичество Воскянов". Об этом свидетельствуют имеющиеся в "Мученичестве Сукиасянцев" анахронизмы и сама композиция памятника [Памятники..., с. 175]. Поскольку "Мученичество Сукиасянцев" подверглось большим изменениям, чем "Мученичество Воскянов", то в последующем изложении мы будем по большей части придерживаться фактов, отраженных в последнем. Вот их содержание.

В начале своего повествования анонимный автор сообщает, что первоисточником записанного им "Мученичества Воскянов" является "историк из греческих краев, муж любознательный по имени Татианос, живший во времена Валентиниана". Согласно "Мученичеству", Воскяны – ученики апостола Фаддея, прозванные так по имени их предводителя Воски, "после смерти апостола уединились во влажных горах у истоков Евфрата, на месте соединения с долиной, которая называется Цахке". В правление в Армении царя Арташеса они явились к армянскому двору и стали "знакомить его с учением Христовым". Арташес "не счел их речи сумасбродными" и, отправившись воевать, "пригласил поговорить о том же в другой раз". Воскяны же стали проповедовать при армянском дворе, и "речам этим внимали и приближенные великой царицы (Сатиник), которые вместе с ней пришли из Аланской страны". Аланы, которые "были прославлены и могучи и принадлежали к высшему сословию", восприняв христианскую проповедь, были крещены Воскянами [Памятники..., с. 172].

Проповеднической деятельности Воскянов стали противодействовать сыновья Арташеса и Сатиник, они стали уговаривать алан отречься

от Христа и "вновь обратиться в язычество". Но получив решительный отказ, царевичи перебили Воскянов. Узнав о случившемся, Сукиасянцы (так названы аланы по имени их предводителя Сукиаса) удалились в горы и стали вести монашеский и строго аскетический образ жизни. Так прожили они более 40 лет (по "Мученичеству Воскянов" – 46 лет, по "Мученичеству Сукиасянцев" – 44 года), до прибытия к ним отряда аланских воинов [Памятники..., с. 173].

Причины прибытия аланского отряда в обоих "Мученичествах" трактуются по-разному. Так, из "Мученичества Воскянов" мы узнаем, что после смерти Сатиник из Алании прибыл отряд воинов "для установления знакомства с ее сыновьями". Узнав об отшельниках-аланах, воины пытаются заставить их отречься от Христа, но, получив отказ, истребляют [Памятники..., с. 172-173].

Несколько по-иному и более подробно эти же события описываются в "Мученичестве Сукиасянцев". Св. Сукиасу (предводителю алан-отшельников) было видение: "...будто Шапук скончался и на престол вступил Датианос. Он послал к вам ворона, измазанного кровью, и хотел рассеять нас...". Видение Сукиаса, как явствует из источника, подтвердилось: "Через несколько лет царь умер и царем аланским стал Гирианос. И взялся он за пересчет войска. Тогда царю сообщили о блаженных. Узнав обо всем этом от мужа по имени Скуер, царь отобрал из войск своих мужей отважных и именитых и, вооружив их, послал в Армению на гору Сукавет, сказав: "Если найдете их, [посулив] большое вознаграждение и почести, склоните вернуться сюда; если же они не согласятся возвратиться, истребите" [Памятники..., с. 177-178].

Отряд аланских воинов благополучно добрался до отшельников. Между предводителем отряда Барлахой и Сукиасом происходит следующий разговор:

Тогда Барлаха спрашивает:

- Чей ты родом?

Святой Сукиас [на это] отвечает:

- Был я вторым сановником государства, сидевшим на втором месте [после царя].

- Как твое имя? - спрашивает военачальник.

Говорит блаженный:

- Прежде меня звали Баракатрой, но с тех пор, как я пришел к разумению Бога, стал называться Сукиасом, то есть [человек], обретший мирную жизнь.

- Ты похож на воина, - говорит тогда военачальник.

Блаженный же отвечает:

- Я был соратником царя Шапуха.

- Согласись вернуться, и ты вновь удостоишься прежнего положения и возляжешь на втором месте после царя, - продолжает военачальник.

Однако блаженный отвечает:

- Я слуга господи моего, и наступило время получить мне вознаграждение" [Памятники..., с. 179].

И отшельники получили свое "вознаграждение". Прочитав молитву "святые, укрепившись небесной силой, перекрестились и пошли к тирану на смерть. Те изрубили их своими мечами. И они испустили дух на руках ангелов..." [Памятники..., с. 185].

О моменте погребения мы узнаем из "Мученичества Воскянов": "...собрав [их тела], бросили в ров, нагромодив на них глыбы камней. Восприняв такую смерть, святые оставались похороненными таким образом вплоть до времени великого Григория (имеется в виду Григорий Просветитель. - Т.Г.), который, движимый св. Духом, узнав [об этом], придя, построил над ними часовню". Двоим из Сукиасяпцев удалось избежать гибели. Они удалились на запад, нашли живописную долину, вырыли скит, в котором и прожили до дня своей смерти. На месте погребения двоих спасшихся от гибели Сукиасяпцев армянским царем Вагаршем через некоторое время был построен город Вагаршакерт [Памятники..., с. 173-174].

Итак, мы видим в "Мученичествах" уже знакомые нам персонажи. Это в первую очередь царь Арташес и алапская царевна Сатиник, ставшая армянской царицей, о которых нам поведал Моисей Хоренский. Вернемся к этому автору.

В 58-й главе "Истории Армении" Моисей Хоренский сообщает: "В царствование Арташеса Аруехеаны, родом из аланов, сродники Сатиник, ее сопровождавшие, возведены в дворянское достоинство и армянское пахарство, как родственники великой царицы" [Моисей Хоренский, с. 105]. О ком может идти речь в этом фрагменте? Конечно же, о Сукиасяпцах. Ибо совпадение сведений в "Мученичествах" и у Моисея Хоренского полное.

В 52-й главе труда Моисея Хоренского мы читаем, что уже известный нам "Смбат (имеется в виду Сумбат Бавритиан грузинских летописей. - Т.Г.), по приказанию Арташеса, идет с войском в землю Аланов на помощь брату Сатиник; ибо отец Сатиник умер, и другой, завладев страной Аланов, преследовал брата Сатиник. Смбат опустошил землю врагов последнего" [Моисей Хоренский, с. 101].

Второе совпадение, говорящее о смене "династии" у аланов, - вместо Шапуха царем стал Гигианос. Но совпадение несколько противоречивое, так как в "Мученичествах" аланы приходят в Армению, а у Моисея Хоренского Смбат совершает поход в "землю Аланов". Кто же прав и как это может соотноситься с походом 135 г.? Чтобы разобраться в этом, надо в первую очередь очертить временные рамки описываемых событий. А это возможно сделать, если, обратившись к персонажам, упомянутым в текстах источников, расположить их в хронологической последовательности.

Наиболее ранним из таковых в повествовании является апостол Фаддей. Апостолов с этим именем было два. Один из них имел и другое имя - апостол Иуда (не путать с Иудой Искаротом), он входил в число двенадцати ближайших учеников Христа и был братом апостола Иакова Алфеева. По преданию, он проповедовал Евангелие в Иудее, Галилее, Самарии, Идумее, Аравии, Сирии, Месопотамии, потом в Персии и Армении.

Второй был одним из семидесяти апостолов. Он проповедовал в Месопотамии, Сирии, и в первую очередь в Эдессе, небольшом княжестве к юго-западу от Армении. Он обратил в христианство князя Эдессы Авгаря и его народ, скончавшись около 44 года н.э. [Полный православный..., т. II, с. 2408].

Кто именно из этих двух апостолов был паставником Воскянов, неизвестно. Им мог быть любой из них. Важно, что если окончание их жизни приходится на середину I в. н.э., то деятельность учеников Фаддея, т.е. Воскянов, приходится на вторую половину I н.э.

Кроме как в "Мученичествах", имя Воскян нигде не зафиксировано. Только у Фавстоса Бузанда, армянского историка V в., имеется упоминание местности, которая, как считает К.С. Тер-Давтян, непосредственно связана с именем Воски: "...Где [у истоков реки Евфрата] паходилось вначале пристанище великого Григория, эту местность называют Воскик" [Памятники..., с. 170]. По-видимому, именно в эту местность удалились Воскяны после смерти апостола Фаддея и оттуда отправились ко двору царя Арташеса.

Следующим персонажем (кроме главных, о которых мы поговорим ниже) является царь Вагарш. Он построил город Вагаршакерт на месте погребения двоих из Сукиасяпцев. В истории Армении было два царя Вагарша: Вагарш I (117 - 140/3 гг. н.э.), основавший город Вагаршапат, и Вагарш II (80-е - нач. 90-х гг. II в. н.э.), построивший город Вагаршаван [Памятники..., с. 317]. Кто именно из этих царей упомянут в "Мученичестве Воскянов", неизвестно, но в любом случае избиение Сукиасяпцев произошло не позже II в. н.э.

В тексте "Мученичества Воскянов" упоминается Татиан, на которого, как было сказано выше, ссылается анонимный автор как на свой первоисточник. При этом указывается, что Татиан жил при римском императоре Валентиниане. Валентинианов было три. Два первых правили во второй половине IV в. н.э., а третий в 425 - 455 гг. В то же время авторов с именем Татиан было два. Один из них, Флавий Евтелмий Татиан, жил во времена двух первых Валентинианов (ум. в 396 г.) и был известен как общественный деятель и писатель, продолживший "Ипполиту", но не как христианский автор [Словарь античности, с. 563], что исключает его из числа возможных авторов "Мученичества Воскянов". Второй Татиан жил во II в. н.э. (ум. в 175 г.). Он был видным христианским писателем, учеником философа и богослова Юстина [Полный пра-

вославный... , т. II, с. 2148]. Большинство из многочисленных сочинений, написанных Татианом, не сохранилось. Несмотря на то, что этот Татиан не мог быть современником никого из Валентинианов, в "Мученичестве Воскянов", видимо, упоминается именно он.

Григорий Просветитель жил во второй половине III - первой половине IV в. Именно благодаря ему Армения стала одной из первых христианских стран [Полный православный... , т. I, с. 676-677]. В интересующих нас собитиях он упоминается как человек, построивший на месте погребения Сукиасянцев часовню, т.е. живший позже.

Итак, основываясь на имеющихся фактах, мы можем констатировать, что описанные в "Мученичестве Воскянов" события приходятся на период с середины I в. до конца II в. н.э. Более точную их дату невозможно установить, основываясь только на годах жизни вышеуказанных персонажей, поскольку мы не знаем даже, какой именно из Вагаршей упомянут в источнике. Если же отнестись с достаточным доверием к фактам, изложенным и в "Мученичестве Воскянов", и у Моисея Хоренского, то события, описанные в обоих источниках, можно расположить в определенной хронологической последовательности.

За отправную точку при установлении хронологии событий следует взять 72 г. н.э., т.е. год вторжения алан в Армению и Мидию. Дата эта бесспорна так как она вытекает из сообщения Иосифа Флавия, датировавшего данные события 4-м годом правления Веспасиана [Иосиф Флавий, О войне Иудейской, VII, 7, 1]. Ее, с небольшими отклонениями, придерживались все исследователи, касавшиеся данного вопроса. С событиями 72 г. большинство ученых связывают и сообщения Моисея Хоренского и Леонти Мровели, описавших вторжение алан в Закавказье. В последнее время по поводу датировки сведений двух этих авторов были высказаны и другие мнения. М.П. Абрамова и Н.Е. Берлизов, хотя и считают, что в обоих закавказских источниках речь идет об одних и тех же событиях, датируют их более поздним, чем 72 г., временем: М.П. Абрамова - I - началом II в. н.э. [Абрамова М.П., 1993, с. 174], Н.Е. Берлизов - 114 - 115 гг. [Берлизов Н.Е., 1997, с. 45]. С.А. Яценко разделяет мнение Н.Е. Берлизова о датировке сведений Моисея Хоренского 114 г., но считает, что у Леонти Мровели и Моисея Хоренского описываются разные аланские вторжения [Яценко С.А., 1993а, с. 86]. Расхождения в датировках закавказских источников не беспочвенны, они вызваны имеющимися в тексте анахронизмами и некоторыми фактически несоответствиями.

Мнение авторов, датировавших поход алан в Армению 114- 115 гг., основано на двух приведенных Моисеем Хоренским фактах. На том, что Арташес правил 21 год, а поход алан состоялся в начале его царствования, и на том, что год его смерти совпадает с годом подавления восстания Бар-Кохбы (Баркобы по Моисею Хоренскому) в Иудее в 135 г., т.е.  $135 - 21 = 114$  год.

Однако столь простое решение вопроса расходится с некоторыми другими фактами, имеющимися у Моисея Хоренского. Вступление на престол Арташеса связано с его победой над Еруандом, который правил Арменией при императорах Веспасиане (69 - 79 гг.) и Тите (79 - 81 гг.) [Моисей Хоренский, с. 90]. Что касается самого Арташеса, то, по данным Моисея Хоренского, он правил при императорах Домициане (81 - 96 гг.), Нерве (96 - 98 гг.), Траяне (96 - 117 гг.) и умер при императоре Адриане (117 - 138 гг.) [Моисей Хоренский, с. 102-104, 106]. Если учесть эту информацию, то начало правления Арташеса приходится на начало 80-х годов I в. н.э., а заканчивается в 135 г., - царствовал Арташес не 21 год, а как минимум 50 лет. Налицо явное противоречие, и оно не единственное.

В сражении между войсками Арташеса и Еруанда, закончившемся победой Арташеса и его воцарением в Армении, в стане союзников Еруанда упомянут иверийский царь Парасман [Моисей Хоренский, с. 94]. Парасман, без сомнения, идентичен грузинскому царю Фарасману, неоднократно упомянутому римскими историками [Тацит, Летопись, VI, 32-35; XI, 8, 44-48; XIII, 37; XIV, 36; Дион Кассий, LVIII, 26, 1-4]. По мнению Е.А. Меликишвили, он правил Иберией в 30 - 60-х годах I в. н.э., но никак не позже 75 года, когда на иберийском престоле фиксируется Митридат, сын Фарасмана [Меликишвили Г.А., с. 54, 58]. Таким образом, если поставить под сомнение информацию о правлении в Армении Еруанда во времена Веспасиана и Тита, то время царствования Арташеса увеличивается, как минимум, на 15 лет. Это еще более снижает достоверность информации, ограничивающей правление Арташеса периодом в 21 год. Вне всякого сомнения, имя легендарного и очень популярного в Армении царя Арташеса было распространено Моисеем Хоренским сразу на нескольких армянских царей, правивших с 60-х или рубежа 60 - 70-х годов I в. н.э. до 135 г. Более точную дату начала правления Арташеса, как ее представлял себе Моисей Хоренский, установить, видимо, невозможно. В любом случае исчисление времени аланского вторжения от даты смерти Арташеса следует признать наименее удачным. Более правильно вести его отсчет от начала его царствования, придерживаясь хронологической последовательности событий, изложенных Моисеем Хоренским.

Поход алан состоялся в самом начале правления Арташеса. На это же время приходится и его женитьба на Сатиник и рождение их сыновей (Артавазда и других). В последующих событиях царевич Артавазд предстает перед нами уже совершеннолетним. С его "деяниями" связаны два эпизода, в которых упоминаются реальные исторические персонажи. В 53-й главе повествуется о пленении армянского царевича Зарена иберийским царем Кардцамом. Напомню еще раз: "Артавазд и Тиран вместе с Смбатом нападают на Кардцама и освобождают брата из тяжелых оков заключения" [Моисей Хоренский, с. 102]. По данным Г.А. Мели-

кишвили, правление Кардцама приходится на конец I в. н.э., от рубежа 70 - 80-х гг. [Меликишвили Г.А., 1959, с. 58]. В 54-й главе повествуется о сражении армянских войск с войсками императора Домициана [Моисей Хоренский, с. 102, 103]. В жизнеописаниях Домициана фактов, указывающих на его присутствие на Востоке, не содержится, но о возможном столкновении армянских войск с римлянами свидетельствует надпись, высеченная на скале у подножия горы Беюк-Даш в нынешнем Азербайджане: "В правление императора Домициана Цезаря Августа Германского Луций Юлий Максим, центурион Двенадцатого Молниеносного легиона" [Федорова Е.В., с. 277-278]. Годы правления Домициана хорошо известны - 81 - 96 гг. Они практически совпадают с годами царствования Картама. В обоих эпизодах Артавазд предстает перед нами взрослым мужчиной. Это позволяет, отложив от 80 - 90-х годов годы его взросления, признать середину 70-х годов приемлемым временем для его предполагаемого рождения. Соответственно следует согласиться с теми исследователями, которые датируют описанный Моисеем Хоренским аланский поход 72 г.

Что же касается мнения С.А. Яценко о том, что у Моисея Хоренского и в "Картлис Цховреба" у Леонти Мровели описываются разные события, то, видимо, следует согласиться с мнением В.Ф. Миллера: "При всем несходстве в частностях армянского и грузинского рассказа, нельзя сомневаться в том, что оба относятся к одним и тем же событиям. Оба занесли имя Смбата Бивритиана и Арташеса... оба сообщают о вторжении северокавказских народов в Армению, о столкновении на берегу Куры, о победе армян. Оба упоминают далее о взятии грузинами в плен сына Арташеса Зарена (по Моисею Хоренскому Зареха), его заключение в темнице и освобождение. Такие совпадения не могут быть случайными" [Миллер В.Ф., с. 27].

Итак, большинство вышеизложенных фактов указывает на правомерность датировки 72 г. аланского вторжения, описанного Моисеем Хоренским. Если же за отправную точку при установлении хронологии событий, изложенных Моисеем Хоренским и в "Мученичестве Воскянов", взять этот 72 г., т.е. год свадьбы Арташеса и Сатиник, то рождение сыновей, предавших смерти Воскянов, можно отнести к 73 - 75 гг. Соответственно их взросление приходится на начало 90-х годов I в. н.э.

Этим же временем, по всей видимости, можно датировать и приход ко двору Арташеса христианских проповедников Воскянов. Отнести это событие к более позднему времени вряд ли имеет смысл, поскольку как ни долга могла быть жизнь подвижников христианской веры, но и она не беспредельна. Учитывая же возраст царевичей, предавших Воскянов смерти, не следует существенно занижать эту дату.

Указание на то, что Сукиасянцы до своей гибели пробыли в горах более 40 лет, позволяет отнести трагический финал этой истории к 30-м годам II в. н.э. При этом, исходя из средней продолжительности жизни,

следует иметь в виду, что от рук пришедших в Армению аланских воинов погибли не сами приближенные царицы Сатиник, а, скорее всего, их потомки в первых поколениях, создавшие на территории Армении свою колонию. В то же время установленный факт вторжения алан в Закавказье (в том числе и в Армению) в 135 г. н.э. позволяет соотнести это событие с фактом прихода туда аланского отряда, зафиксированного в "Мученичествах", и датировать гибель Сукиасянцев тем же 135 г. н.э. Тем самым в промежуток времени между 72 и 135 гг. укладывается рождение и взросление Артавазда, время прихода к Арташесу христианских проповедников, отшельническая жизнь алан-христиан в горах и их гибель от рук пришедших в Армению аланских воинов:  $72 + 17 + 46 = 135$  год.

Причины же, приведшие к гибели аланских отшельников, вряд ли были только религиозными. Скорее всего, они имели под собой какую-то политическую подоплеку. В этой связи хочется высказать одно предположение. В "Мученичестве Сукиасянцев" причина, из-за которой аланский отряд отправился в Армению, связана со смертью аланского царя Шапуха и вступлением "на престол" царя Гигианоса [Памятники..., с. 178]. Возможно, именно этот факт нашел отражение в "Истории Армении" Моисея Хоренского: "Смбат, по приказанию Арташеса, идет с войском в землю аланов на помощь брату Сатиник; ибо отец Сатиник умер, и другой, завладев страной аланов, преследовал брата Сатиник. Смбат опустошил землю врагов последнего, которых в большом множестве привел пленными в Арташат. Арташес приказал поселить их на юго-восточной стороне Масиса, называвшейся Шаваршаканской областью, дав (этой последней) название Артаз, потому что земля, откуда переведены были пленные, называется поныне Артазом" [Моисей Хоренский, с. 101].

Если в обоих источниках говорится об одних и тех же событиях, то, видимо, речь идет не только о смене одного аланского царя другим, а о смене династий. Правда, в этом случае мы сталкиваемся с явным противоречием: в "Мученичествах" аланы приходят в Армению, а у Моисея Хоренского армяне совершают поход в "землю аланов". На мой взгляд, имело место первое. Объяснить же появление у Моисея Хоренского эпизода, связанного с походом армянского войска в Алагию, можно желанием автора несколько героизировать историю своего народа, приписав его правителям дополнительные военные победы. Вряд ли у Армении, ведшей кровопролитные и затяжные войны с соседями, была возможность заниматься борьбой за власть на чужей бы то ни было стороне, в землях, лежащих от нее на значительном удалении. Если смена правящих династий в Алагии имела место, то гибель Сукиасянцев можно объяснить, например, борьбой сторонников новой аланской династии с представителями, в том числе и именитыми, старой. Расправиться же с последними во время крупномасштабного вторжения в страну, став-

шую для родственников Сатиник новой родиной, было задачей не из сложных.

Аналогичная проармянская тенденция была отмечена Г.А. Меликишвили не только в рассказе Моисея Хоренского о событиях 72 г., но и в "Картлис Цховреба" [Меликишвили Г.А., 1959, с. 346]. Так, в частности в другом месте, касаясь событий войны между Иберией и Арменией и пленения царевича Зарена, Г.А. Меликишвили пишет: "... рассказ грузинского источника явно зависит от армянской традиции и поэтому всячески приукрашивает неудачи армян, которые они потерпели в борьбе с иберийским царем Каргамом" [Меликишвили Г.А., 1959, с. 349-350]. С этой точкой зрения трудно не согласиться, но следует отметить, что не все сюжеты "Картлис Цховреба" основывались на армянской традиции и соответственно имели проармянскую направленность. В некоторых других случаях достаточно ошутимо просматривается прогрузинская тенденция. В первую очередь это касается освещения походов алан в Иберию в III, IV и V вв., о которых мы поговорим чуть ниже.

Следует остановиться на области Артаз, из которой, по сообщению Моисея Хоренского, были переселены плененные полководцем Смбатом аланы. Упоминание "области Ардоз" в Новом списке "Армянской географии" VII в. позволило В.Ф. Миллеру отождествить Артаз - Ардоз с Владикавказской равниной [Миллер В., 1887, с. 107]. Этот вывод В.Ф. Миллера никем из ученых не оспаривается, поскольку выглядит достаточно убедительно, но он ни в коей мере не может служить доказательством похода армян в Аланию. М.П. Абрамова совершенно верно указывает на сей счет, что во времена Моисея Хоренского (т.е. в V в. н.э.) "аланы проживали в горах Осетии, в местности, которая называлась Артаз. Знание этого и позволило Моисею Хоренскому, не сомневавшемуся в том, что он говорит об аланах, а не об албанах, пояснить, откуда возникло идентичное название местности, находящейся в Армении. Связывать это северокавказское наименование с событиями I в. нет никаких оснований" [Абрамова М.П., 1993, с. 174].

Итак, анализ трех армянских источников, два из которых для освещения темы о походах алан в Закавказье привлекаются впервые, показал, что сведения, в них содержащиеся, не только дополняют друг друга, но и позволяют отнести "Мученичества" к очень ограниченному кругу источников, повествующих о вторжении алан в Закавказье в 135 г.

### ПОХОДЫ III - V ВВ.

Первое из вторжений алан в Грузию-Иберию относится ко времени правления грузинского царя Амазаспа I, годы царствования которого совпадают с периодом правления персидского царя Шапура I Сасанида (242 - 272 гг. н.э.) [Меликишвили Г.А., 1959, с. 62]. Сообщения об этих событиях мы находим только у Леонти Мровели в "Жизни

картлийских царей", являющейся составной частью "Картлис Цховреба": "В период его [Амазаспа] царствования пришли Двалетским путем многочисленные войска *овсов*... с целью сокрушения города Мцхеты. Тогда призвал Амазасп каждого из эриставов картлийских... но до явления эристава западного явились *овсы* с севера к северной стороне города, который называется Мухнари..." [Леонти Мровели, с. 35].

Около этого города и произошло решающее сражение, которое, как водится, началось с поединка бумберазов (богатырей. - Т.Г.) и закончилось победой Амазаспа над овским мужем по имени Хуанхуа и всем войском овсов. "...Нагрянул [Амазасп] на *овсов* и всем конным и пешим [войском] одолел [*овсов*], обратил в бегство весь их лагерь, убил царя *овсов* и перебил их массу". За этой победой следует поход Амазаспа в Овсети: "...Полонил он всю *Овсети* и с победой вернулся восвоисии..." [Леонти Мровели, с. 36].

Однако, несмотря на разгром Овсети, с овсами Амазаспу вскоре пришлось столкнуться вновь. Это становится известно из повествования Леонти Мровели, описавшего смуту внутри Картли: "В это время отступились пять западных эриставов... Обратились они к царю армян с просьбой дать им в цари сына своего, ибо был [этот царевич] сыном сестры Амазаспа. Тут царь Армении... пошел на Картли... сговорились они с *овсами*. И *овсы* с радостью пришли к ним, ибо были они кровниками Амазаспа" [Леонти Мровели, с.36]. Подоспели овсы вовремя. "...воссоединившись с отступавшими картлийскими эристами, предстали в полном составе перед армянским царем" [Леонти Мровели, с.36]. И хотя "не оказалось никого среди такого количества войск греков, армян, *овсов*, мегров и картлийцев, который бы отважился на единоборство с Амазаспом", тем не менее соединенные силы "одолели и убили Амазаспа, обратили в бегство и истребили войско его и захватили Картли" [Леонти Мровели, с. 36].

Исходя из двух этих эпизодов можно видеть, что с III в. меняется направленность походов алан-овсов в Закавказье. Из союзников Грузии овсы превращаются в ее врагов. Об этом будут свидетельствовать и другие события, на которых мы остановимся чуть ниже, а пока, не нарушая хронологического порядка, следует описать еще один эпизод, из этой цепи вроде бы выпадающий.

Событие это, известное нам из "Картлис Цховреба", относится ко времени, когда "царем Армении стал Косаро (Хосров. - Т.Г.). Косаро сей, царь армян, начал войну с персидским царем Касре (Шапур П. -- Т.Г.). Пособлял ему Аспагур (царь Картли. - Т.Г.), отверз врата кавкасионов и вывел *овсов*, леков и хазар, и пришли они к царю Армении Косаро воевать против персов..." [Леонти Мровели, с. 37].

О подготовке этого похода сообщает и армянский автор V в. Агатангехос: "...царь Армении Хосров начал собирать армию и производить набор солдат. Собрав войско агванов и грузин и открыв Алап-

ские и Чорские ворота, вывел войска гуннов и напал па персидскую страну..." [Габриэлян Р.А., 1989, с. 76-77]. Под гуишами скорее всего подразумевались аланы, поскольку нахождение гуишнов за Аланскими воротами, т.е. в Центральном Предкавказье, в начале IV в. маловероятно.

Поход для объединенных армий, как нам сообщает грузинская хроника, разворачивался успешно: "...армяне, картлийцы и племена северные обратили в бегство персидского царя, стали совершать они частые набеги и разорения Персии. И не в силах оказался царь персидский им противостоять" [Леонти Мровели, с. 37].

Об успешном для объединенных сил армян, грузин и алан развитии военных событий сообщает и Агатангехос, говоря, что царь Хосров по завершении похода "войскам, бывшим с ним, раздал подарки и отпустил их от себя..." [Габриэлян Р.А., 1989, с. 77].

Дальнейшие военные действия после ухода северных союзников для армян и картлийцев разворачивались неудачно. В "Картлис Цховреба" имеются сведения о том, что персы нанесли поражение армянам, а армянский царь погиб от рук персидских лазутчиков, а затем печальная участь постигла и Грузию: "Как только царь персов покорил Армению и вторгся в Картли, картлийский царь Аспагур пошел в *Овсети*, дабы привести войско из *Овсети* и укрепить города-крепости. Но по пришествии в *Овсети* Аспагура настигла смерть..." [Леонти Мровели, с. 37]. Далее представители грузинской знати "ради спасения Картли" решают замирииться с царем Персии, выдав за его сына Мириана единственную дочь Аспагура. Брак был заключен, и Мириан становится царем Картли.

В оценке этих событий нельзя не обратить внимание на мнение Г.В. Цулая, указавшего на два важных момента. Во-первых, на временное несоответствие периодов правления армянских и картлийских властителей. Если под армянским царем Косаро можно, как считает исследователь, предполагать наверняка Хосрова II, правившего Арменией в 330 - 338 гг., то его современником не мог быть царь Картли Аспагур, правивший в начале IV в., а был, скорее всего, Мириан III, первый христианский царь Картли, правивший в первой половине IV в. [Леонти Мровели, с. 73, коммент. 130].

Отметим, что не проясняют этот вопрос и сведения армянских историков, Фавстоса Бузанда и Моисея Хоренского, в трудах которых имеются сведения о смерти царя Хосрова. У обоих авторов смерти армянского Хосрова предшествует удачная война Армении с Персией, что переключается со сведениями грузинской летописи, но нет упоминания об участии в этой войне картлийцев и алан, а также нет никаких указаний на причины смерти этого царя (вспомним, что по грузинской версии он был убит персидскими лазутчиками) [Моисей Хоренский, с. 150; Фавстос Бузанд, с. 25].

С другой стороны, сведения Агатангехоса в известной мере совпадают с грузинскими, но этот армянский автор не обрывает этими событиями жизнь царя Хосрова, а более того, указывает на многие успешные войны, которые он вел в дальнейшем [Габриэлян Р.А., 1989, с. 77].

Эти несоответствия не дают возможности точно датировать происшедшее и позволяют лишь отнести их к началу или первой половине IV в. н.э.

Во-вторых, и с этим тоже следует согласиться, Г.В. Цулая рассматривает северокавказские племена, и в том числе алан-овсов, как наемников (что переключается с сообщением Агатангехоса), чья роль в победе армян и картлийцев над персами была решающей [Леонти Мровели, с. 73].

Рассмотрев эти события, хотелось бы сравнить их с походом 72 г. И здесь и там грузинские правители приглашают алан-овсов для грабительского похода против третьей державы. И здесь и там овсы отключаются на призыв и способствуют общей победе. И здесь и там за походом следует неудачная для Грузии война. Но на этом совпадения и кончаются. Если в войне после 72 г. овсы принимали самое активное участие на стороне Грузии, выполняя свой союзнический долг, то в начале IV в. неудачи картлийцев не вызывают у них никакого сочувствия. И было бы странно требовать этого от наемников, успешно выполнивших свои договорные обязательства, но ни в коей мере не уверенных в легком успехе в предстоящей войне. Таким образом, можно констатировать существенные изменения в отношениях Картли и Овсети с III в. н.э.

Подтверждает это еще одно вторжение овсов-алан в Грузию при царе Мириане III, правившем Грузией, как уже отмечалось, в первой половине IV в. н.э. Об этом мы также узнаем из "Картлис Цховреба": "...овсы Перош и Кавтия вторглись в Картли и опустошили ее. Однако Мириан обогнул *Овсети* и [с тыла] вторгся в нее. Опустошил *Овсети* и достиг [рубежей] Хазарети. Затем Двалетским путем вернулся к себе" [Леонти Мровели, с. 39].

Последнее из интересующих нас вторжений алан в Грузию произошло в V в. - во время правления царя Грузии Вахтанга Горгасала. Сведения об этом мы находим в "Жизни Вахтапа Горгасала" - составной части "Картлис Цховреба": "В пору, когда Вахтангу исполнилось десять лет, явились бесчисленные войска *овсов* и полонили от берегов Куры до Хунани, разорили просторы да заняли укрепленные города, за исключением Каспи. Город же Каспи захватили и сокрушили, увели сестру Вахтанга Мирандухт - девочку трех лет... затем вернулись в *Овсети* победителями" [Леонти Мровели, с. 81].

По прошествии нескольких лет, после своего воцарения в 15-летнем возрасте, Вахтанг обращается с речью к картлийским вельможам,

в которой сообщает, что "невозмогу мне более насмешки *овсов*", и призывает к отмщению. "Вахтанг призвал все рати каргтийские", а "цари *овсетские* собрали свои войска, призвали силы из Хазарети и встретили [Вахтанга] у реки, что проходит через Дариалан и разливается по *Овсетской* равнине... Оба войска разбили лагерь по обе стороны реки... В течение этих семи дней над рекой вели поединки лишь бумберазы" [Леонти Мровели, с. 81-82].

Поединки богатырей велись с переменным успехом, но исход сражения решило единоборство царя Вахтанга с овсом Бакатаром, в котором победа досталась, конечно же, грузинскому царю. Успешно завершив сражение, "[картлийцы] вторглись в *Овсети*, сокрушили там города, захватили большую добычу и увели в полон". Далее происходит обмен пленными: "Вахтанг выдал им (овсам. - Т.Г.) тридцать тысяч пленников в обмен за свою сестру и вернул ее себе... Помимо уже обмененных, оставалось еще пленных *овсов* в количестве шестисот тысяч, не считая пачаников и джиков" [Леонти Мровели, с. 85].

Итак, некоторая тенденциозность грузинских письменных источников в описании походов алан в Иберию налицо, но не это самое главное. Важно то, что с III в. н.э. набеги аланов на Закавказье участились и дружественные отношения с Иберией сменились на враждебные. С чем это было связано - неизвестно, но можно предположить, что скорее всего с изменением этнического состава населения Центрального Предкавказья, т.е. массовым приходом туда собственно алан.

Кроме Грузии аланы продолжают тревожить и Армению. Сведения о таком походе относятся ко времени правления царя Армении Хосрова Котака (330 - 338 гг.). Об этом нам сообщают Моисей Хоренский и Фавстос Бузанд. Вот что мы находим у Моисея Хоренского: "Во дни Хосрова жители северной части Кавказа... по тайному приказанию Шапуха, царя парсийского, соединяются и делают нападение на центр нашего отечества массою около двадцати тысяч человек... неприятели нанесли поражение северным нашим полкам, обратили их в бегство, очутились под стенами Вахаршапата и осадили его" [Моисей Хоренский, с. 149]. Потерпев несколько неудач в начале этой войны, армяне собирают свои силы и оттесняют вторгшихся северян в "неприходимые и каменные места, покрытые скалами". Между двумя армиями происходит решающее сражение, в котором центральное место занимает единоборство между военачальником армян Ваханом Амадуни и предводителем "копейщиков" армии северян. Интересно описание последнего: "Предводителем копейщиков выступил какой-то чудовищный исполин во всеоружии, весь покрытый густым войлоком, он совершал чудеса храбрости посреди войска. Храбрейшие из армян, внимательно следившие за ним, напали на него, но не могли причинить ему вреда: от ударов копий только вращалась его войлочная броня" [Моисей Хоренский, с. 149]. Исход поединка решила молитва, вознесенная

Ваханом Амадуни Господу: "Мольба его была услышана: он опрокинул через зад лошади ужасное чудовище. Такой случай принудил к бегству неприятеля, а полкам армянским придал отваги на победу" [Моисей Хоренский, с. 149].

В приведенном свидетельстве Моисея Хоренского ни разу не упоминаются аланы, но вывод о том, что среди вторгшихся "жителей северной части Кавказа" были ираноязычные племена, мы сделать можем. В связи с этим интересно мнение, высказанное Ю.С. Гаглойти. Исследователь отмечает, что переводчик Н.О. Эмин "в примечании к последней работе отметил, что в подлиннике вместо слов *чудовищный исполин* стоит слово *анариска*, необъяснимое из армянского языка. Это слово он переводит как *чудовищный исполин*. Совершенно ясно, что речь идет об имени одного из военачальников вторгшихся войск" [Гаглойти Ю.С., 1966, с. 154]. Это имя, по мнению Ю.С. Гаглойти, в свою очередь соответствует осетинскому слову "анарисга", что означает "не знающий, не чувствующий боли" [Там же].

Более подробную информацию об этническом составе вторгшейся в Армению армии мы находим у другого армянского историка - Фавстоса Бузанда: "В то время маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждою к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал он все войска - гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижсмахов, гатов и гларов, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен" [Фавстос Бузанд, с. 15].

Как видим, аланов нет в этом перечне вторгшихся в Армению народов, а возглавили поход маскуты - массагеты. Принадлежность последних к кругу ираноязычных народов может объяснить происхождение имени Анариска - "чудовищного исполина", упомянутого Моисеем Хоренским и возглавлявшего отряд вторгшихся "северян".

Можно, конечно, спросить, а причем здесь аланы? Прямой ответ на этот вопрос находим в тексте самого Фавстоса Бузанда. Описав некоторые подробности вторжения, он, как и Моисей Хоренский, сводит два противоборствующих войска у стен Вагаршапата и дарует победу армянам: "Произошло крайне ожесточенное сражение, и соратники армянского полководца... набросились, били-громили войска аланов и мазкутов, и гуннов, и других племен..." [Фавстос Бузанд, с. 16].

Итак, мы имеем прямое указание на присутствие алан среди народов, совершивших это вторжение. При этом аланы упоминаются вместе с массагетами, а если учесть, что некоторые древние авторы (Дион Кассий, Аммиан Марцеллин) указывают на массагетское происхождение алан, то мы можем позволить себе не противопоставлять алан и массагетов, а рассматривать их или как два народа, составляющих в политическом отношении единое целое, или как единое этническое целое (аланы) с указанием на его происхождение (массагеты). Как бы то ни было,

важно отметить существенную этническую близость, если не тождественность, алан и массагетов.

Политическую же ситуацию можно представить, например, таким образом. Массагеты, задумав поход, привлекают на свою сторону алан наряду с другими народами Кавказа. В этом случае мы имеем дело с двумя различными группировками ираноязычных кочевников. Или же, что не менее вероятно, являясь единым этническим целым, аланы-массагеты выступают инициаторами похода и привлекают на свою сторону различные кавказские народы.

Кроме описания самого похода у армянских авторов можно найти и указание на причины, его повлекшие. В данном случае важен эпизод, предшествующий вторжению и описывающий смерть епископа Григориса. Армянский царь Тиридат для проповеди христианства посылает к маскутам юного епископа Григориса (внука Григория Просветителя) и в сопровождающие ему дает своего родственника Санатрука Аршакида. Последний, прослышав о смерти Тиридата, подстрекает маскутов убить Григориса. Затем Санатрук, "возложив на себя корону, завладел городом Пайтакараном: при помощи чужих народов он думал завладеть всею Арменией" [Моисей Хоренский, с. 144-145]. Смерть Тиридата указывает на дату происшедших событий, на 330 г. [Бикерман Э., 1976, с. 202]. После этих событий и состоялся вышеописанный поход на Армению. Правда, Фавстос Бузанд вместо Санатрука инициатором похода называет царя маскутов Санесана.

Возникает вопрос, являются ли Санесан и Санатрук одним и тем же лицом? За это говорит то, что кроме совпадения описания событий у обоих авторов имеется указание на принадлежность того и другого к роду Аршакидов. А против этого - некоторое расхождение у двух армянских историков в том, кем был Санесан-Санатрук до начала миссионерской деятельности Григориса у маскутов. По Моисею Хоренскому, Санатрук был родственником и приближенным армянского царя Тиридата и отправился с Григорисом к маскутам в качестве сопровождающего, а если верить Фавстосу Бузанду, то он был царем маскутов до и вне зависимости от смерти Тиридата и гибели Григориса. О последнем красноречиво говорят следующие слова Бузанда: "...он (Григорис. - *Т.Г.*)прибыл в стан аршакидского царя маскутов, имя которого было Санесан, ибо и их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода" [Фавстос Бузанд, с. 13]. Видимо, вопрос о тождественности Санатрука и Санесана, как и некоторые другие, пока остается открытым.

На место, откуда произошло вторжение, указывают оба армянских автора. Так, у Фавстоса Бузанда находим: "Он (Санесан. - *Т.Г.*)перешел свою границу, большую реку Куру и наводнил армянскую страну" [Фавстос Бузанд, с. 15], что свидетельствует о том, что вторжение произошло с севера. Кроме того, у этого автора есть эпизод, предше-

ствующий вторжению и описывающий смерть епископа Григориса от рук маскутских воинов: "Тогда они поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю вдоль берега великого северного моря" [Фавстос Бузанд, с. 14].

Какое именно море имеется в виду, Фавстос Бузанд нам не сообщает, по более точные указания на это имеются у Моисея Хоренского. Первое: "Во дни Хосрова жители северной части Кавказа... соединяются и делают нападение на центр нашего отечества..." [Моисей Хоренский, с.149]. Второе: "Блаженный Трдат... посылает туда епископом юного Григориса... варвары убили блаженного мужа под конскими копытами на Ватнеанской равнине, недалеко от моря, называемого Каспийским" [Моисей Хоренский, с. 144-145].

Итак, отправной точкой похода можно считать западное побережье Каспийского моря. Если же обратиться к данным "Армянской географии" VII в., то область обитания маскутов находилась к югу от Дербента [Из нового списка..., с. 31], поход был совершен не через Центральное Предкавказье, как все предыдущие, а с территории Западного Прикаспия. Если с районом обитания маскутов все более или менее ясно, то много вопросов остается относительно участия в походе алан. Если их рассматривать как составную часть маскуто-массагетов, то опять же все ясно, но если аланы и массагеты составляли две самостоятельные племенные группировки, то встает вопрос об ареале их обитания. Можно предположить два варианта. Первый: в походе принимали участие те же аланы, что вторгались в Закавказье через Центральное Предкавказье и ввиду враждебных отношений с Иберией, что зафиксировано с III в. н.э., походы через Центральный Кавказ для алан были труднодоступны, а путь через Западный Прикаспий вполне допустим. Во-вторых, что более вероятно, в походе принимала участие другая аланская группировка, обитавшая в непосредственной близости от области маскутов. Хотя сведений о ней у армянских авторов мы не находим, но на ее наличие, видимо, указывают свидетельства Клавдия Птолемея. Этот автор зафиксировал во II в. н.э. на западном побережье Каспийского моря реку Алонта [Птолемей, V, 8, 12] и племя олондов [Птолемей, V, 8, 17-25], которых, без сомнения, следует отождествить с аланами. Некоторое несоответствие в написании этнонимов "аланы" и "олонды", а также отсутствие каких-либо сведений о политической жизни племени олондов позволяет предположить, что оно не было достаточно известно древним авторам и его название дошло до Птолемея от кого-либо в искаженном виде.

Завершая рассказ о походах алан в Закавказье, хотелось бы отметить еще один эпизод, в котором аланы выступают не как противники, а как союзники армянского царя. Сведения об этом сохранились у Фавстоса Бузанда, который сообщает, что "армянский царь Аршак собрал и сосредоточил войско в огромном количестве, как песок, и,

## ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ И АЛАНЫ

выступив, пошел на персидскую страну. Васак (полководец Аршака. - *Т.Г.*) взяв армянский отряд, призвал на помощь также гуннов и аланов и (вместе с ними) пошел на помощь армянскому царю против персов" [Фавстос Бузанд, с. 113].

И в этом эпизоде мы, возможно, сталкиваемся с аланами, обитавшими не в Центральном Предкавказье, а на западном побережье Каспийского моря, то есть с олондами. В пользу этого говорит не только враждебность отношений алан с Грузией, через которую аланам сложно было бы прийти на помощь армянам, но и союзнические отношения алан, как и в предыдущем походе, с гуннами. Местом обитания последних можно считать Северо-Западный Прикаспий, где их впервые фиксирует автор II в. н.э. Дионисий Периегет [Дионисий Периегет, 718-732], в непосредственной близости от олондов.

Таким образом, вторжения алан в Закавказье происходили с севера двумя путями: через Дарьял и через Западный Прикаспий. Исходя из сказанного выше, можно предположить, что разными путями пользовались различные аланские группировки. Через Прикаспий двигались аланы-олонды, а через Дарьял - аланы-овсы.

Итак, существуют достоверные свидетельства о нескольких походах алан в Закавказье в первой половине I тыс. н.э. Кроме всего того, что было рассмотрено выше, имеются сообщения Моисея Хоренского и Фавстоса Бузанда о вторжении в Армению северных народов. Эти народы не характеризуются древними армянскими авторами как аланы, но как алан их определяет Р.А. Габриэлян [Габриэлян Р.А., 1989]. Не отрицая полностью возможности этих вторжений как аланских, хотелось бы отметить, что отсутствие какого-либо указания на причастность к ним именно алан оставляет этот вопрос открытым.

Попытаться же ответить на вопрос, почему с III в. меняется направленность походов алан в Закавказье, т.е. происходит изменение их отношений с Грузией, можно уже сейчас. Для этого необходимо осветить этническую историю Центрального Предкавказья в конце I тыс. до н.э. - в первой половине I тыс. н.э. А это невозможно сделать без привлечения археологических источников.

Изучение истории Центрального Предкавказья в сарматское время ведется давно, и по этому вопросу имеется огромная литература. Не останавливаясь на ее анализе, хотелось бы отметить фундаментальную монографию М.П. Абрамовой, обобщившую практически все имеющиеся к моменту выхода работы археологические материалы по рассматриваемому вопросу и снабженную обширной библиографией по всем аспектам проблемы [Абрамова М.П., 1993]. Это позволяет не останавливаться на характеристике всех археологических комплексов и взглядах исследователей, их интерпретирующих. Все важное имеется в этой работе. Хотелось бы только коснуться вопроса о происхождении катакомбного обряда погребения Центрального Предкавказья и его этнической атрибуции. По этой проблеме среди исследователей нет единого мнения, а тема эта непосредственно связана с аланской проблемой, поскольку многие исследователи именно с аланами связывают северокавказские катакомбные погребения.

В значительной степени соотнесение катакомбных погребений с аланами было установлено ретроспективно. И вот каким образом. В 1909 г. вышла работа А.А. Спицина [Спицин А.А., 1909, с. 69-72], в которой автор, при анализе раннесредневековых погребений Салтовского могильника на Дону, обратил внимание на тождественность катакомбных погребений этого могильника с синхронными катакомбами из Осетии. Определив салтовские катакомбы как аланские, автор дал аналогичную характеристику и катакомбам северокавказским, причем не только раннесредневековым из Центрального Предкавказья, но и кубанским, относящимся к первым векам н.э. Несколько позже к выводу о тождественности катакомб Северного Кавказа и Салтова пришел и Ю.В. Готье [Готье Ю.В., 1927, с. 80-81]. В дальнейшем концепция об аланской принадлежности катакомбных погребений Северного Кавказа стала господствующей. И действительно, если на территории, известной по раннесредневековым письменным источникам как Алания, господствующей формой погребального сооружения является катакомба, то соответственно она может служить индикатором аланской культуры. Вслед за А.А. Спициным и Ю.В. Готье чаще всего именно с аланами стали связывать и катакомбы сарматского времени, соотнося их появление на Северном Кавказе с первым упоминанием этого народа в письменных источниках. Эта точка зрения на несколько десятилетий в науке стала господствующей.

Значительно отличается от нее мнение М.П. Абрамовой. Возможность пересмотреть общепринятое мнение ей дали материалы могильников Нижний Джулат [Абрамова М.П., 1972] и Чегем II [Кереев Б.М., 1985], ранние катакомбы которых датируются II - I вв. до н.э. Рассмотрев эти погребения, М.П. Абрамова выделила черты погребального обряда, не характерные для сарматов, а собственные местным кавказским племенам, и указала на местное происхождение некоторых категорий инвентаря. Все это позволило ей сделать вывод о том, что решающая роль в формировании катакомбного обряда погребения принадлежит местному кавказскому населению и большому влиянию Северо-Западного Кавказа, Крыма и Тамани, где были распространены земляные склепы [Абрамова М.П., 1978; 1979; 1982]. Справедливо критикуя традиционную точку зрения, М.П. Абрамова, однако, почти полностью отрицала в этом процессе роль ираноязычных кочевников. В дальнейшем ее формулировки стали более точными. В частности, в "местном" населении, по ее мнению, надо видеть не только автохтонные племена, но и ираноязычное кочевое население, проникшее на Северный Кавказ еще до появления здесь катакомбных погребений [Абрамова М.П., 1988, с. 24, 25].

Работы М.П. Абрамовой позволили многим сторонникам традиционной точки зрения по-новому взглянуть на проблему происхождения северокавказских катакомб. В этом смысле интересна статья, например, В.Б. Виноградова и Я.Б. Березина, в которой авторы, будучи в прошлом сторонниками господствующей концепции, в значительной степени пересмотрели свои взгляды [Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985, с. 54, 55]. Таким образом, в последние годы намечилось сближение некогда полярных точек зрения, хотя это не позволяет считать вопрос решенным.

В Центральном Предкавказье катакомбные погребения появляются в последние века до н.э. как в курганах, так и в грунтовых могильниках. Все катакомбы Центрального Предкавказья, зафиксированные в курганах, были впускными, и к настоящему времени их раскопано немного. Они датируются III - I вв. до н.э. и локализируются в Ставрополье и Северной Осетии. Все впускные катакомбы имеют сходную конструкцию - длинные оси входной ямы и камеры находятся на одной прямой (тип II по К.Ф. Смирнову). Исходной территорией, с которой погребения этого типа распространились на Северном Кавказе, по мнению М.П. Абрамовой, является Таманский п-ов, где аналогичные земляные склепы становятся характерными начиная с IV - III вв. до н.э. [Абрамова М.П., 1993, с. 99-101]. Появление впускных катакомб в Центральном Предкавказье М.П. Абрамова связывает с приходом сираков, в которых она вслед за К.Ф. Смирновым склонна видеть потомков савроматов, вытесненных с Нижнего Дона в Прикубанье аорсами. Расселение в Прикуба-

нье и Приазовье савроматов, их контакты и частичное слияние с местным населением и привели к сложению сиракского союза племен. Именно от местного эллинизированного населения сираки, по мнению М.П. Абрамовой, и восприняли данную форму погребального сооружения. Подтверждает эту мысль тот факт, что в Краснодарском крае обнаружено наибольшее количество впускных катакомб типа II [Ждановский А.М., 1987, с. 35].

Кроме того, следует иметь в виду, что катакомбы типа II были зафиксированы у сармат Поволжья и Приуралья. Несмотря на то что для сарматских памятников катакомбы были малохарактерны, все же большинство из них приходится на III - II вв. до н.э. [Мошкова М.Г., 1983, с. 23, табл.], т.е. на время, когда данный тип погребального сооружения распространяется (хотя также в ограниченном количестве) и в Центральном Предкавказье. Последнее не позволяет считать вопрос об исходной территории распространения впускных катакомб II типа решенным. В любом случае появление этого обряда погребения в Центральном Предкавказье следует связывать с приходом туда новой группы ираноязычных кочевников вне зависимости от того, были ли это сираки Прикубанья или сарматы Поволжья - Приуралья.

Несколько сложнее выглядит решение вопроса об этнической атрибуции грунтовых катакомбных могильников Центрального Предкавказья в сарматское время - Нижний Джулат, Чегем II, Подкумок, Пседах, Алхасте, р.Юца и др. Хронологические рамки, в которые укладывается время существования этих могильников, - II в. до н.э. - середина III в. н.э.

Говоря о грунтовых могильниках, следует иметь в виду, что помимо катакомб они содержали и грунтовые ямы, что, в свою очередь, также требует дополнительного разъяснения, поскольку может возникнуть вопрос, возможно ли население, оставившее грунтовые ямы, разграничить этнически с населением, оставившим катакомбы? При сравнении грунтовых ям с катакомбами выясняется, что в грунтовых ямах отсутствует ряд признаков, характерных для катакомб (мел, галька, цепь, краска, оселки, колчаные крючки). Однако наличие ряда признаков (курильницы, астрагалы, пожи с пищей, наконечники стрел, подстилка, уголь), встречаемых как в катакомбах, так и в грунтовых ямах, не дает пока возможности провести линию разграничения между населением, оставившим грунтовые ямы, и населением, и оставившим катакомбы.

Грунтовые ямы - самый распространенный вид погребального сооружения, они часто встречаются в одних и тех же могильниках с погребениями более сложной конструкции. Возможно, в различных формах погребальных сооружений на одном могильнике (если, конечно, они относятся к одному времени) не всегда следует видеть разли-

чия этнические, часто они могут быть социальными, половозрастными, религиозными и т.д. Поэтому, видимо, не стоит грунтовые ямы данных могильников связывать с населением, сильно отличающимся от населения, оставившего катакомбы.

Некоторые различия тем не менее наблюдаются не столько между погребениями разных конструкций внутри одного могильника, сколько между самими могильниками, - я имею в виду отличие Подкумского могильника от Нижнеджулатского и Чегемского, при удивительной схожести двух последних по всем основным параметрам. Отличие это заключается не только в отсутствии на Подкумке четырех признаков, характеризующих погребальный обряд, но и в наличии на Подкумке таких форм катакомб, каких нет на могильниках Нижний Джулат и Чегем П. Объяснить это несходство, как кажется, можно не только хронологическими (некоторые признаки, характеризующие погребальный обряд, исчезают до I в. н.э., т.е. до начала функционирования Подкумского могильника) и не столько этническими причинами, сколько локально-племенными различиями. Право на подобное утверждение дает наличие на всех трех могильниках 12 из 16 признаков, характеризующих погребальный обряд (подробнее см. [Габуев Т.А., 1988б]). Таким образом, в данном случае имеет смысл рассматривать население, оставившее грунтовые могильники, как этнически однородное, поскольку наличие определенных различий для нашей темы несущественно.

Объяснить появление грунтовых катакомб могла бы традиционная точка зрения, правда, в несколько измененном виде, - своим происхождением эти катакомбы обязаны не аланам, а сарматским племенам. Сарматы же в последние века до н.э. принесли в Центральное Предкавказье впускные катакомбы и впоследствии, при переходе к оседлости, стали хоронить умерших в грунтовых катакомбных могильниках. Если бы это было так, то на раннем этапе существования грунтовых катакомбных могильников господствующим типом катакомбы был бы тип, характерный для впускных катакомб (длинные оси входной ямы и камеры - на одной прямой). Чтобы убедиться, так ли это, следует подробнее остановиться на характеристике катакомбных грунтовых могильников. Кроме того, интересно проверить и мнение М.П. Абрамовой о том, что в первых веках и особенно во II - III вв. н.э. господствующим типом становятся катакомбы с перпендикулярным соотношением длинных осей [Абрамова М.П., 1988, с. 32], поскольку это имеет значение для этнической интерпретации катакомб последующего периода.

В 1988 и 1997 гг. автор этих строк опубликовал две статьи, в одной из которых была приведена классификация катакомбных погребений Центрального Предкавказья сделанная с использованием

математических методов [Габуев Т.А., 1988а], в другой - этим катакомбам была дана этническая интерпретация [Габуев Т.А., 1997]. Не останавливаясь подробно на фактах, изложенных в них, хочется остановиться на основных сделанных выводах. В сарматское время (II в. до н.э. - III в. н.э.) для грунтовых могильников характерно наибольшее число разновидностей катакомб (26), которые можно разделить на четыре группы погребений: 1) длинные оси входной ямы и камеры на одной прямой; 2) длинные оси перпендикулярны; 3) длинные оси параллельны; 4) двухкамерные катакомбы. Если же бытование грунтовых катакомб сарматского времени разделить на два периода (II в. до н.э. - рубеж н.э. и I - III вв. н.э.), то распределение катакомб по группам и периодам будет выглядеть следующим образом.

Для раннего периода (II в. до н.э. - рубеж н.э.) характерны катакомбы группы 2 с перпендикулярным соотношением длинных осей (77,8%) и отсутствуют погребения групп 3 и 4, а катакомбы группы 1 представлены всего двумя погребениями (22,2%).

В более позднее время (I - III вв. н.э.) катакомбы группы 1 отсутствуют, а все погребения достаточно равномерно распределились по группам 2, 3 и 4. Среди этих погребений катакомбы группы 2 составляют только одну треть. Несколько увеличивается процент этих катакомб, если выделить только погребения II - III вв. н.э., но и в этом случае катакомбы с перпендикулярным соотношением осей не будут составлять и половины от общего их числа. Кроме того, мы можем констатировать, что к III в. н.э. в Предкавказье происходит резкое сокращение числа всех погребений, и не только катакомб. Картина существенно не изменится, если мы прибавим к погребениям группы 2 единичные катакомбы из могильников Пседах и Алхасте, датированных II - III вв. н.э.

Таким образом, малое количество катакомб группы 2, как и вообще погребений II - III вв. н.э. в Центральном Предкавказье, хотя и позволяет согласиться с мнением М.П. Абрамовой о характерности для этого времени катакомб с перпендикулярным соотношением длинных осей, в то же время не убеждает в том, что эта форма становится господствующей. В процентном же отношении катакомб группы 2 в первых веках н.э. становится даже меньше по сравнению со II - I вв. до н.э.

Итак, в последние века до н.э. для Центрального Предкавказья были характерны как впускные катакомбы, так и грунтовые катакомбные могильники.

Вопрос о взаимосвязи впускных катакомб, без сомнения принадлежавших пришлому кочевому населению, и грунтовых катакомб, принадлежавших местному оседлому населению, можно решать следующим образом.

Малое количество впускных катакомб и локализация их в других районах, а не в тех, откуда происходят грунтовые могильники, не позволяют утверждать, что появление последних вызвано переходом к оседлости кочевых сармат, которым принадлежали впускные катакомбные погребения. Иными словами, появление грунтовых катакомбных могильников в Центральном Предкавказье следует связывать не напрямую с сарматским населением, а с зарождением этого обряда непосредственно в Центральном Предкавказье. Впускные катакомбы могли послужить своеобразным "импульсом" для появления грунтовых катакомбных могильников. Для подобной постановки вопроса должно быть соблюдено одно условие - население, этот "импульс" воспринявшее, не должно находиться в антагонизме с населением, этот "импульс" передавшим. Под "антагонизмом" нужно понимать антагонизм не политический, а скорее идеологический, религиозный или этнический.

Население равнинной и предгорной зоны Центрального Предкавказья к моменту появления здесь сармат - носителей впускных катакомб - было в значительной степени неоднородно и содержало как местный, кавказский, так и пришлый, иранский, элементы. Проникновение ираноязычных кочевников в Предкавказье началось задолго до появления здесь катакомб, начиная по крайней мере со скифского времени. Постепенно процент иранского населения увеличивался в связи с приходом новых групп кочевников. Каждая новая волна попадала в среду, в значительной степени "подготовленную" их предшественниками. И эта среда, видимо, не была для пришельцев совершенно чуждой в этническом, культурном и религиозном отношениях. И у пришлого, и у местного населения в процессе их взаимодействия могли вырабатываться близкие представления относительно религиозно-обрядовой стороны жизни вообще и погребального обряда в частности, т.е. идея сооружения катакомбы у сармат могла лечь на подготовленную почву запросов северокавказского иранизированного населения. Идею "импульса" следует рассматривать не иначе как предположение. Она не противоречит, а только дополняет концепцию о сложении катакомбного обряда погребения непосредственно в Центральном Предкавказье. О том, что зарождение катакомбного обряда погребения происходило непосредственно в Центральном Предкавказье, свидетельствует наличие большого числа разновидностей катакомб (26) в грунтовых могильниках. Последний факт позволяет говорить о том, что катакомбы не появляются здесь в готовом виде, а именно тут наблюдается процесс их сложения.

К подобному пониманию процесса сложения и распространения катакомбного обряда погребения нас подтолкнула мысль Г.А. Фе-

дорова-Давыдова о типобразовании [Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с. 286-296]. Эта мысль сводится к следующему: каждая разновидность какой-либо категории предметов проходит несколько стадий в своем развитии. В первый период признаки на объекте сочетаются случайно в связи с тем, что у производителей еще не сложилось четкого представления о форме и других качествах этого объекта. Это влечет за собой появление большого количества разновидностей, многие из которых являются случайными, т.е. нетипическими, и бытуют ограниченное количество времени. Некоторые разновидности - "сильные" (по Г.А. Федорову-Давыдову. - Т.Г.), они продолжают существование и становятся господствующими. При этом некоторые разновидности, обладающие связанным ядром значимых признаков, могут быть и редкими типами. И наконец - период упадка, когда какой-либо тип предметов постепенно выходит из употребления.

Если рассматривать северокавказские катакомбы с этой точки зрения, то получится следующая картина. Ранний период бытования грунтовых катакомб в Центральном Предкавказье (сарматское время) можно рассматривать как первый период формирования типов катакомбных погребений. Для него характерно большое число разновидностей, многие из которых представлены единичными погребениями или малым их числом. Некоторые разновидности существуют ограниченное время, поскольку являются нетипическими. Катакомбы, у которых оси входной ямы и камеры расположены па одной прямой, являются "редкими" типами, поскольку они представлены достаточным числом погребений (если учитывать и впускные и грунтовые катакомбы) и различия в деталях конструкции у них незначительны. Исчезновение их к рубежу н.э. свидетельствует об окончании периода их существования.

Если рассматривать остальные катакомбы, то для всего сарматского периода более характерны погребения с перпендикулярным соотношением длинных осей. Разнообразие разновидностей катакомб этой группы, видимо, свидетельствует о поиске их строителями оптимальных параметров погребальной конструкции данного типа. Однако процесс типобразования в сарматский период не был завершен, поскольку к середине III в. н.э. грунтовые катакомбные могильники прекращают свое существование. На поздней стадии их бытования (I - III вв. н.э.) не были выработаны "сильные" типы, которые в дальнейшем стали бы господствующими. Следует еще раз отметить, что во II - начале III вв. н.э. общее количество грунтовых погребений резко сокращается, и каждая разновидность катакомб представлена чаще всего единичными погребениями.

В середине III в. н.э. в степной зоне Центрального Предкавказья

появляются подкурганые катакомбные могильники. Большинство этих курганов расположено на правом берегу Среднего Терека - от г. Моздока (Братское, Октябрьское, Виноградная) до г. Грозного (Алхан-Кала) [Мунчаев Р.М., 1965; Абрамова М.П., 1975; Габуев Т.А., 1985; Нечаева Л.Г., 1956]. Датируются эти погребения III-IV вв. н.э. Более поздним временем (V в. н.э.) датируются аналогичные подкурганые катакомбы у с. Брут в предгорной зоне Северной Осетии [Абрамова М.П., 1975, с. 231; Габуев Т.А., 1991, с. 27-29].

Все катакомбы в курганах являются основными. Они имеют перпендикулярное соотношение длинных осей входной ямы и камеры, настоящие дромосы и прямоугольные в плане камеры и входные ямы. Поскольку все эти катакомбы разграблены в древности, то основным источником для их этнической интерпретации становится конструкция погребального сооружения. Во всех этих могильниках к настоящему времени раскопано только небольшое количество курганов, тогда как реальное число погребений может исчисляться многими сотнями, поскольку могильники эти обширны и зачастую сливаются друг с другом.

Подкурганые катакомбы этого времени имеют существенные отличия от грунтовых катакомб сарматского времени. Не останавливаясь подробно на всех деталях, поскольку о них уже сообщалось [Габуев Т.А., 1988а, с. 151-155], хотелось бы обратить внимание на наиболее важные различия: во-первых, различия в деталях конструкций катакомб обоих периодов (форма свода, количество и характер устройства ступеней во входной яме и пр.); во-вторых, существенная разница в размерах и пропорциях катакомб; в-третьих, особая тщательность отделки подкурганых катакомб по сравнению с катакомбами грунтовыми; в-четвертых, среди катакомб сарматского времени нет преобладания тех разновидностей катакомб, которые имели бы общее сходство с катакомбами подкурганными; в-пятых, малое количество разновидностей подкурганых катакомб по сравнению с катакомбами сарматского времени. Последнее указывает на то, что строители подкурганых катакомб имели четкое представление о форме погребального сооружения, в котором они хоронили своих умерших соплеменников, т.е. мы видим уже сложившуюся форму погребального сооружения. И последнее, грунтовые могильники сарматского времени содержали не только катакомбы, но и грунтовые ямы, тогда как в подкурганых могильниках зафиксированы только катакомбы.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что появление подкурганых катакомб нельзя рассматривать в связи с разрывом традиции сооружения катакомб предшествующего времени.

Первый период (сарматское время) бытования катакомб в Центральном Предкавказье можно считать начальным этапом формирования типов катакомбных погребений. Но этот период не был завершен, поскольку новое население, принесшее подкурганые катакомбы, положило конец существованию грунтовых катакомбных могильников. У нового населения процесс типобразования был на более высокой ступени или даже завершен, т.е. все "слабые" типы и случайные "нетипические" разновидности катакомб уже исчезли, а различия между существующими "сильными" типами незначительны.

В населении, оставившем подкурганые катакомбы, я склонен видеть алан, значительная масса которых (судя по обширности курганых могильников) в середине III в. н.э. осваивает равнинные и предгорные зоны Центрального Предкавказья.

Выделение собственно раннеаланских памятников из числа сарматских не является вопросом решенным, но хотелось бы отметить, что наиболее аргументированным выглядит мнение об отнесении к ним богатых подкурганых захоронений на Нижнем Дону [Раев Б.А., 1978, с. 14].

Присутствие ранних донских алан в Центральном Предкавказье в первых веках н.э. вполне вероятно, так как походы в Закавказье они совершали через горные перевалы именно этого региона. Однако поскольку приток населения в Центральном Предкавказье в последние века до н.э. - первые века н.э. археологически пока не прослеживается, то говорить об их длительном проживании здесь преждевременно. Что же касается нашего утверждения о приходе в Центральном Предкавказье в середине III в. н.э. значительной массы алан, то мы, видимо, имеем здесь дело уже с новой волной аланской миграции, новой не только для Кавказа, но и для Европейской Сарматии.

Говоря о середине III в. н.э. как о дате прихода основной массы алан в Центральном Предкавказье, следует иметь в виду, что ее можно считать до некоторой степени условной. Отдельные подкурганые катакомбы датируются и несколько более ранним временем - с первой половины III в. или даже со II в. н.э. (Беслан, Алхан-кала) [Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., в печати]. Интерпретировать этот факт следует как удревнение появления подкурганых катакомб в Предкавказье, соответственно с понижением даты прихода туда алан. Однако поскольку эти ранние погребения единичны, то делать пока какие-либо выводы о количестве осевших в Предкавказье в это время аланов, думается, преждевременно.

Вопрос о регионе, откуда произошла аланская миграция, непосредственно связан с вопросом о нахождении прародины этого наро-

да. Самым распространенным до недавнего времени являлось мнение о сарматском происхождении алан. Аланы, по мнению К.Ф. Смирнова, вызревали "как политическая и военная сила внутри сарматской конфедерации III - II вв. до н.э., возглавляемой аорсами" [Смирнов К.Ф., 1950, с. 108]. Аорсов исследователь помещал в степных районах Северного Прикаспия.

Кроме того, существует мнение о среднеазиатском происхождении алан. На перспективность этого пути исследования указывает и то, что наиболее близкие аналогии подкурганным катакомбам III - IV вв. н.э. Центрального Предкавказья мы находим среди катакомбных погребений Средней Азии, в памятниках Средней Сырдарьи конца I тыс. до н.э. - середины I тыс. н.э. В присырдарьинских районах катакомбные погребения, аналогичные подкурганным северокавказским, являются преобладающими [Степная полоса..., 1990, с. 28, 29, 104-106]. Они имеют перпендикулярное соотношение длинных осей входной ямы и камеры, чаще всего входные ямы и камеры соединялись при помощи дромоса, а в узких и длинных входных ямах устраивались ступени.

Первой на родство северокавказских и среднеазиатских катакомб указала Л.Г. Нечаева [Нечаева Л.Г., 1961, с. 159]. Не разделяя до конца эту точку зрения, К.Ф. Смирнов считал ее наиболее аргументированной [Смирнов К.Ф., 1972, с. 80]. На схожесть керамического комплекса и элементов погребального обряда Средней и Нижней Сырдарьи с алапской культурой Северного Кавказа указывала и Л.М. Левина [Левина Л.М., 1971, с. 241].

Тем не менее вопрос о среднеазиатском происхождении подкурганых катакомб Центрального Предкавказья пока можно рассматривать только как гипотезу. Это связано с неразработанностью дробной периодизации и типологии катакомб для среднеазиатских памятников, что требует самостоятельного детального изучения.

Другой точки зрения в вопросе о генезисе подкурганых катакомб придерживается М.П. Абрамова [Абрамова М.П., 1988, с. 31, 32], которую поддержали М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев [Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., в печати]. Она сводится к следующему. Во II - III вв. н.э. в грунтовых могильниках, по их мнению, господствующим типом становятся катакомбы с перпендикулярным соотношением длинных осей. Они генетически связаны с подкурганными катакомбами последующего периода. А появление последних в восточных районах Центрального Предкавказья вызвано передвижением оседлого населения из районов Кабардино-Пятигорья, о чем свидетельствует наличие единичных грунтовых катакомб III - IV вв. н.э., и оттоком сарматских племен с территории Волго-Донского междуречья.

Согласиться с этой точкой зрения трудно по двум (кроме тех, о которых говорилось выше) основным причинам. Во-первых, мы не имеем какой-либо группы погребений, которую можно было бы связать с проникшими в Центральное Предкавказье сарматами, носителями подкурганного обряда погребения. Во-вторых, здесь отсутствуют погребальные памятники, которые бы свидетельствовали о миксации вновь появившихся сармат с местным населением. На мой взгляд, этот процесс должен был бы отразиться в появлении погребальных памятников с многовариантным обрядом погребения (как в конструкциях погребальных сооружений, так и в других деталях), тогда как в Предкавказье подкурганые катакомбы появляются как бы в "готовом" виде.

Если же обратиться к письменным источникам, то античные авторы не фиксируют алан в Предкавказье ни в I в. н.э., ни даже в IV в. Но на присутствие их здесь именно с III в. указывают как минимум два источника. В первую очередь это надпись верховного зороастрийского жреца Ирана Картира на Каабе-Зороастра в честь Шапура I Сасанида (240 - 272 гг.): "...в странах не-Ирана, именно в тех, куда дошли люди царя царей: в Антиохии, городе и в сирийской стране и в провинции Сирии Тарсе, городе и в киликийской стране и в провинции Киликия... и Иберии, и Алании, и Баласакапа - вплоть до "Алапских врат", - [там], где Шапур, царь царей, со своими конями и людьми совершил разгром и пожарища, и опустошения, - именно там мною по приказу царя царей... (были основаны многочисленные зороастрийские храмы)" [Лукопин В.Г., 1979, с. 19].

Надпись была сделана после победы Шапура I над войсками римского императора Валериана в 259 г. и распространения власти Сасанидов на провинции "не-Ирана" на западе. Упоминание Алании и Аланских врат (Дарьяльский проход) в надписи Картира свидетельствует о том, что в 60 - 70-х годах III в. аланы на Кавказе уже занимали прочные политические позиции.

Еще одним из ранних источников, свидетельствующих о пребывании алан на Кавказе, является "Арабская версия Агафангела". В ней повествуется о крещении народов Кавказа Григорием Просветителем в годы царствования армянского царя Тиридата III (ок. 287 - ок. 330 гг.). Наряду с царями Грузии и Абхазии и множеством князей упомянут и "царь аланский", к которому обратился Тиридат с призывом принять христианство и разрушить капища идолов [Март Н., 1905, с. 111-115].

Два этих сообщения дополняют друг друга и указывают на присутствие алан на Северном Кавказе как минимум с середины III в. Установить же более точную дату их массового появления на Север-

ном Кавказе будет возможно только после установления надежных датировок для ранних погребений Бесланского курганного катакомбного могильника в Северной Осетии. Попробовать ответить на вопрос, где же была прародина алан, можно уже и сейчас, но для этого нам вновь придется обратиться к письменным источникам.

## КЛАВДИЙ ПТОЛЕМЕЙ И АММИАН МАРЦЕЛЛИН ОБ АЛАНАХ

Проблема происхождения и поиска прародины народа, в особенности кочевого и тем более древнего, особенно сложна, и подчас, из-за скудости информации, даже неразрешима. И неудивительно, что в вопросе о происхождении алан среди исследователей нет единого мнения. С.А. Яценко указал на наличие на сегодняшний день семи концепций по этому вопросу, сам же он предложил восьмую [Яценко С.А., 1993, с. 60-72]. Останавливаться на их характеристике мы не будем, желающий найдет интересующую его литературу в работе этого автора. В то же время отсутствие в вышеуказанных концепциях многих важных фактов позволяет вернуться к этой сложной теме вновь. Ниже я постараюсь изложить все известные, как кажется, исторические свидетельства и по возможности дать им интерпретацию. Начать, видимо, следует с характеристики сведений Клавдия Птолемея, вернее, с того момента, на котором я остановился в главе 1, т.е. со Скифии.

Под Скифией, в которой мы находим аланов, у Птолемея имеется в виду территория, простирающаяся к востоку от Азиатской Сарматии. Это явствует из следующих его слов: "Она (Азиатская Сарматия. - Т.Г.) ограничивается также и Скифией, простирающейся вдоль реки Ра" [Птолемей, V, 8, 12]. Т.е. речь в данном случае идет о территориях Заволжья и Закаспия.

Вот что сообщает нам Птолемей: "Населяют же [часть] этой Скифии, всю обращенную к северу, вплотную к неизвестной [земле], так называемые *аланты скифы*, и *суобены*, и *аланорсы*, а [территорию] ниже их *сэтианы*, и *массэи*, и *сюэбы*, и у внешней стороны [горы] *Имаон тектосаки*, а затем у восточных истоков реки Ра *робоски*..." [Птолемей, VI, 14, 9].

В данном отрывке автор выделяет две группы алан, охарактеризовав одну как "аланов скифов", а другую как "аланорсов". При этом мы второй раз сталкиваемся у Птолемея с отнесением алан к скифам. Второе указание намного интереснее первого, так как если бы мы имели только первое, т.е. фиксирующее алан в Европейской Сарматии, то могли бы увидеть в этом не более чем отнесение алан к кругу ираноязычных кочевников, как в случае с подобной характеристикой у Иосифа Флавия. Но в тексте у Птолемея ситуация иная, поскольку имеется указание на пребывание алан в конкретном регионе, названном автором Скифией. (Хотя не исключено, что и Иосиф Флавий, давая ала-

нам эту этническую характеристику, имел в виду то же, что и Птолемей.)

Итак, мы видим, что кроме Европейской Сарматии аланы фиксируются и в Азиатской Скифии, определенной точкой отсчета в которой является гора Имаон. Охарактеризовать эту Скифию и локализовать в ней гору Имаон помогают сведения, содержащиеся в VI книге "Географического руководства" Птолемея. Вся Скифия у Птолемея делится на две части по эту и по ту сторону горы Имаон. При этом гора Имаон выступает не как отдельно стоящая вершина, а как цепь гор. Если же местоположение Имаона соотнести с реальной географической картой, то эта горная система, протянувшаяся в меридиональном направлении, на севере должна была захватить северные отроги Тянь-Шаня, далее к югу пересечь Памир и упереться в Гиндукуш. Итак, линия Имаонских гор ограничивает "Скифию по эту сторону горы Имаон" с востока и "Скифию по ту сторону горы Имаон" с запада.

"Скифию по ту сторону горы Имаон", скорее всего, можно отождествить с Восточным Туркестаном, и ограничивается она с востока Серикой, с юга - Индией, а с севера - "неизвестной землей" [Птолемей, VI, 15, 1].

Интересующая нас "Скифия по эту сторону горы Имаон" на западе граничит с Азиатской Сарматией, на севере - с неизвестной землей, на востоке - с линией Имаонских гор, простирающихся в этом месте с севера на юг, на юге - с областью саков, Согдианой, Маргианой и частью Гирканского (Каспийского) моря до реки Ра (Волги) [Птолемей, VI, 14, 1].

Как видно, "Скифия по эту сторону горы Имаон" локализуется в центральных и в северных областях Средней Азии и простирается на север до "неизвестной земли", южные границы которой установить затруднительно. Населяли эту часть Скифии разнообразные племена, соседствовавшие с аланами [Птолемей, VI, 14, 9]. Локализовать эти народы чрезвычайно трудно. Мы можем только расположить их на всем пространстве этого региона относительно друг друга. Поскольку перечень племен ведется Птолемеем с севера на юг и, скорее всего, с запада на восток, то вполне правомерно, поместить аланов скифов и аланорсов в северных областях среднеазиатского региона, южнее "неизвестной земли". При этом если аланорсов можно локализовать у северо-западной оконечности Тянь-Шаня, то аланов скифов - к западу от них, после занимающих срединное положение суобенов (рис. 1). Более точно локализовать этих алан, видимо, вряд ли возможно.

Кроме того, в "Скифии по эту сторону горы Имаон" мы находим и Алапские горы, которые, судя по описанию Птолемея, также находились в северной части среднеазиатского региона. При этом в труде Птолемея мы второй раз сталкиваемся с горами, имеющими одинаковое название. В первом случае Аланские горы помещены Птолемеем в Евро-

пейской Сарматии, во втором - в Скифии. Возникает закономерный вопрос - не упомянул ли автор два раза об одном и то же? Ответ на него весьма прост, и вытекает он из сопоставления координат обоих горных массивов. Координаты Аланских гор в Европейской Сарматии - 62° 30' - 55° [Птолемей, III, 5, 5], а в Скифии - 105°/59° 30' и 118°/59° 30' [Птолемей, VI, 14, 3]. Ошибиться в том, что автор, давая разные координаты горам с одинаковым названием, имел в виду и разные горные массивы, думается, невозможно.

Итак, у Птолемея мы встречаем алан не только в Сарматии, где их знают и авторы I в. н.э., но и в Скифии. Разобраться в том, что это за Скифия и не принадлежат ли сведения о ней исключительно Птолемею, помогут историки более раннего, чем Птолемей, времени, а именно Страбон и Плиний Старший.

В своей "Географии" Страбон говорит о скифах много раз, причем знает их на разных территориях. Например: "Южнее роксоланов живут савроматы (за Меотийским озером), а также скифы, страна которых простирается вплоть до восточных скифов" [Страбон, II, V, 7]. О каких именно восточных скифах Страбон ведет речь, становится ясно из следующего фрагмента: "Если войти в Каспийское море (имеется в виду движение с севера на юг. - *Т.Г.*), то справа живут скифы или сарматы, пограничные с европейскими странами, между Тапаисом и этим морем большей частью кочевники... Слева живут восточные скифы, также по мады, область которых простирается до Восточного моря и Индии" [Страбон, XI, VI, 2]. В другой главе своего сочинения Страбон более подробно останавливается на характеристике восточных скифов: "Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя" [Страбон, XI, VIII, 2].

Приведенные сведения не исчерпывают всей информации Страбона о восточных скифах, но и их достаточно, чтобы не сомневаться в том, что эти племена автор помещал в среднеазиатском регионе.

Сведения, касающиеся интересующей нас Скифии, имеются и у Плиния Старшего. Описывая пространства к северу от Истра-Дуная, он сообщает: "Имя скифов всюду переходит в имена сарматов и германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны и почти неизвестны прочим смертным" [Плиний, IV, 81].

Важность этого сообщения заключается в констатации смены этнической номенклатуры в регионе, со времен Геродота известном как Скифия. И хотя автор еще не называет (как это сделал Птолемей) этот регион Сарматией, тем не менее можно констатировать указания на фактически произошедшие этнические изменения. Иными словами, Скифии там, где ее знали авторы более раннего периода, ко времени жизни Пли-

ния (а реально гораздо раньше) уже не существовало. А вот что имел в виду Плиний, говоря об "отдаленных странах", где имя скифов еще сохранилось, мы узнаем из следующего отрывка: "От Каспийского моря и Скифского океана к Восточному [Эйскому] путь поворачивает к востоку... Там сидят скифы - антропофаги [людоеды], питающиеся человеческим мясом..." [Плиний, VI, 53].

На появление в тексте Плиния скифов-людоедов, известных Геродоту в европейской Скифии [Геродот, История, IV, 8], можно было бы и не обратить внимания в связи с их легендарностью, но интересен сам факт переноса их Плинием из Европы в Азию. Причем не просто в Азию, а скорее всего в ее северные, наименее известные области, что вполне соответствует традиции античных авторов - приписывать наиболее отдаленным и малоизвестным землям фантастические черты. Тем не менее у Плиния имеется и достоверная информация о народах, населявших более южные, а значит, и более известные автору районы: "За этой рекой (Яксарт - Сырдарья. - Т.Г.) живут скифские народы. Персы дали им общее название сагов... Их племенам нет числа, они живут подобно парфам. Самые известные из них: саки, массагеты, даги, эседоны, астаки..." [Плиний, VI, 50].

Наличие в последнем фрагменте Сырдарьи, а в предыдущем Каспийского моря свидетельствует, что народы, которые Плиний характеризует как скифские, помещены им в среднеазиатском регионе. Причем мифических скифов-людоедов мы находим на малоизвестном автору севере, а реально существовавшие народы - в более южных областях.

Итак, сопоставив свидетельства Страбона и Плиния, можно заключить, что наличие у Птолемея Скифии к востоку от Волги не является недоразумением. И хотя ни Страбон, ни Плиний не называют этот регион Скифией, тем не менее характеристика проживавших там народов как скифских указывает на правомочность появления у Птолемея этого наименования.

Всю информацию о Скифии, встреченную у Страбона, Плиния и Птолемея, можно свести к следующему. К востоку от Волги и Каспийского моря на Азиатском континенте лежит земля, населенная многочисленными народами, которые авторами характеризуются как скифские. Птолемей дал этому региону наименование Скифия и очертил ее границы. Локализация этой Скифии не позволяет идентифицировать ее со Скифией южнорусских степей, так красочно описанной Геродотом и другими авторами. Населяют эту азиатскую Скифию народы, имеющие различные племенные наименования. Во II в. н.э. в их среде Птолемеем фиксируются "скифы аланы" и "аланорсы", при этом применительно к Азии мы не встречаем алан ни у Страбона, ни у Плиния.

Объяснить отсутствие у Страбона и Плиния этнонима "аланы" в Скифии можно следующим образом. Страбон их не знал вообще, по крайней мере именно в таком звучании этого термина, который историки

древности чаще всего употребляют. Этноним "аланы" появился уже после его смерти. Что касается Плиния, то с ним несколько сложнее. Этот автор один из первых упоминает имя алан, но применительно к районам Северного Причерноморья. Отсутствие этого этнонима в главах его труда, посвященных Азии, объясняется, видимо, равновременно использованных им источников. Это значит, что получить оперативную информацию о новом народе из района, входившего в орбиту политических интересов Рима, каковым в то время было Северное Причерноморье, было намного проще, чем сведения об изменениях в этнической среде из региона, лежащего за многие тысячи километров от Рима. Скорее всего, при описании отдаленных восточных земель Плиний пользовался информацией своих предшественников, в труды которых имя алан еще не попало.

В то же время объяснить появление этнонима "аланы" сначала в I в. н.э. в Европе, а затем уже во II в. н.э. в Азии можно было бы их миграцией с запада на восток, но сделать это не позволяет следующее. Как уже отмечалось, Птолемей всех известных ему алан характеризует как скифов. Наличие в тексте Птолемея региона, названного им Скифией, указывает, хотя и косвенно, на то, что именно Скифию он считал для алан прародиной. В то же время отнесение европейских алан к скифам является дополнительным свидетельством миграции их из Скифии в земли, названные им Сарматией.

Кроме того, в нашем распоряжении имеются свидетельства еще двух авторов, которые не косвенно, а прямо говорят о неевропейском происхождении алан. Я имею в виду сообщения Диона Кассия (II в. н.э.) и Аммиана Марцеллина (IV в. н.э.). В "Римской истории" Диона Кассия мы встречаем фразу: "...про *аланов*, по происхождению массагетов..." [Дион Кассий, LXIX, 15], а в труде "История" Аммиана Марцеллина говорится об этом дважды. В одном случае Аммиан приводит речь императора Юлиана в 363 г., обращенную к войску: "...не ныне впервые, как болтают злые языки, проникли римляне в царство Персиды: не говоря о Лукулле и Помпее, который, пройдя земли албанов и массагетов, которых мы теперь называем *аланами*, разбил и это племя и увидел Каспийские озера..." [Аммиан Марцеллин, XXIII, 5, 16].

Приведенный отрывок можно, конечно, и не считать серьезным доводом в пользу массагетского происхождения алан, поскольку автор не несет ответственность за прямую речь другого человека, но есть еще одно его сообщение, которое указывает, что так считал и сам автор. Я имею в виду тот фрагмент текста, где Аммиан говорит о вторжении гуннов в земли алан: "Этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до *аланов*, прежних массагетов" [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 12]. Несмотря на важность этих сообщений, они сами по себе не дают нам никаких сведений о тер-

риториях расселения алан. Хотя, конечно, локализация массагетов в среднеазиатском регионе, чему есть множество свидетельств античных авторов, указывает направление поиска этой территории.

В связи с этим, как кажется, нужно более подробно остановиться на данных Аммиана Марцеллина, который в отличие от Диона Кассия не только убежден в массагетском происхождении алан, но и указывает па территорию их расселения. Кроме того, важно проверить вывод, сделанный многими учеными, о распространении имени алан на все сарматские племена, что, по их мнению, вытекает из следующей фразы Аммиана Марцеллина: "...они (аланы. - *Т.Г.*) мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности" [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 13].

Поскольку у Аммиана Марцеллина аланы упоминаются несколько раз, можно, сопоставив разные его свидетельства, поискать ответы на поставленные вопросы.

Первый раз алан Аммиан Марцеллин упоминает при описании Азовского моря, названного Меотийским болотом: "Вокруг этих крайних и отдаленных болот живет много народов, отличающихся разнообразием языков и всего строя жизни: яксаматы, меоты, роксоланы, *аланьы*, меланхлены, гелоны и агафирсы" [Аммиан Марцеллин, XXII, 8, 31]. Наличие в списке меланхленов, гелонов и агафирсов, известных еще Геродоту, указывает па то, что автор пользовался разновременными источниками, что он, кстати, и не скрывает [Аммиан Марцеллин, XXII, 8,10]. Упоминание же меотов, язигов и роксолан, известных на указанной территории во II в. н.э. Клавдию Птолемею (т.е. всего за 200 лет до Аммиана) наряду с аланами, не позволяет однозначно считать, что аланы "поглотили" все сарматские племена. Хотя не исключено, что к IV в. н.э. два этих сарматских народа на этой территории уже не существовали и Аммиан просто перенес упоминание о них в свое сочинение из труда того же Птолемея. Не настаивая ни на одном из вариантов в трактовке этого вопроса, хочется только указать на неоднозначность его решения.

Прежде чем перейти к следующему сообщению об аланах, следует указать, что береговая линия Северного Причерноморья представлялась Аммиану в виде скифского лука: "Оконечности лука образуют с обеих сторон два узких Боспора, прямо противоположные один другому, Фракийский и Киммерийский" [Аммиан Марцеллин, XXII, 8, 13]. При описании автором земель и народов около Киммерийского Боспора (Керченский полуостров. - *Т.Г.*) мы встречаем алан второй раз: "Итак, в самом начале этой связки (т.е. у одного из концов тетивы лука. - *Т.Г.*), где исчезают Рифейские горы, живут аримфеи... через их земли текут реки Хроний и Висула; вблизи живут массагеты, *аланьы*, саргеты и многие другие..." [Аммиан Марцеллин, XXII, 8, 38]. Упоминание мифических аримфеев вместе с Рифейскими горами, а также р. Вислы (Висулы),

к Киммерийскому Боспору отношения не имеющей, свидетельствует об определенной путанице, что не позволяет локализовать упомянутых в этом отрывке алан.

Несколько легче это сделать при их следующем упоминании: "В среднем пространстве лука, которое, как мы сказали, отличается широкой округлостью и для хорошего пешехода составляет пятнадцать дней пути, живут европейские *аланьы*, костобоки и бесчисленные скифские племена, разбросанные до земель, растянутых без известного конца. Лишь незначительная часть их питается полевыми плодами; все остальные кочующие по обширным степям, никогда не испытывавшим ни сохи, ни посевов, но запущенным и покрытым ином, питаются отвратительным образом по-звериному" [Аммиан Марцеллин, XXII, 8, 42]. "Среднее пространство лука", безусловно, соответствует "вершине лука" другого фрагмента текста Аммиана [Аммиан Марцеллин, XXII, 8, 35, 37], что предположительно соответствует пространству к востоку от Борисфена (р. Днепр), включая и западное побережье Крымского полуострова. Указание же в приведенном выше отрывке на "обширные степи", где аланы и костобоки кочуют, сокращает это пространство до промежутка между Днепром и Перекопским перешейком.

Итак, из трех приведенных сообщений более или менее информативными выглядят первое и третье. Причем если первое дает достаточно расплывчатую локализацию: "вокруг крайних и отдаленных болот", то третье достаточно определенно указывает па территорию, которая имела в виду автором. Важным является и то, что упомянутых в третьем отрывке алан Аммиан называет "европейскими", как бы отделяя их от тех алан, которых он знает в Азии и о которых говорит в дальнейшем. Границей между Азией и Европой, вслед за остальными авторами античного времени, он считал Танаис - Дон [Аммиан Марцеллин, XXII, 8, 27; XXXI, 2, 12].

Алан же "неевропейских" мы находим в текстах, посвященных описанию глубинных просторов Азии: "Вокруг ущелий и выступов гор, называемых Имавскими и Апурийскими, внутри персидских границ живут скифы, смежные с азиатскими сарматами и соприкасающиеся с крайними пределами земли *аланов*" [Аммиан Марцеллин, XXIII, 6, 61]. Сразу же возникает вопрос, о каком регионе идет речь и что это за скифы, "смежные с азиатскими сарматами" и живущие "внутри персидских границ". Что подразумевал автор, говоря о персидских границах, видно из следующего отрывка: "Важнейшие провинции Персии, которыми управляют витаксы, т.е. командиры конницы, цари и сатрапы, - перечислять множество меньших было бы затруднительно, да и излишне, - следующие: Ассирия, Сузиана, Мидия, Персия, Большая Кармания, Гиркания, Маргиана и земли Бактрийцев, Согдианов и Саков, далее Скифия по ту сторону Имая и до этой горы, Серика, Ария, Паропамисады, Дрангиана, Арахозия и Гедрозия" [Аммиан Марцеллин, XXIII, 6, 14].

Итак, Персией Аммиан Марцеллин считал огромную часть Азии, в которой он помещает Скифию по ту и по эту сторону Имавских (Имаонских) гор, что согласуется, а возможно, и восходит к данным Птолемея. Соседство этих азиатских скифов с азиатскими сарматами помогает выяснить их западную границу и определить ареал их обитания в заволжских степях, так как восточная граница Азиатской Сарматии, согласно сведениям того же Птолемея, проходила по р. Ра - Волге [Птолемей, V, 8, 12]. А упоминание Серики - Китая, а также Бактрии и Согдианы указывает на восточные и южные границы этой Скифии. Не совсем ясным остается, что имел в виду автор, говоря о землях скифов, "соприкасающихся с крайними пределами земли аланов", и где искать эти "крайние пределы". Поскольку мы очертили границы территории обитания этих скифов с трех сторон, то она может, скорее всего, находиться в пределах центральных и северных районов Средней Азии, что перекликается со сведениями Птолемея, а может быть, и заимствовано у него. Северная граница отсутствует, да она и не важна, так как в представлении всех античных авторов севернее Азии находилась неизвестная мифическая земля, ограниченная Северным океаном. Таким образом, эти скифы не могут быть сопредельны с аланами, жившими на западе вокруг Меотиды и в Северном Причерноморье. Поскольку у Марцеллина до того речь шла именно о них, то и рассматривать их земли как "крайние пределы" нельзя. Разъясняет возникший вопрос, видимо, следующий фрагмент Аммиана: "...Близ поселения амазонок живут *аланы*, обращенные к востоку и рассеянные между многолюдными и обширными племенами; их владения приближаются к азиатским землям и простираются, как я узнал, до самой реки Ганга, пересекающей индийские земли и впадающей в южное море" [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 13].

Итак, ответ вроде бы найден - "крайними пределами" аланских земель Аммиан Марцеллин считал территории, сопредельные с Индией. Правильен ли этот ответ? Если учесть, что ни один из авторов античного времени не помещает алан там, то, конечно же, нет. Но если вспомнить, что автор отождествлял алан с массагетами, то положительный ответ как бы напрашивается сам собой. Объяснить столь противоречивую ситуацию можно следующим образом. Во времена Аммиана Марцеллина массагеты, как реально существующая этническая единица, скорее всего, не существовали. Автору же были хорошо известны аланы, которых он считал потомками массагетов и поместил по соседству с Индией. Основанием для последнего послужили данные греческих авторов, восходящие к Мегасфену, указывающие на присутствие какой-то части массагетов в непосредственной близости с Индией (подробнее см. [Пьянков И.В., 1977, с. 53-57]). Ни о каких аланах во времена Мегасфена, т.е. в IV в. до н.э., не могло быть и речи, но Аммиан, исходя из вышеуказанного отождествления двух народов, расширил территории обитания алан до столь "крайних пределов".

Последнее из приведенных сообщений Аммиана Марцеллина интересно не только тем, что оно в третий раз, хотя и косвенно, указывает на этническую взаимосвязь массагетов с аланами, но и позволяет очертить территорию, где обитали эти неевропейские аланы. Точкой отсчета в данном случае могут служить "поселения амазонок", близ которых живут аланы. Амазонки же, в представлении автора, обитали между Танаисом и Каспийским морем, где он помещал и савроматов [Аммиан Марцеллин, XXII, 8, 27; 8, 29]. Присутствие на одной территории амазонок и савроматов несколько не противоречит греческой традиции, восходящей к легенде, рассказанной Геродотом. Исходя из этой легенды, савроматы являются потомками скифов и амазонок, переселившихся за Танаис и освоивших территорию, впоследствии названную Азиатской Сарматией и простирающуюся до р. Ра - Волги. Следовательно, говоря, что "близ поселения амазонок живут аланы, обращенные к востоку", Аммиан как бы исключил Волго-Донское междуречье из зоны обитания алан, указав, что они живут восточнее "между многолюдными и обширными племенами". Таким образом, очерчивая территорию обитания неевропейских алан, мы попадаем в среднеазиатский регион. Однако определить же конкретные области их проживания на основе данных Аммиана невозможно. Вывод же, который, впрочем, можно сделать, сводится к следующему: Аммиан Марцеллин имел достаточно обширные сведения об аланах, указывающие на территории их расселения. Он выделил два крупных их массива, т.е. европейских и неевропейских алан (последних условно назовем "азиатскими аланами").

Последний из приведенных отрывков труда Аммиана является концовкой крупного фрагмента текста, целиком так или иначе связанного с аланами и проливающего свет на представления автора об этом народе: "Истр со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор, они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам. Между этими народами срединное положение занимают нервы. ...За ними живут видины (будины у других авторов. - Т.Г.) и чрезвычайно дикие гелоны... За ними, говорят, кочуют по разным местам меланхлены и антропофаги..." [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 13]. Здесь речь, видимо, идет именно об азиатских аланах. Кроме уже рассмотренного фрагмента о их землях "до самой реки Ганга" на это указывает и место, сообщающее про "бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор". О локализации алан в Скифии, к востоку от Волги, мы уже говорили, а вот упоминание гор, связанных с этнонимом "аланы", у Аммиана мы встречаем впервые. Аланские горы, как уже было отмечено выше, мы встречаем у Птолемея в его описании Европейской Сарматии [Птолемей, III, 5, 5] и

в Скифии [Птолемей, VI, 14, 3]. Последние, по всей видимости, и имел в виду Аммиан, поскольку речь он ведет о землях к востоку от Танаиса, т.е. об Азиатском континенте.

И наконец, в рассмотренном фрагменте текста Аммиана имеется важный момент, где сообщается что аланы "постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них свое название, подобно персам". Текст, следующий за этой фразой Аммиана, как кажется, находится в явном противоречии с выводами, которые делают из нее современные историки. Я имею в виду то, что Аммиан перечисляет народы, которые, по его мнению, были "покрыты" этнонимом "аланы", а именно: нервы, видины, гелоны, агафирсы, меланхлены и антропофаги. Все эти народы известны еще со времен Геродота и ко времени жизни Аммиана Марцеллина вряд ли существовали под этими наименованиями. Объяснение же их появлению, несмотря на отсутствие их в этногеографических реалиях IV в. н.э., автор преподносит в своеобразной интерпретации, ссылаясь, по его словам, на "запутанность географической науки", или, иначе, если их нет сейчас, значит, они поглощены аланами. Кроме того, следует обратить внимание на сообщение Аммиана, с которого начинается следующий параграф его повествования: "Разделенные таким образом по обеим частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение" [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 17]. Важным в нем, на мой взгляд, являясь слова, что "нет надобности перечислять (выделено мной. - Т.Г.) теперь их разные племена", т.е. племена, которые "теперь все вообще называются аланами".

Поскольку во всем предшествующем тексте в связи с аланами перечисление дается только один раз, то вывод напрашивается сам собой - Аммиан имел в виду именно нервов, будинов, гелонов и др. и уж ни в коем случае не сарматские племена, как считают многие историки. Подобный вывод, конечно, не исключает того, что какие-либо сарматские группировки могли быть поглощены аланами, однако это не вытекает из рассмотренных слов Аммиана Марцеллина

В последнем фрагменте текста интересным является также и то, что автор еще раз указывает на алан не как на единое этнополитическое целое, а как на два племенных массива - европейский и азиатский.

Локализация азиатских алан у Аммиана довольно туманна и расплывчата, однако если вспомнить первый и третий приведенные выше фрагменты, места обитания европейских алан выглядят более определенно. Усиливает эту определенность еще одно указание, связанное с локализацией европейских алан: "Именно гунны, вторгшиеся в земли тех алан, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называ-

ются танаитами, многих перебили..." [Аммиан Марцеллин, XXXI, 3, 1]. Если сопредельность алан с гревтунгами указывает на Северное Причерноморье как на зону их обитания в достаточно широком смысле, то наименование "танаиты" сужает эти рамки и приводит в хорошо известную нам зону обитания алан низовья Танаиса-Дона. Кроме того, сопоставление этого текста с другим, в котором Аммиан также сообщает о вторжении гуннов в земли "аланов, прежних массагетов", приводит к выводу, что автор оба аланских массива считал массагетскими по происхождению.

Таким образом, мы рассмотрели две точки зрения о происхождении алан: аланы - это скифы и аланы - это массагеты. Как кажется, эти характеристики не только не противоречат, но даже дополняют друг друга. Если этническая характеристика алан как части скифов носит достаточно широкий характер, то указание на их массагетское происхождение в значительной мере сужает тот круг народов, из среды которых могли выйти аланы, поскольку массагетов авторы также относят к числу скифских народов.

Характеристика античных источников была бы не полной, если, исследуя проблему происхождения алан, мы не коснулись бы вопроса об асиях и асианах, в которых многие исследователи склонны видеть наиболее раннее упоминание алан. Следует отметить, что взаимосвязь этих двух народов была установлена учеными в значительной степени ретроспективным путем. Речь идет о том, что никто из античных авторов не только не указал на их тождественность, но даже не поместил их рядом. Данные же, указывающие на их этническую близость (а возможно, и тождественность), относятся к раннесредневековому периоду, причем близость эта устанавливалась по следующей схеме: асии-асианы античных авторов равны средневековым асам, а средневековые асы равны аланам [см. Кузнецов В.А., 1962; 1992; Гаглойти Ю.С., 1966]. Вопрос об асах и аланах мы коснемся позже, сейчас следует сказать, кто же такие асии-асианы античных авторов.

В Средней Азии мы встречаем асиев в связи с крушением Греко-Бактрийского царства во второй половине II в. до н.э. Об этом, описывая скифские народы среднеазиатского региона, сообщает Страбон: "Большинство скифов начиная от Каспийского моря называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они в общей массе кочевники. Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарты рядом с областью саков и согдиев, занятой саками" [Страбон, XI, VIII, 2].

Информация Страбона интересна тем, что автор, во-первых, отделяет вторгшиеся в Бактрию народы от среднеазиатских саков, во-вто-

## ДРЕВНИЕ КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ АЛАНАХ

рых, указывает направление поиска территории, откуда произошло вторжение - из-за Иаксарта - Сырдарьи (т.е. с севера).

Сообщения о тех же событиях мы встречаем и у Помпея Трога. Так, в прологе к ХLI книге есть фраза о том, "как в царствование [Диодота] Бактрию и Согдиану захватили скифские племена сарауков и азианов (асианов. - Т.Г.)" [Помпеи Трог, ХЫ], а в прологе к ХLII книге говорится: "Асианские цари токаров (тохаров) и гибель сарауков" [Помпеи Трог, ХLII]. Как видим, у обоих авторов в описании одного и того же события упоминаются одни и те же народы и им дается одинаковая этническая характеристика.

В первом сообщении Помпея Трога сарауки и асианы характеризуются как скифские народы, во втором, где говорится о тохарах, мы этого определения не находим. Но в книге ХLII, при описании вторжения скифов в Парфию, тохары отождествляются со скифами: "Скифы же, удовлетворившись победой и разграбив Парфию, вернулись на родину. Но и Артабан во время войны с тохарами, на которых он напал, был ранен в руку и скоро умер" [Помпеи Трог, ХLII, 2, 1-2].

Последнее сообщение Трога интересно не только тем, что и тохар он определяет как скифов, но и вполне определенным указанием на дату, до которой Греко-Бактрия уже могла быть завоевана кочевниками. Я имею в виду свидетельство автора о гибели парфянского царя Артабана I в 124 г. до н.э. в войне с тохарами [Бикерман Э., 1976, с. 197]. Никаких других сведений об асианах в Средней Азии, как и информации о падении Греко-Бактрии, в античных источниках мы не находим. Что же касается сакаравлов (сарауков), то этот народ мы встречаем у Птолемея (сакаравки) и у Павла Орозия (сагарауки). Тохары в исторических хрониках встречаются чаще. Упоминания о них мы находим у Птолемея, Плиния, Дионисия Периегета, Авиена, Аммиана Марцеллина [Умняков И.И., 1940, с. 183-184]. Однако все эти упоминания, фиксируя тохар в Средней Азии, практически не дают никакой информации о событиях того времени. В целом следует признать конечность информации античных писателей по вопросу о падении Греко-Бактрийского царства и участия в этом асиан, а также об азиатском периоде истории алан.

Намного более полно выглядит информация о "темном" периоде истории Средней Азии в китайских источниках.

*Прежде чем приступить к характеристике китайских письменных источников, хотелось бы обратить внимание на несколько важных моментов. К работе были привлечены некоторые китайские династийные истории - особый вид исторических документов (о его специфике см. [Боровкова Л.А., 1989, с. 6-12]), прообразом которых послужили "Исторические записки" ("ШиЦзи") Сыма Цяня, описавшего историю Китая с легендарных времен до конца 1 в. до н.э. Эти династийные истории, вне зависимости от времени их написания, отражают события и факты, имевшие место только в период существования описываемой династии или до начала ее правления, но никак не после ее падения. Время правления интересующих нас династий, а также время написания и имя автора, написавшего ту или иную династийную историю, сообщается читателю не только в тексте книги, но для удобства вынесено и в Приложении. Кроме того, когда в китайском тексте указываются расстояния между владениями, то имеются в виду расстояния между столицами этих владений или же между ставками владельцев. Размер у/се китайской меры длины - ли, менялся от эпохи к эпохе, так, в ханьское время 1 км равен 2,5 ли (1 ли равен 414 м), в эпоху Ранней Вэй - 1 км равен 2 ли (1 ли равен 500 м), в эпоху Тан - 1 км равен 1,9 ли (1 ли равен 531 м) [Боровкова Л.А., 1989, с. 5].*

### КОЧЕВНИКИ И КРУШЕНИЕ ГРЕКО-БАКТРИИ

Впервые сведения о среднеазиатском регионе, как и вообще о Западном крае (т.е. о землях, граничащих с Китаем с запада), стали поступать в Китай во второй половине II в. до н.э. Император У-ди (140-87 гг. до н.э.), в поисках союзников против сюнну, послал на запад в 138 г. до н.э. чиновника Чжан Цяня, попавшего в плен к сюнну, бежавшего, а затем посетившего земли Кангюя, Давани (Ферганы) и Даха (Бактрии) (рис. 2). Доклад Чжан Цяня китайскому императору о путешествии был использован выдающимся китайским историком Сыма Цянем (145 - 90 гг. до н.э.) при написании своего труда. В нем автор народы, "отнявшие у греков Бактриану", назвал общим именем "юечжи". Информация об этих событиях неоднократно излагалась и в более поздних китайских династийных историях. В частности, достаточно подробно она была отражена историком Бань Гу (32-92 гг. н.э.) в работе "Хань шу" ("Цянь Хань шу" - "История Старшей династии Хань"), описываю-

шей период с 206 г. до н.э. до 6 г. н.э. Вкратце ее можно свести к следующему.

Первоначально юечжи кочевали на территории, ограниченной горами Дуньхуан и Циляншань (современная провинция Ганьсу в Китае). В середине II в. до н.э. "хуннуский правитель Модэ-шаньюй разбил Юечжи, а Лоашан-шаньюй убил его (правителя юечжей. - *Т.Г.*) и сделал из его черепа чашу для питья. И так Юечжи удалился на запад" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 183].

Поражение от хуннов разделило юечжей на две части: "больших юечжей" и "малых юечжей". Малые юечжи не могли следовать за прочими и остались в "южных горах". Большие юечжи в своем движении на запад дошли до владения народа сэ в Семиречье и захватили его земли. Сэский правитель удалился на юг и покорил государство Гибинь (Северная Индия), но часть народа сэ осталась на своих землях под властью юечжей. В народе сэ все исследователи видят сакские племена. Пребывание юечжей на завоеванной территории было недолгим, так как давний их противник - усунь разгромили юечжей и вынудили отступить еще далее на запад. "Усуньский Гуньмо остался на его землях: по-сему-то между усуньцами находятся отрасли племен сэского и юечжийского" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 191].

Юечжи, покорив земли народа сэ, прошли Давань, вторглись в земли Даха и покорили ее, основав свою столицу к северу от реки Гуйшуй. Большинство исследователей отождествляют эту реку с Амударьей. Зато среди них нет единого мнения в вопросе о датировке этих событий. Совершенно достоверно можно лишь считать, что к 128 г. до н.э. юечжи уже обосновались к северу от р. Гуйшуй. Именно в это время здесь их фиксирует китайский посол Чжан Цянь, а к 124 г. до н.э. они продвинулись па юг и, как мы помним, имели столкновения с парфянами.

Сопоставив сведения о юечжах в "Ши цзи" с более поздними китайскими источниками, можно прийти к выводу, что завоевание Даха-Бактрии юечжами не было единовременным актом. В "Ши цзи", основанных на сведениях посла Чжан Цяня, сообщается: "Большой Юечжи лежит почти в 3000 ли от Давани на запад, от реки Гуй-шуй на север. От него на юг лежит Даха... Юечжи... перешел от Давани на запад, ударил на Даха и покорил сие владение: вследствие чего и утвердил свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-шуй" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 151].

Описание в том же источнике государства Даха, находившегося к югу от р. Гуйшуй и к юго-западу от Давани-Ферганы, а также наличие столицы государства Даха в г. Ланьши [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 152] свидетельствует скорее о признании зависимости от юечжей большей части Бактрии, чем о ее завоевании. Захвачены же юечжами первоначально фактически были только ее северные области.

В "Хань шу", следующем по времени за "Ши цзи" китайском источ-

нике, государство Даха-Бактрия уже не упоминается, но имеются сведения, что юечжи находятся на юго-западе от Давани, а не па западе, как фиксировалось в "Ши цзи", и столицей их является город Гяньши [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 183, 186]. Перенос центра государства юечжей в более южные области со всей очевидностью указывает на то, что юечжами была уже покорена вся Даха-Бактрия.

В "Хоу Хань шу" ("История Поздней Хань"), династийной истории, охватывающей период с 25 по 220 г. н.э., о юечжах мы узнаем, что столица их находится в Ланыни, т.е. в городе, который согласно "Ши цзи" был известен как столица Бактрии, а юечжи, после покорения Даха, разделились на пять княжеств: Хюми, Шуанми, Гуйшун, Хисие и Думи. Борьба за первенство между князьями этих владений "по прошествии с небольшим ста лет" увенчалась победой гуйшунского князя Киоцзюкю [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 227-228], положившего начало существованию могущественного Гуйшунского государства (Кушанского царства).

Итак, как видим, существенным отличием китайских источников от античных, при общей их фрагментарности, является то, что в сокрушении Бактрийского царства, по мнению Страбона и Помпея Трога, принимали участие несколько народов - асии, пасианы, тохары и сакаравлы, а по данным китайских летописей, только юечжи. Вопросам соответствия данных китайских и античных источников посвящена обширная литература, на сей счет высказано множество гипотез, в том числе и взаимоисключающих. Не вдаваясь в их анализ, ибо об этом имеется соответствующая литература ([Умняков И.И., 1940; 1946; Фрейман А.А., 1952] и др.), и не претендуя на окончательную истину, хотелось бы только высказать собственное мнение.

Уход потесненных гуннами юечжей из провинции Ганьсу па запад привел в движение и другие народы. В Семиречье юечжи разгромили народ сэ, т.е. саков<sup>1</sup>, и вынудили значительную их часть удалиться со своих земель. В то же время Страбон сообщает, что покорившие Бактрию пароды появились из-за "Иаксарты (Сырдарья. - *Т.Г.*) рядом с областью саков и согдиев, занятой саками", но не говорит, какие именно саки заняли земли согдийцев. Ими могли быть саки, чья область находилась рядом с областью согдиев, т.е. среднеазиатские, но могли быть и саки, жившие в Семиречье, а именно народ сэ, изгнанный юечжами и продвинувшийся не только на юг, но и на запад. В дальнейшем они (т.е. народ сэ), объединившись с юечжами в районе р. Гуйшуй, могли принять участие в покорении Греко-Бактрии под именем сакаравлов-сакарауков. Тождество саков и сакаравлов признано многими исследовате-

<sup>1</sup> Отождествление народа сэ с саками кроме сопоставления сведений китайских источников устанавливается и на основе реконструкции древнего чтения соответствующего иероглифа как сек [Крюков М.В., 1988, с. 227].

лями. Так, Ю.С. Гаглойти, разделив слово "сакараваки" на два (саки и раваки), перевел его как "быстроногие саки" [Гаглов Ю.С., 1962, с. 176]. По мнению же Э.А. Грантовского, слово раука означает "светлый", т.е. сакарауки это "светлые саки" [Грантовский Э.А., 1975, с. 79]. В то же время можно предположить, что объединение собственно юечжей с частью саков-сакаравлов могло произойти и непосредственно в Семиречье. Не противоречит этому и тот факт, что, как видно из приведенной выше цитаты из "Хань шу", часть народа сэ осталась на своих землях и после ухода юечжей и прихода туда усуней, откуда явствует, что часть саков находилась в Семиречье и в период пребывания там юечжей.

Кроме того, возможно, победа юечжей над саками и нашла отражение у Помпея Трога во фразе о "гибели сакарауков" (см. главу 4).

Раз уж мы опять заговорили о Помпее Троге, то имеет смысл вернуться и к другим его словам - "асианские цари тохаров" (см. там же). Достаточно устойчивым в научной литературе выглядит отождествление интересующих нас асиев-асианов с усунями, хотя против этого имеются и возражения. Из мнений, высказанных по этому вопросу относительно недавно, я хотел бы привести суждение М.В. Крюкова, считающего, что древняя форма этнонима "усунь" "должна быть близка к asuen" [Крюков М.В., 1988, с. 233]. Хотя столь явное фонетическое сходство этнонимов asuen и asiani не говорит еще об идентичности двух древних народов, тем не менее подобное отождествление представляется достаточно правдоподобным. Если же согласиться с отождествлением усуней=асианов (asuen=asiani), то тогда становится ясна и фраза "асианские цари тохаров". Смысл ее раскрывается, если вернуться к противоборству юечжей с усунями в Семиречье, из которого усуньи вышли победителями, став "царями тохаров". Если же развивать эту мысль дальше, то вполне можно предположить, что часть усуней могла влиться в юечжийскую группировку и вместе с саками-сакаравлами устремиться на запад к границам Греко-Бактрии.

Еще одним этническим компонентом из числа кочевников, устремившихся на запад, были тохары. В исторических работах преобладающим является мнение о тождественности тохар и юечжей. При этом указывается не только на то, что тохары это юечжи, что доказывать не нужно, поскольку они названы в числе народов, сокрушивших Греко-Бактрию, но и то, что собственно юечжи это тохары. Разделяя это мнение, хочется обратить внимание на один наиболее существенный аргумент в пользу подобного отождествления. Его вслед за Холлоуном высказал и Ю.Н. Рерих: "Кумараджива (344 - 413 г.), уроженец Кучи в таримском бассейне, занятый переводами на китайский язык буддийских трактатов в Лянчжоу, неизменно передавал tukhara "тохары" оригинала как "малые юечжи" или как "малая орда юечжей". Это племя кочевало в V в. н.э. в горах Наньшаня к югу от Лянчжоу" [Рерих Ю.Н., 1963, с. 122].

Таким образом, все приведенные выше сопоставления можно предположительно свести к следующему:

юечжи = тохары  
усунь (asuen) = асии-асианы  
сэ (sek) = саки-сакаравлы

Все эти отождествления не бесспорны и являются до известной степени гипотезами, но при скудости дошедших до нас данных, и в первую очередь в отсутствие надежного фонетического эквивалента этнониму "юечжи", все исторические реконструкции будут в определенной мере носить гипотетический характер. Тем не менее, основываясь на приведенных выше отождествлениях, можно высказать еще одно соображение.

Если оценивать этническую однородность юечжей, то весьма заметна существенная разница в этническом составе этого народа до его прихода из провинции Ганьсу в Семиречье и после. Таким образом, не следует ставить знак равенства между юечжами провинции Ганьсу и юечжами, покорившими Греко-Бактрию. Если юечжи провинции Ганьсу были тохары (а более мелкого их деления мы не знаем), то "большие юечжи", покорившие Греко-Бактрию, уже включали в себя и народ сэ и усуней. Основанием для этого предположения может кроме перечисленных выше отождествлений служить также анализ динамики передвижений кочевников, приведший к сокрушению Греко-Бактрии.

После поражения от гуннов и ухода части юечжей на запад в провинции Ганьсу остались "малые юечжи". После же ухода "больших юечжей" из Семиречья там осталась еще какая-то часть юечжийского народа, продолжившая жить вместе с остатками народа сэ под властью усуней. По всей видимости, в данном случае мы сталкиваемся с процессом децентрализации, на возможность которого у юечжей указал А.М. Мандельштам [Мандельштам А.М., 1978, с. 137-138].

Завершением этого процесса явилось разделение "больших юечжей" после завоевания Бактрии на пять княжеств. И дробление на княжества происходило не в соответствии с названиями трех известных Страбону и Помпею Трогу народов - тохаров, асиан, сакараваков, а именно пяти, иными словами, в конечной точке передвижения раскол происходил в среде самих этих народов, если не по какой-либо еще более сложной схеме.

Однако предполагать процесс децентрализации только у юечжей, думается, неправомерно. Он, как это засвидетельствовано китайскими источниками, происходил и у народа сэ. И надо полагать, мог происходить и у усуней. Не исключено, что часть усуней после переселения их основной массы в Семиречье осталась на своих прежних землях [Крюков В.М., 1988, с. 235-236]. В то же время наряду с процессом децентра-

лизации, у этих народов должен происходить и процесс консолидации. Иначе процесс распада стал бы необратим. При сохранении же в интересующий нас период у рассматриваемых народов достаточно стабильной военной мощи процессы децентрализации и консолидации, видимо, шли параллельно. Примеров этому более чем достаточно: юечжи разбиты хуннами, но победили народ сэ; вторично разбиты усунями, покорили Бактрию; сэ разбиты юечжами, но покорили Гибинь; усунь были под властью хуннов, но освободились и победили юечжей. Говоря о децентрализации и консолидации, я имею в виду то, что многие исследователи называют "перегруппировками внутри племен", или "невысокой дискретностью древних этносов".

Можно, однако, возразить: почему все эти перегруппировки и изменения этнического состава не нашли отражения в наименованиях, даваемых этим народам китайскими авторами? Ответом, кроме отрывочности доходивших до китайцев сведений и лапидарности изложения полученной информации, может служить констатация определенного консерватизма в сохранении за народом или какой-либо территорией раз выбранного для него наименования. Ярким примером этого является упоминание в "Хоу Хань шу" юечжей: "Юечжи сделался сильнейшим и богатейшим Домом. Соседние государства называли гуйшуанским государем, но китайский Двор удержал ему название: Большой Юечжи" [Бичурии Н.Я., 1950, II, с. 228].

С другой стороны, несмотря на подобный консерватизм, мы находим в китайских летописях много случаев, когда в период междоусобиц какой-либо владетель отделялся от своего народа и переходил со своими подданными на земли другого. Примером тому является переселение в Кангюй гуннского шагьюя Чжичжы в 36 г. до н.э. и усуньского царевича Бихуаньчжи в первые годы н.э. [Бичурии Н.Я., 1950, т. I, с. 93; т. II, с. 184-185, 198]. Все эти перегруппировки и переселения довольно крупных масс кочевников хотя иногда и фиксируются китайскими авторами, однако на их основании ничего не говорится об изменении этнического состава принимающего "беглецов" народа или об изменении его наименования.

Все сказанное выше, думается, не исключает возможности попадания в юечжийско-тохарскую орду усуней-асиан. В то же время их объединение именно в Семиречье нельзя считать обязательным, даже на гипотетическом уровне. Вполне возможно, что оно могло произойти и до попадания и усуней, и юечжей на эту территорию. Как вариант определения территории, на которой могла произойти предполагаемая миксация народов, можно считать провинцию Ганьсу, где до начала своих передвижений оба народа кочевали, о чем имеются сведения в "Хань шу": "Усуньский князь именовался Гуньюмо. Отец Гуньюмо Наньдоуми первоначально вместе с Большими юечжами находился между Циляннем и Дуньхуаном" [Кюнпер Н.В., 1961, с. 72].

Итак, если согласиться с отождествлением усуней с асиями, то прародиной последних можно считать районы Центральной Азии. Делать же вывод, что именно центральноазиатский регион является прародиной алан, думается, преждевременно. Тем не менее именно это направление исследования представляется наиболее перспективным если не в установлении прародины собственно алан, то по крайней мере в выяснении ее для составляющих этого народа. Вопрос о соотношении алан и асиев мы рассмотрим ниже, сейчас же, чтобы не нарушать хронологической последовательности изложения событий, вернемся в Среднюю Азию, поскольку сказанное выше об асианах не исчерпывает всю информацию, содержащуюся в китайских источниках об аланах в этом регионе.

## ЯНЬЦАЙ И АЛАНЫ

В прямой связи с аланами находятся владения, названные китайскими авторами Каппой и Яньцай. Первое описание этих владений мы встречаем в "Ши цзи": "Кангюй лежит почти в 2000 ли от Даваня на северо-запад. Это кочевое же владение; в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами; имеет до 90000 войска. Кангюй смежен с Даванью, и по малосилию своему признает над собой на юге власть юечжысцев, на востоке власть хуннов.

Яньцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска более 100000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов" [Бичурии Н.Я., 1950, т. II, с. 150].

Попытки локализовать Кангюй предпринимались исследователями неоднократно (см. [Литвинский Б.А., 1968, с. 14 и сл.]). Из последних работ на эту тему хочется отметить монографию Л.А. Боровковой, в которой автор, пересчитав древнекитайские меры длины в километры, локализует все известные по китайским летописям владения на западе Центральной Азии [Боровкова Л.А., 1989]. Суммируя ранее высказанные мнения и не вдаваясь в вопрос о границах этого государства, можно констатировать, что основные территории Кангюя находились в бассейне Средней Сырдарьи и в районе р. Талас. При подобной локализации поиск территории, занимаемой владением Яньцай (а Яньцай отстоит от Кангюя на 2000 ли, т.е. 800 км), приводит в Восточное Приаралье, поскольку Яньцай "лежит при большом озере", и на Сырдарью в ее нижнем течении (рис. 2).

В "Хань шу", следующем, напомним, по времени за "Ши цзи" китайском источнике, информация о Яньцай идентична сведениям об этом владении в "Ши цзи". А вот то, что мы узнаем о Кангюе, свидетельствует о существенных изменениях, произошедших в этом государстве. Главным образом это касается его возросшей военно-политической мощи:

"Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ; строевого войска 120 000 человек (на 30 000 больше, чем по "Ши цзи". - Т.Г.)...Кангюй... поступал весьма надменно, и не хотел держать себя наравне с прочими владетелями... Кангюй, напротив, горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 184-185].

С чем связано возросшее могущество Кангюя, доподлинно неизвестно, но можно предположить, что сообщение о том, что "Кангюй имеет под собой пять малых владений" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 186], свидетельствует не о раздроблении этого государства, а скорее о его расширении, следствием чего явился и рост численности войска. Интересная мысль по этому вопросу была высказана С.А. Яценко, по мнению которого возрастание могущества Кангюя связано с переселением на его земли усуньского владетеля Бихуаньчжи с 80 000 своих подданных [Яценко С.А., 1993, с. 67-68]. Не исключая и такой возможности, следует, однако, иметь в виду, что мы не располагаем данными о судьбе переселившихся в Кангюй усуней после гибели их сюзерена Бихуаньчжи; убитого вследствие "нечаянного нападения", предпринятого китайским наместником Сунь Гянем [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 198]. Вряд ли только это переселение могло способствовать возрастанию военной мощи Кангюя. Скорее всего, мы здесь сталкиваемся с явлением несколько иного порядка. Мятежные царевицы, какими являлись Бихуаньчжи и Чжичжы-шаньюй, искали покровительства именно сильного правителя, способного обеспечить их безопасность. В свою очередь своими воинскими контингентами они способствовали увеличению общей численности войска, сконцентрированного на территории Кангюя.

В "Хоу Хань шу" описание Кангюя практически отсутствует, однако упоминания этого государства в тексте китайского источника свидетельствуют о еще более возросшем его могуществе. Мы узнаем, что в середине I в. н.э. "кангюйцы несколько раз нападали на Давань", противодействуя проводимой Китаем политике [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 232]. Кроме того, в зависимость от Кангюя попали владения Янь и Яньцай:

"14. Янь. Владение Янь лежит от Яньцай на север; состоит в зависимости от Кангюя, которому подат платит кожами зверьков мышиной породы.

15. Яньцай. Владение Яньцай переименовалось *Аланья*; состоит в зависимости от Кангюя. Климат умеренный; много сосны, ракитника и ковыля. Обыкновения и одеяния народа сходны с кангюйскими" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 229].

Б.А. Литвинский, сославшись на японского исследователя К. Сиратори, указал, что в переводе Н.Я. Бичурина о Яньцай отсутствует фраза "народ живет внутри глиняных стен", из чего был сделан вывод о наличии оседлых поселений на территории и Яньцай и Кангюя [Литвинский

Б.А., 1968, с. 18]. Ю.А. Зуев, дав более точный перевод китайского текста, пришел к заключению, что фраза "живет за земляными (крепостными) стенами (кит. *цзюй ди цзи*) и зависит от Канцзюй" относится "лишь к крепостному валу или стене вокруг ставки властителя, а не к характеристике жилищ населения страны" [Зуев Ю., 1995, с. 38-39]. Соглашаясь с доводами Ю.А. Зуева, хотелось бы отметить, что его прочтение текста ни в коей мере не отрицает наличия на территории Кангюя (а возможно, и Яньцай) оседлых поселений или даже городов. Подтверждают эту мысль сведения из "Хань шу" о проживании кангюйского правителя в г. Битянь и наличии там его летней резиденции, а также указание на пять городов, в которых пребывали правители зависимых от Кангюя пяти малых владений [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 184, 186].

Наиболее важным в "Хоу Хань шу" является свидетельство о переименовании Яньцай в Аланья (или Алань-Ляо, если следовать переводу Ю.А. Зуева). Таким образом, мы впервые в китайских источниках встречаем этноним "аланы" в звучании, известном античным авторам. О причине этого переименования среди исследователей существует в основном две точки зрения. Большинство исследователей, отождествляя Яньцай с аорсами, приходят к заключению о вызревании алан внутри аорсской конфедерации племен, а само "переименование" трактуют как выход алан на политическую арену из аорсской среды (позже мы вернемся к рассмотрению аорсской теории). Более привлекательным, на мой взгляд, выглядит мнение А.С. Скрипкина о том, что переименование Яньцай в Аланья свидетельствует о завоевании Яньцай Кангюем силами алан в рамках проводимой Кангюем политики, т.е. переименование и подчинение события единовременные [Скрипкин А.С. 1990 с 204-205].

Если сравнить информацию китайских источников с данными Птолемея, то аланорсы, которых мы поместили у северо-западной оконечности Тянь-Шаня, локализируются на территории Кангюя, а алапы-скифы на территории Яньцай-Аланья. Один народ, как мы видим, оказывается на территориях двух разных владений, что не противоречит, как мне кажется, мнению о завоевании Яньцай Кангюем силами алан. При этом часть алан (аланорсы) осталась на своих исконных землях в Кангюе.

Поскольку фиксация наименования Аланья в "Хоу Хань шу" является первым упоминанием этнонима "аланы" в китайских династийных историях, то на времени его появления следует остановиться подробнее.

В "Хоу Хань шу" имеется указание, что описание владений Западного края основано на записках сановника Бань Юна, составленных в 125 г. н.э. [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 221]. В описании этих владений имеются сведения, что некоторые из них (всего описано 23 владения) отправляли посольства после 125 г. н.э., а именно - Гюйли, Юйтянь, Да-

цинь, Тяньчжу, Сулэ, Харашар, Задний Чешы. Это могло бы расширить временные рамки попадания в Китай информации о Кангюе и Яньцай до конца II в. н.э. Однако то, что все эти владения (за исключением Дацинь - Римской империи) располагались в непосредственной близости от Китая и самым западным из них был Сулэ-Кашгар, позволяет не рассматривать эти посольства в качестве возможных информаторов Китая о положении в Кангюе. В то же время в описании Аньси, которое исследователями идентифицируется с Парфией [Малявкин А.Г., 1989, с. 198], имеются сведения, что это государство на севере смежно с Кангюем и неоднократно вплоть до 101 г. н.э. отправляло посольства в Китай. В 97 г. н.э. китайским наместником Бань Чао в Дацинь был отправлен посланником чиновник Гань Ин, который "удовлетворительно описал климаты и редкие произведения пройденных им стран" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 217, 225]. Скорее всего, информация о Кангюе и Яньцай могла проникнуть в Китай или от Гань Ина, или через те посольства, которые отправляло в Китай государство Аньси, т.е. никак не позже 101 г. н.э. Установить же реальную дату подчинения Яньцай Каппою и соответственно о переименовании Яньцай в Аланья, основываясь только на китайских династийных историях, думается, вряд ли возможно.

Следующее сообщение о государстве Аланья мы встречаем в "Вэй люэ" ("Обзор [царства] Вэй"), не сохранившемся труде середины III в. н.э., фрагменты которого были включены Чэнь Шоу в конце III в. н.э. в "Сань го чжи" ("Описание трех царств"): "Есть еще государство Лю, есть государство Янь и еще государство Яньцай, иначе называемое *Алань*. Все они одних обычаев с Канцзюй. На западе граничат с Дацинь, на юго-востоке с Канцзюй. Там много соболя, который славится; кочуют со скотом в поисках воды и травы; прилегают к большому озеру/болоту; в прежние времена весьма зависели от Канцзюй, а ныне не зависят" [Зуев Ю., 1995, с. 39-40].

Итак, мы встречаем второе и почти на два столетия более позднее, чем в "Хоу Хань шу", свидетельство, указывающее, что государство Яньцай имеет и другое название - Алань, т.е. Алания. Кое в чем сведения из "Вэй люэ" и "Хоу Хань шу" и более ранних источников относительно Яньцай совпадают, как-то: схожесть местных обычаев с кангюйскими; локализация около большого озера (Аральского моря) к северо-западу от Кангюя; кочевой образ жизни; соседство с государством Янь. Имеются, правда, и отличия - Яньцай, как и Янь и Лю, освободилось от зависимости Кангюя, а на западе граничит с Римской империей (Дацинь). Странного в освобождении от кангюйской зависимости ничего нет, поэтому это свидетельство можно оставить без комментариев. Но вот сообщение о том, что Яньцай-Аланья граничила с Римом, представляется неожиданным. Поскольку этот факт в источнике никак не комментируется и в более позднее время в китайских источниках не под-

тверждается, то, интерпретируя его, можно высказывать только предположения. Одно из них могло бы выглядеть так: в середине III в. н.э. аланы занимали огромное пространство от Приаралья, где находилось собственно Яньцай, до Причерноморья, где на Дунае аланы, как известно, имели столкновения с римлянами.

Такая трактовка могла бы, видимо, объяснить расстояние в 16 000 ли (8000 км) от китайского города Дай (совр. Датун) до Яньцай, которое мы встречаем в "Вэй шу" и "Бэй ши", источниках более позднего времени [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 260]. По расчету А.А. Цуциева, это расстояние должно привести в низовье Днепра, что и подтвердило бы высказанное предположение [Цуциев А.А., 1995, с. 35-36]. Но вот можно ли верить этому расстоянию? По всей видимости, нет. И вот почему. В "Бэй ши" имеются указания на расстояния и до других центров, хорошо известных нам по более ранним китайским летописям [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 260, 264]. Я имею в виду, например, расстояние от Дай до Давань (Ферганы), названной в "Бэй ши", в 14 450 ли (более 7000 км) или расстояние до Чжеше (Чжэшэ по А.Г. Малявкину. - *Т.Г.*), одного из кангюйских владений, в 15 450 ли (более 7500 км). При попытке локализовать все эти владения получится, что они хотя и расположены недалеко друг от друга (Яньцай, Давань, Чжеше-Кангюй), что согласуется с более ранними китайскими источниками, но находятся далеко на западе, в районе Черного и Азовского морей. Очевидность абсурдности подобной локализации, думается, делает ненужным приводить даже такой аргумент против нее, как нереальность зависимости от Кангюя какой-либо другой Алании, кроме приаральской, при условии, что мы не будем "перетаскивать" Каппой из Азии в Европу.

Чем же объяснить то, что Яньцай-Алань граничила с Римом? Вероятно, объяснение следует искать в сомнительной, до определенной степени, достоверности сведений такого источника, как "Вэй люэ". Сам по себе он не является летописью царства Вэй или его династийной историей, а только кратким обзором его истории. Кроме того, целиком этот источник до нас не дошел, имеются только отдельные фрагменты, которые использовались в более позднее время. В подобной ситуации в конечный, дошедший до нас текст вполне могли попасть и совместиться два фактически независимых свидетельства об аланах. Одно - европейские аланы граничат с Римом, другое - государство Яньцай-Алань освободилось от кангюйской зависимости. Но, скорее всего, мы сталкиваемся с отражением пространственно-географического мышления китайских историографов "смутного" для Китая времени, каким было время Ранней Вэй, т.е. эпохи Троецарствия. Говоря о государствах Лю, Янь и Яньцай, автор "Вэй люэ" помещает их на самом краю почти не известного китайцам западного пространства (Западного края). В то же время они знали, что самым западным государством вселенной является Дацинь, т.е. Римская империя, из-за чего, видимо, и происходит

"уплотнение" географических пространств с помощью исключения из-за незнания территорий от Приаралья и Приуралья до Северного Причерноморья, и отстоящие друг от друга на многие сотни километров территории оказываются соседними.

Утверждать, что аланы занимали всю территорию от Приаралья до Причерноморья, мы не можем - это не позволяют, как кажется, сделать сведения Птолемея и Аммиана Марцеллина, о чем было выше сказано.

Обращает на себя внимание еще одна деталь, которая некоторым образом, оказывается, связана со сведениями об Алании в "Хоу Хань шу". Я имею в виду то, что все три упомянутых в "Вэй люэ" государства имеют "много соболя, который славится". В "Хоу Хань шу" говорится, что в Аланье много "сосны, ракитника и ковыля". Соединив соболей, ракитник и сосну, мы получим вполне лесной, почти таежный ландшафт, который никак не сочетается с ковылем и кочевым образом жизни и озером с пологими берегами. Объяснить подобное противоречие можно, только высказав еще одно предположение. На мой взгляд, наиболее достоверной выглядит локализация Яньцай в Приаралье, и распространять территорию этого владения куда-либо далеко, например на север, до лесов Приуралья, не имеет особого смысла. И вот почему. Во всех описаниях этого владения наиболее устойчивыми являются сведения о локализации его при большом озере, а дважды упомянутое расстояние в 2000 ли и трижды указанное направление на северо-запад от Кангюя может привести в ставку правителя алан только в Приаралье. В противном же случае, т.е. если включить в территории Яньцай и Приуралье, ставка правителя оказывается на периферии этого владения. Хотя теоретически это не исключено, но важным видится другое. В "Хоу Хань шу" упоминается владение Янь, расположенное к северу от Яньцай, зависимое от Кангюя и выплачивающее дань пушниной. В "Вэй люэ" говорится, что все три государства (Лю, Янь, Яньцай) славятся соболем, но это не значит, что соболь добывался в Яньцай. Вполне допустимо, что пушнина могла поступать из Янь в Яньцай благодаря торговле и идти далее через яньцайских или каких-либо других купцов. Объяснить же наличие в Яньцай сосны следует, видимо, некоторой неточностью информации, дошедшей до китайцев, возможно, некоторые сведения о Янь были приписаны Яньцай.

С другой стороны, близость к Приаралью хребта Каратау, одного из отрогов Тянь-Шаня, склоны которого покрыты хвойным лесом, также может послужить объяснением наличия в государстве Аланья сосны. Кроме того, нынешние климатические условия среднеазиатского региона существенно отличаются от климатических условий двухтысячелетней давности.

Еще одно описание государства Яньцай, и, по всей видимости, последнее, содержится в "Бэй ши" ("История Северных династий"), источнике VII в. н.э., куда вошел текст из "Вэй шу" - "История [династии]

Вэй" (384 - 534 г.): "Государство Сутэ (Согдак, Согдиана) располагается на западе от Цунлина (Памир); в древности оно называлось Яньцай, еще одним названием было *Вэньнаша*. Они живут у большого озера/болота, находятся на северо-западе от Канцзюй, в 16 тысячах ли от Дай (столица Тоба-Вэй, соврем. Датун). В прежние времена сюнну убили их царя и завладели его государством. Ко времени царя Хуни их было уже три поколения (или: царь Хуни составлял уже третье поколение) после того события. Прежде купцы из той страны во множестве приходили в [государство Северное] Лян (397 - 460 г.) для торговли своими товарами. Когда династия Вэй (338 - 534 г.) одолела Гуцзан (столица Северного Лян; 439 г.), то все они были взяты в плен. В начале периода Вэнь-чэн (452 г.; "Вэй шу": "В начале правления императора Гао-цзуна, 432 - 465 г.") сутэский царь отправил посланника с просьбой о их выкупе, которая была удовлетворена указом. С тех пор не было посольств с принесением даров. В четвертом году периода Бао-дин (564 г.) при династии Чжоу (557 - 581 г.) их царь отправил посольство с данью из предметов местного производства" [Зуев Ю., 1995, с. 45-46].

Итак, последнее свидетельство приводит еще два названия территории, которая в "древности" называлась Яньцай, а затем - Сутэ и Вэньнаша. То, что речь в данном случае идет именно о "древнем" Яньцай, не вызывает сомнения, поскольку кроме прямого указания на это, что могло быть вызвано путаницей в терминологии, имеются и конкретные географические привязки. Я имею в виду сообщение, что это государство лежит у большого озера на северо-западе от Кангюя, т.е. у Аральского моря (рис. 3). Расстояние же 16 000 ли (8000 км) от Дай до Сутэ-Яньцай, как уже было отмечено выше, можно считать ошибочным.

Время, в которое владение Яньцай-Аланья получило два других наименования, установить чрезвычайно трудно, поскольку "Вэй шу" была написана в VI в., а предыдущий источник - "Вэй люэ", в котором этих наименований нет, относится к III в. Можно только констатировать, что название Вэньнаша более раннее, чем Сутэ, что явствует из текста, и поскольку его нет в более ранних, чем "Вэй шу", хрониках, то оно появилось позднее, чем был написан "Вэй люэ". Но это только предположение, так как название Вэньнаша могло существовать одновременно с названиями Яньцай и Аланья, что могло не найти отражения в китайских хрониках. Что же касается наименования Сутэ, то его появление можно датировать только приблизительно и только основываясь на хронологии событий, изложенных в "Вэй шу". Наиболее ранним из них является сообщение о захвате этого владения гуннами (сюнну) и об убийстве его царя. Когда точно это событие могло произойти, нам не известно, но, скорее всего, не намного ранее середины III в. н.э., т.е. времени написания "Вэй люэ", где оно не зафиксировано. В то же время оно не должно было произойти позже 70-х годов IV в., т.е. времени, когда гунны появились в Восточной Европе и столкнулись с европей-

кими аланами, о чем мы знаем из сообщения Аммиана Марцеллина.

Последующие события, изложенные в тексте источника, касаются торговых связей Сутэ с Китаем в IV - V вв. и отправки посольства к китайскому двору с "предметами местного производства" в 564 г. При этом дважды упоминаются цари Сутэ, что, без сомнения, свидетельствует о достаточной самостоятельности этого государства вплоть до 564 г., несмотря на бурные политические коллизии, отмеченные эпохой Великого переселения народов.

Анализируя сообщения о государстве Сутэ-Яньцай, следует обратить внимание на то, что в "Бэй ши" ни разу не упоминаются ни Алания, ни аланы. Из этого можно было бы сделать вывод, что гунны, захватившие это государство, или истребили бывших его хозяев алан, или вынудили их уйти со своей территории, или, подчинив алан, утвердили на его престоле свою династию. Возможно ли подобное? По всей видимости, нет, так как некоторые факты свидетельствуют против этого. Во-первых, если бы гунны закрепились на землях Яньцай и на протяжении IV - VI вв. имели бы сношения с Китаем уже как хозяева этой страны, факт этот не остался бы незамеченным китайскими историографами и, безусловно, нашел бы отражение в хрониках. Но этого не случилось. Во-вторых, имя сутэского царя, который "составлял уже третье поколение" правителей после захвата Сутэ гуннами, было Хуни. При внешнем фонетическом созвучии этого эпонима с этнонимом "хунны", связь между ними отсутствует, поскольку название народа, известного европейцам под именем хуннов или гуннов, по-китайски звучит как *шуну* и описывается другой, чем слово Хуни, группой иероглифов. В то же время имя Хуни этимологизируется именно из иранских языков как Хур - солнце [Зуев Ю., 1995, с. 48; Цуциев А.А., 1995, с. 40], что, безусловно, снижает вероятность нахождения на сутэском престоле гуннской династии. В-третьих, наименование государства - Сутэ, также прочитывается именно из иранских языков как *sugda*, что в переводе означает "чистый, святой" [Абаев В.И., 1949, с. 183].

Сразу же отметим, что это название закрепилось не только за владением Яньцай в Приаралье, но и за государством Согд в Средней Азии и за городом Судак (Согдак) в Крыму (о других территориях, где встречено это название, см. [Зуев Ю., 1995, с. 46]). "Ираноязычность" названия Сутэ указывает на типичность появления подобного наименования в среде ираноязычного населения. В то же время это практически исключает возможность появления нового названия государства, т.е. Сутэ, в какой-либо иной этнической среде, кроме как ираноязычной. Все перечисленные доводы приводят к выводу, что подчинение государства Сутэ гуннам было кратковременным.

Обращает на себя внимание еще одно название государства Яньцай - Вэньнаша. В китайских хрониках это наименование упоминается один-единственный раз. Интересно объяснил это название К. Сиратори

[Shiratori K., 1928, p. 98]. По его мнению (поддержанному некоторыми исследователями [Enoki K., 1956, p. 59; Зуев Ю., 1995, с. 47]), первый знак-иероглиф - "вэнь" в слове Вэньнаша является именем собственным. В "Вэй шу", в описании государства Каи сообщается следующее: "Владетельный Дом Кан есть отрасль кангюйского Дома. Безвременно переходя с места на место, он не имеет привязанности к оседлой жизни. Со времен династии Хань преемство престола не пресекалось. Собственно владетель прозывается Вэнь (Вэнь в переводе А.Г. Малявкина. - *Т.Г.*); происходит из Дома Юэчжи, который первоначально обитал по северную сторону хребта Цилян-шань в городе Чжаову (или Чжао'у по переводам А.Г. Малявкина. - *Т.Г.*); но после поражения от хуннов перешел через Луковые горы на запад, и основал царство. Он разделен на множество владетельных родов, и утвердился в древнем царстве Кап. Сии роды, в память своего первоначального происхождения, все удержали прозвание Чжаову... Супруга его есть дочь тукюеского хана. Он имеет пребывание при реке Сабао в городе Алуди... Кап считается сильным государством. Ему покорилась большая часть владений в Западном крае, как-то: Ми, Шы, Цао, Хэ, Малый Ань, Нашебо, Унахэ, Му" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 271].

Прежде чем перейти к разбору этого фрагмента, сразу оговорим два момента. Во-первых, вся изложенная выше информация почти дословно повторяется и в более поздних китайских источниках - "Бэй ши", "Суй шу". Во-вторых, в имеющихся описаниях всех зависимых от Кап владений сообщается, что эти владения, за редким исключением, "древняя кангюйская земля", а правители "прозываются Чжаову", (по при этом каждый имеет и свое собственное имя. Таким образом, имя (или фамилия) Вэнь принадлежало только правителям самого крупного из бывших кангюйских владений - государства Кап. Кроме того, на основе данных "Бэй ши" и "Синь Тан шу" Кан локализуется в Самаркандском Согде (см. об этом подробно ниже).

Итак, как явствует из текста, ко времени написания "Вэй шу" единого и могущественного Кангюя уже не существовало, а правопреемником его становится государство Кан. Впервые китайские источники доводят до нашего сведения, что канский дом, а значит, и кангюйский, поскольку "со времени династии Хань преемство престола не пресекалось" (вопрос о взаимосвязи и определенном тождестве владений Кап и Кангюй мы рассмотрим ниже), происходит из Дома Юэчжи. Никогда ранее подобная версия авторами китайских династийных историй не приводилась. Единственное сообщение, указывающее на взаимосвязь Кангюя с юечжами, имеется в "Ши цзи", где говорится, что кангюйцы "в обыкновениях совершенно сходствуют с юечжысцами" и "признают над собой на юге власть юечжысцев" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 150]. Информация, как видно, самая общая и ни на какое особое родство не указывающая. Первая ее часть отражает определенное сходство внеш-

него облика и, видимо, уклада хозяйства у кочевников, вторая - политические реалии того отрезка истории.

Интерпретировать же изложенные в "Вэй шу" сведения, не привлекая дополнительной информации, можно, только высказав предположения, как в негативной, так и в позитивной форме. Например, если считать канский-кангюйский правящий дом не связанным с юечжами, то информацию об их взаимосвязи можно считать не более чем генеалогической легендой, придуманной правителями государства Кан для придания видимой древности своему роду. Если же к изложенному сообщению отнестись с большим доверием, то можно предположить, что в своем движении на запад, после поражения от гуннов, юечжи прошли не только через Семиречье и Фергану, но и через Кангюй. Там от них отпочковалась какая-то их часть, образовав правящий дом этого государства или, что более вероятно, какой-то, и, возможно, очень крупной его части.

Объяснением же появления названия Вэньнаша на территории государства Яньцай может служить покорение последнего Кангюем и, как следствие, перенос имени кангюйских правителей - Вэнь, на название вновь завоеванной территории. Последнее возможно вне зависимости от того, какую из двух предложенных выше версий следует считать приемлемой.

При всем том, что обе версии выглядят равноценными, видимо, предпочтение следует отдать последней, поскольку для ее обоснования мы можем привлечь дополнительную информацию. И поможет в поиске ее все тот же иероглиф "вэнь", являющийся, как было отмечено, общим и для обозначения фамилии правителей государства Кан, и для названия Вэньнаша, как первый знак этого слова. Сразу же отметим, что иероглиф этот в переводе означает "теплый" и как наименование в китайских источниках использован неоднократно, поэтому строить на его основе версию следует с предельной осторожностью.

В главе 94б "Хань шу" имеется небольшой эпизод, описывающий события, которые происходили в последние годы до н.э.:

"...дядя императора со стороны матери Ван Гэнь... руководил делами государственной канцелярии. Кто-то сказал [Ван] Гэню: "У сюнну против округа Чжанье есть земля, которая вклинивается в земли Хань. Она дает изумительный лес, дровки для стрел, и [там много] орлиных перьев. Приобретение этих земель принесет пограничным районам изобилие..."

Ван Гэнь доложил императору о выгодах приобретения этих земель, и император уже хотел потребовать их у шаньюя, но опасался, что в случае отказа его приказ окажется нарушенным, что принесет ущерб достоинству страны. В связи с этим [Ван] Гэнь только объявил [Сяхоу] Фаню повеление императора и приказал потребовать землю на словах.

Прибыв к сюнну, [Сяхоу] Фань в беседе с шаньюем (Учжунлю-жоди

шаньюем. - Т.Г.) сказал: "Я видел, что против округа Чжанье земли сюнну вклиниваются в земли Хань, из-за этого три ханьских воеводы находятся на укрепленной линии... Вам следует послать императору письмо и сообщить о поднесении этих земель, отрезав их по прямой линии..."

...Шаньюй сказал: "...На упомянутых вами землях живет **вэньоуто-ван** (здесь и ниже выделено мной. - Т.Г.), я же не знаю ни о их положении, ни о том, что они производят, позвольте послать гонца узнать об этом".

После возвращения в Хань [Сяхоу] Фань и [Хань] Жун снова были отправлены послами к сюнну и по прибытии сразу же потребовали землю. Шаньюй ответил: "...Я узнал от **вэньоуто-вана**, что все сюннуские чжухоу, живущие на западе, при изготовлении юрт и повозок пользуются лесом с гор, лежащих в этих землях, кроме того, эти земли принадлежали моему покойному отцу, поэтому я не смею лишаться их" [Таскин В.С., 1973, с. 46].

Интересующий нас иероглиф "вэнь" присутствует в наименовании, которое сюннуский шаньюй дал одному из подвластных ему князей, - вэньоуто-ван. В.С. Таскин, автор перевода и комментариев к приведенному выше тексту, никак не прокомментировал это наименование и дал его написание с маленькой буквы как титул. Н.Я. Бичурин, всю группу иероглифов, составляющих слово "вэньоуто-ван", перевел как "караульный Вэнь-князь". При этом иероглифы, транскрибируемые по-русски словом "оуто", как караульный с китайского языка ни в коем случае не переводятся. Скорее всего, Н.Я. Бичурин определение "караульный" выбрал, не находя ему другого смыслового объяснения.

В китайских династийных историях термин "вэньоуто-ван" встречен один-единственный раз, и только в приведенном выше тексте. А вот термин "оуто" встречается неоднократно, но без иероглифа, прочитываемого как "вэнь" и иногда со словом "ван" - князь. В.С. Таскин, проанализировав несколько фрагментов китайских летописей (Ши цзи, гл. 110; Хань шу, гл. 94а, л. 31б, 32а, 36а, 36б, гл. 94б, л. 5б), пришел к выводу, что "под оуто имеются в виду не пограничные заставы или наблюдательные пункты, а вооруженный лагерь значительных размеров, который был в состоянии отразить нападение нескольких тысяч человек. вполне допустимо отождествить оуто с тюркским термином *ordu* - орда" [Таскин В.С., 1968, с. 131-132]. Н.Н. Крадин, поддержав В.С. Таскина, считает, что оуто - это группа кочевий, собранных в одно большое становище, а титул оуто-ван давался администратору, управлявшему данным подразделением [Крадин Н.Н., 1996, с. 129].

Разделяя точку зрения этих исследователей, хотелось бы отметить, что подразделений кочевников типа "оуто" у гуннов было не одно и возглавляли их правители, именовавшиеся у китайцев ванами (князьями). А вот наличие слова "вэнь" в сочетании с "титолом" оуто-ван по-

звояет предположить, что наименование “вэнь” могло являться, как и в случае с правителями государства Кап, родовым княжеским именем.

Как я уже отмечал, на одном только совпадении иероглифов, которыми китайцы определяли иноземные понятия, строить версии рискованно, но вот то, что в тексте имеются географические привязки, позволяющие локализовать земли вэньоуто-вана, дает возможность, пусть и в осторожной форме, это сделать.

Земли вэньоуто-вана, как явствует из текста, находились “против округа Чжанье”. Этот округ в китайских источниках упоминается многократно и чаще всего вместе с округом Цзюцюань и хребтом Дуньхуан [Бичурин Н.Я., 1950, т. I, с. 72, 79, 187; т. II, с. 164, 200, 209, 171]. Округ Цзюцюань находился в непосредственной близости от Чжанье, а горы Циляншань, располагавшиеся на границе этих округов, - это хребет Рихтгофена, что в провинции Ганьсу [Таскин В.С., 1968, с. 148], следовательно, древний округ Чжанье располагался на территории этой же современной провинции. Непосредственно же прилегающий к Чжанье хребет Дуньхуан заставляет нас вернуться к текстам “Ши цзи” и “Хань шу”, в которых говорится, что хребты Дуньхуан и Циляншань ограничивают территорию первоначального обитания юечжи: “...первоначально он (Большой Юечжи. - Т.Г.) кочевал между Дунь-Хуан и Циляншань” [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 151, 183].

Итак, территории, занимаемые вэньоуто-ваном в конце I в. до н.э., и территории первоначального обитания юечжи до их поражения от гуннов в середине II в. до н.э. совпадают. Кроме того, в “Бэй ши”, источнике VII в. н.э., в главе 97 говорится, что земли малых юечжи, которые после поражения юечжи от гуннов не последовали за большей частью своего народа на запад, а остались на своих землях, находились между областями Си-пъин и Чжан-йе [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 266-267]. О нахождении области Чжанье в современной провинции Ганьсу выше уже говорилось. Что же касается области Си-пъин (или Сипин), то ее нахождение в современной китайской провинции Циньхай, т.е. к западу от Ганьсу [Цыхай, 1948, с. 1222], позволяет заключить, что и в этом случае речь идет приблизительно об одной и той же территории. Кроме того, в “Цзю Тан шу” (“Старая хроника государства Тан”), т.е. в более позднем, чем “Бэй ши”, китайском источнике, в главе 198 сообщается: “Предки народа юечжи прежде жили в Чжанье, в г. Чжао’у, находившемся к северу от гор Цилян” [Малаякин А.Г., 1989, с. 257]. Итак, в разновременных китайских источниках наблюдается удивительная устойчивость в закреплении за юечжами одной и той же территории. Первоначально на ней фиксируются юечжи до поражения от гуннов, а несколько веков спустя остатки этого народа, т.е. малые юечжи. В промежутке же мы обнаруживаем здесь вэньоуто-вана. Исходя из приведенного территориального совпадения, правомерно высказать предположение о принадлежности вэньоуто-вана к юечжам, и как след-

ствие, возможной реальности существования у юечжи родового имени Вэнь.

Следует отметить одну интересную деталь, которая, видимо, может служить дополнительным аргументом за отнесение вэньоуто-вана к юечжам или по крайней мере не противоречит этому. Гуннский шаньюй, на обращение к нему китайцев о передаче им земли “напротив” округа Чжанье, ответил: “...я же не знаю ни о их положении, ни о том, что они производят...” Подобный недостаток информации, обнаруженный шаньюем, а скорее всего и его придворными, указывает, как кажется, на некоторую обособленность упомянутых земель от центральной гуннской власти. Если же к этому добавить отсутствие у гуннов князей с наименованием вэньоуто-ван, то можно прийти к выводу, что земли эти занимало население, отличающееся от собственно гуннов, и им могли быть юечжи. Все сказанное о вэньоуто-ване является, на мой взгляд, аргументом за признание достоверности сведений, содержащихся в “Вэй шу”, о принадлежности канских-кангюйских правителей с родовым именем Вэнь к юечжам.

Итак, суммируя вышеизложенное, можно предложить следующую реконструкцию происшедших некогда в древности событий.

Юечжи до середины II в. до н.э. кочевали на территории современной провинции Ганьсу в Китае, между хребтами Дуньхуан и Циляншань. После поражения от гуннов большая часть этого народа (“Большой Юечжи”) ушла на запад и, пройдя Семиречье и Фергану, покорила Греко-Бактрию. В процессе этого движения от юечжи отпочковывались какие-то их племена и в то же время в их среде вливались группы других народов. В определенный момент от юечжи отделилась довольно значительная их часть и, закрепившись на землях Кангюя, образовала правящий дом этого государства с родовым именем Вэнь. Проникновение юечжи в Кангюй могло происходить и по другому сценарию. Например, юечжи покорили не весь Кангюй или даже вообще его не покоряли, а подчинили себе какие-то территории, которые в дальнейшем признали над собой верховную власть кангюйских правителей. В этом случае кангюйская “империя” выглядит как конфедерация владений, управляемых своими “князьями”, но признающих над собой власть верховного правителя при сохранении за собой достаточной самостоятельности. Говоря о политическом устройстве Кангюя, хочется вспомнить об одном эпизоде, имевшем место в 30-х годах I в. до н.э. В “Хань шу” говорится, что правитель Кангюя, перед тем как пригласить поселиться на восточной границе этого владения гуннского шаньюя Чжичжи, стал советоваться со своими князьями (сихоу) о возможности этого акта, на что, по-видимому, и получил согласие [Таскин В.С., 1973, с. 38]. Упоминание в одном источнике князей, подвластных правителю Кангюя, и необходимость последнего советоваться с ними, а также факт зависимости от Кангюя пяти малых владений позволяет считать эти сведения

не противоречащими предположению о конфедеративном устройстве этого государственного образования в раннеханьское время.

В дальнейшем, по мере увеличения своей мощи, под власть Кангюя попадали некоторые иные владения. В их числе мы фиксируем и владение Яньцай, которое после покорения его Кангюем получило и два других наименования - Аланья и Вэньнаша. Оба эти названия, видимо, по природе имеют разное происхождение. Аланья отражает ярко выраженный этнический характер этого наименования, что аналогично, например, названию государства юечжей: "Правление государства, называемого Большой Юечжи, находится в городе Гяньши" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 183]. Наименование же Вэньнаша отражает принадлежность правителей этого государства к определенной династии. Последнее название носит тот же характер, что и другие названия Китая, производные от наименований правивших династий в разные периоды его истории: государство Хань, государство Вэй, государство Тан и пр.

Можно предположить, что династией, которая могла дать владению Яньцай наименование Вэньнаша, была юечжийская по происхождению династия Вэнь, фиксируемая в государстве Кан-Кангюй. Проникновение же наименования Вэнь в Яньцай, видимо, связано с покорением его Кангюем, из чего устанавливается связь между юечжами и аланами. Таким образом, некоторые наименования (Яньцай - Аланья - Вэньнаша - аланы, с одной стороны, и Кангюй - Кан - Вэнь - юечжи - с другой) оказываются взаимосвязаны. В то же время ставить знак равенства между аланами и юечжами не следует, оснований для этого у нас нет, но рассматривать последних как этнический компонент, ставший составной частью будущих алан, я думаю, правомерно. В этом случае в сложении народа, который мы знаем как аланы, юечжи могли принимать такое же участие, как и усунь-асии. Говоря "такое же", я имею в виду, конечно же, не количественное их соотношение.

Данная реконструкция не более чем гипотеза, поскольку основывается на минимальном количестве фактов его подтверждающих. Кроме того, отдельные положения этой гипотезы идут в разрез со взглядами некоторых исследователей - специалистов по древней истории Средней Азии. Из мнений, непосредственно связанных с затронутой проблемой, хотелось бы остановиться на точке зрения Б.И. Вайнберг, проанализировавшей некоторые китайские источники и пришедшей к следующим выводам по вопросу о соотношении юечжей, Кана и Кангюя: правителей владения Кан следует связывать с юечжами "дома Чжаову", которые отличались от юечжей-кушан, завоевавших Греко-Бактрию; эти юечжи Чжаову основали в Согде государство Кан, существовавшее с эпохи Хань; юечжи Чжаову были связаны с Кангюем, но не более чем династийными браками; часто встречающееся в литературе мнение о том, что в I в. до н.э. - на рубеже н.э. Кангюй распространял свою власть на Согд, ошибочно, так как основано на смешении поздними китайски-

ми источниками представлений о Капе и Кангюе [Вайнберг Б.И., 1972, с. 145-148; 1977, с. 74-77].

Не возражая против доказываемого Б.И. Вайнберг отличия юечжей Чжаову от юечжей-кушан, хотелось бы не согласиться с категоричностью в вопросе о взаимосвязи государств Кан и Каппой и, как следствие, с отрицанием подчинения Согда Кангюю. Выводы, сделанные автором по этому вопросу, базируются в основном на сведениях о государстве Кан из "Вэй цзю" ("Вэй ши"), но не в полной мере учитывают другие династийные китайские истории. Поскольку только анализ всех свидетельств, связанных с Каном и Кангюем, может пролить свет на эти спорные вопросы, на их характеристике следует остановиться подробно.

## КАНГЮЙ И АЛАНЫ

Характеристика некоторых аспектов политической истории Кангюя, которая будет предложена читателю ниже, на первый взгляд уводит нас от основной темы исследования - аланской истории. Однако без рассмотрения некоторых важных моментов истории этого владения многое из выказанного выше останется только предположением. Основными вопросами, на которые будет обращено внимание, являются, во-первых, установление преемственности между владениями Каппой и Каи, во-вторых, связь их с юечжами "дома Чжаову" и, в-третьих, как следствие, установление связи их всех с аланами. При решении этих вопросов большое внимание будет уделено локализации Капа и Кангюя с его "малыми владениями", а также сопоставлению их территорий с Согдом. Обратитесь столь пристальное внимание именно на эти вопросы нас заставляет следующее. Прежде всего, это высказанные ранее предположения, основанные на наименованиях Вэнь и Вэньнаша, а так же упоминания раннесредневековыми китайскими источниками князя Аланьми, который "прозывается Чжаову" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 287], и городов Алань (правитель которого князь Чжао'у Ша) и Аланьми [Малевкин А.Г., 1989, с. 77] на территориях владений, зависимых от государства Кан в Согде.

Как уже отмечалось, впервые информация о Кангюе попала в Китай при императоре У-ди благодаря дипломатической миссии Чжан Цзяня. Отчет о путешествии Цжан Цзяня не сохранился, по сведениям из него о Кангюе вошли в "Ши цзи", где содержится краткое описание этого владения, которое выше уже приводилось: "Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение; в обыкновениях совершенно сходствуют с юечжысцами; имеет до 90 000 войска. Каппой смежен с Даванью, и по малосилию своему признает над собой на юге власть юечжысцев, на востоке власть хуншюв" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 150]. Эту информацию следует признать достоверной, поскольку Цжан

Цянь посетил Кангюй, как и некоторые другие районы Средней Азии, лично. Кроме того, в "Ши цзи" имеются сведения о Кангюе в связи с политическими событиями, имевшими место в самом конце II в. до н.э. (104 г. до н.э.). Я имею в виду крупномасштабную военную экспедицию, предпринятую Китаем против Давани-Ферганы. Хотя Кангюй и не принимал участия в непосредственных военных столкновениях, тем не менее, выступая на стороне даваньцев, оказывал серьезное давление на китайских военачальников, что в конечном результате и привело к прекращению войны и заключению мира между Даванью и Китаем [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 165-166].

Сведения о Кангюе, имеющиеся в "Хань шу", не менее достоверны, чем в "Ши цзи". Утверждать это мы можем, основываясь на некоторых фактах. Во-первых, при императоре Чен-ди (32-7 гг. до н.э.) "Кангюй отправил сына своего в заложники и с дарами к китайскому Двору". Во-вторых, в "Хань шу" приведено донесение наместника Западного края Го Шуня китайскому двору, в котором он советует отослать сына кангюйского владетеля на родину и прекратить отправку посольств в Кангюй, давая в то же время характеристику Кангюю как гордого и дерзкого по отношению к Китаю государства. В-третьих, несмотря на представление Го Шуня, Китай продолжает поддерживать связи с Канпоем и далее [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 185-186].

Как видно, информация о Кангюе к китайскому двору поступала как минимум из трех источников: от сына кангюйского владетеля, от наместника Западного края и от многочисленных посольств, которыми обменивались Кангюй и Китай. Таким образом, можно утверждать, что связи Кангюя с Китаем в I в. до н.э. были достаточно интенсивны, благодаря чему и описание этого владения в "Хань шу" весьма пространно.

Так, примером хорошей осведомленности китайцев о местоположении Канполя является эпизод из "Хань шу", описывающий военную экспедицию, предпринятую китайскими военачальниками Гань Янь-шоу и Чэнь Таном в земли Кангюя и приведшую к гибели Чжичжы-шапгюя: "...они (Гань Янь-шоу и Чэнь Тан. - Т.Г.) повели по разным направлениям шесть отрядов войск: три отряда, следовавшие по южной дороге, преодолели горы Цунлин и двигались через [владение] Давань, другие три отряда, находившиеся под командованием духу, выступили из владения Вэньсу и, двигаясь по северной дороге, вошли в город Чигу, затем, миновав земли усуней, достигли владения Канцзюй и подошли к пункту западнее озера Гяньчи (Иссык-Куль)" [Таский В.С., 1973, с. 127].

Очень важным для нашей темы является и имеющееся в "Хань шу" указание на местонахождение Кангюя: "Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лоюени, в городе Битянь, за 12 300 ли от Чанань. Он не зависит от наместника. От Лоюени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания. Окружность земель его содержит 9104

ли. Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ; строевого войска 120 000 человек. На восток до местопребывания наместника 5500 ли" [Бичурин Н.Я., т. 1950, II, с. 184].

Как видно, описание местонахождения Кангюя в "Хань шу" более обширно, чем в "Ши цзи", но и более туманно, поскольку локализовать Кангюй, основываясь на этой информации, невозможно. Нисколько не проясняет ситуацию и раздел в "Хань шу", в котором описано государство Давань, большинством исследователей отождествляемое с Ферганой: "Правление даваньского владетеля в городе Гуйшани, от Чан-ан в 12 250 ли. Народонаселение состоит из 60 000 семейств, 300 000 душ; строевого войска 60 000... На восток до местопребывания наместника 4310, на север до кангюйского города Битяни 1510, на юго-запад до Большого Юечжи 690 ли" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 186-187].

Первое, что бросается в глаза при сравнении взаиморасположения Кангюя и Давани в "Ши цзи" и "Хань шу", это некоторые несоответствия. По данным "Ши цзи", Кангюй находился к северо-западу от Давани на расстоянии 2000 ли, тогда как в "Хань шу" - к северу на расстоянии 1510 ли. Разница эта, на мой взгляд, несущественна, поскольку известно, что расстояния китайцы указывали, как правило, между ставками правителей, а они могли меняться. Во время войны Китая с Даванью столица последней, г. Эрши, была практически разрушена, а резиденция правителя Давани была перенесена в другое место, в г. Гуйшан. В то же время и резиденция кангюйского владетеля во времена Сыма Цяня могла находиться не в г. Битяни, а в каком-либо другом месте. Если это несоответствие объясняется достаточно просто, то намного сложнее разобраться с остальными.

В "Хань шу" расстояние между Кангюем и Даванью, кроме указанного в 1510 ли, можно высчитать еще по двум точкам отсчета: от г. Чанань и от ставки китайского наместника Западного края в г. Улэй (Цитер). От Чанани до Кангюя 12 300 ли, а до Давани - 12 250 ли, исходя из разности, расстояние между Кангюем и Даванью равно 50 ли; от ставки наместника до Кангюя 5550 ли, а до Давани - 4310 ли, а разность, таким образом, составит 1240 ли.

Итак, налицо три разновеликих расстояния между двумя пунктами: по разнице расстояний от Чанани - 50 ли; по разнице от ставки наместника - 1240 ли; и указанное в "Хань шу", но неизвестно как рассчитанное - 1510 ли. Из трех имеющихся расстояний наименее достоверным представляется расстояние в 50 ли (20 км), рассчитанное от Чанани. Две другие величины разнятся между собой, но расхождения эти, равные примерно 100 км, не столь значительны и вполне объяснимы отсутствием точных измерительных приборов и не строго обязательным единым маршрутом из Давани в Кангюй для тех, чья информация достигла китайского двора.

Что же касается информации о Кангюе, то, как было указано выше,

она поступала в Китай из трех источников. И только с одним из них мы можем со значительной долей достоверности связать одно из вышеуказанных расстояний. Наверняка сообщение о расстоянии, указанное от ставки китайского наместника, принадлежало самому наместнику, так что эта информация представляется достаточно правдоподобной, а значит, и важной для дальнейшего изложения.

Кроме описания местоположения собственно Кангюя, или, что вернее, ставок его правителя, в "Хань шу" имеются сведения и о пяти малых владениях, зависимых от него - Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юегянь: "1) Сусийский владетель, имеющий пребывание в городе Сусей, от местопребывания наместника в 5576 ли, от Ян-гуань в 8025 ли; 2) Фумуский владетель, имеющий пребывание в городе Фуму, от местопребывания наместника в 5767 ли, от Ян-гуань в 8025 ли; 3) Юнийский владетель, имеющий пребывание в городе Юни, от местопребывания наместника в 5266 ли, от Ян-гуань в 7525 ли; 4) Гиский владетель, имеющий пребывание в городе Ги, от местопребывания наместника в 6296 ли, от Ян-гуань в 8555 ли; 5) Юегяньский владетель, имеющий пребывание в городе Юегяни, от местопребывания наместника в 6906 ли, от Ян-гуань в 8355 ли. Все помянутые пять владетелей зависят от Кангюя" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 186].

Описание этих владений, как мы видим, чрезвычайно коротко, в нем имеются только сведения о расстоянии до них от ставки наместника и от заставы Янгуань. При этом в тексте отсутствуют какие-либо дополнительные сведения (географические ориентиры или хотя бы ориентировки по сторонам света), которые бы позволили локализовать их. Кроме того, обращает внимание одно несоответствие в указанных расстояниях для двух владений - Сусе и Фуму. Расстояния до них от заставы Янгуань совпадают и равны 8025 ли, а вот расстояния до них от ставки наместника разнятся: до Сусе - 5576 ли, до Фуму - 5767 ли. Объяснить различия в расстоянии до этих владений от ставки наместника, при полном совпадении от Янгуани, можно было бы тем, что от двух этих точек до кангюйских владений вели разные дороги, не совпадающие на каком-либо значительном отрезке. Описание дорог, ведущих из Китая в Западный край, в "Хань шу" имеется: "Из Юй-мышь-гуань и Ян-гуань две дороги ведут в Западный край; одна, пролегая через Шапшап на северную сторону Южных гор, идет по направлению реки на запад до Яркяна, и называется южною дорогою. Южная дорога, по переходе через Луковые горы на запад, ведет в Большой Юечжи и Аньси. Другая, простираясь до местопребывания западного чешьского владетеля подле Северных гор, по реке идет на запад до Кашгара, и называется Северною дорогою. Северная дорога, по переходе через Луковые горы на запад, ведет в Давань, Кангюй, Яньцай и Япцзи" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 170]. Итак, хотя в Западный край из Китая ведут две дороги, по в Кашгаре они сливаются, и далее через Гюаньду (Цзюаньду), Хюсюнь

(Хюсюнь) и Давань в Кангюй ведет одна дорога [Боровкова А.А., 1989, с. 28-29]. Поскольку это так, то расстояния до Сусе и Фуму от ставки наместника должны были бы совпасть, как они совпали при расчете от заставы Янгуань, но этого не случилось. Видимо, какое-то из этих расстояний указано неверно. Предпочтение, на мой взгляд, следует отдать расчету расстояния от ставки наместника, поскольку именно он, как сказано в "Хань шу", "...купно имел надзор за Усунем, Кангюем и другими иностранными владениями, и доносил Двору о их движениях; мирных успокаивал, немирных усмирал оружием" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 171-172]. Таким образом, информация о расстояниях в Западном крае для наместника имела не научно-географическое, а конкретное военно-политическое значение, и должна была быть по возможности максимально точной.

Основываясь на расстояниях до малых кангюйских владений от ставки наместника, можно рассчитать расстояния до них от Давани, поскольку известно, что от ставки наместника до Давани было 4310 ли.

Сусе	5576 ли - 4310 ли = 1266 ли (506 км)
Фуму	5767 ли - 4310 ли = 1457 ли (583 км)
Юни	5266 ли - 4310 ли = 956 ли (382 км)
Ги	6296 ли - 4310 ли = 1986 ли (794 км)
Юегянь	6906 ли - 4310 ли = 2596 ли (1038 км)

Итак, хотя мы и имеем точку отсчета (Давань) и достаточно надежные расстояния до пяти кангюйских владений, тем не менее локализовать эти владения, основываясь только на имеющихся данных, невозможно, поскольку в "Хань шу", как уже было отмечено, отсутствуют указания на направления по сторонам света. Недостаток информации породил множество гипотез, которые не раз высказывались в научной литературе.

Наиболее правомерными, на мой взгляд, являются те локализации, которые основаны на дополнительных сведениях из "Синь Тан шу" ("Новая история [государства] Тан"), династической истории эпохи Тан (618-907 гг.), написанной в XI в. историком Оуян Сю. Из отечественных ученых локализация малых владений Кангюя на основе дополнительных сведений из "Синь Тан шу" была предложена В.В. Бартольдом и С.П. Толстовым.

В "Синь Тан шу" имеется достаточно подробное описание владений Западного края, между которыми указываются и расстояния. Названия зафиксированных здесь владений в большинстве своем другие, чем в "Хань шу". И это неудивительно, между написанием этих династических историй прошло более тысячелетия, а географическая ситуация, зафиксированная в "Синь Тан шу", соответствует VII в. н.э., т.е. отстоит во времени от ситуации, описанной в "Хань шу", на семь веков. Некоторые владения, известные в "Хань шу", в "Синь Тан шу", получили новые наименования (например, Сулэ-Кашгар названо Цюйша, а Давань-Фергана получила название Ниньюань), но с некоторыми названиями мы встречаемся в "Синь Тан шу" впервые. Для того чтобы читателю легче было ориентироваться в названиях владений, указанных в "Синь

Тан шу”, и расстояниях между ними, приводится схема расположения некоторых владений в Западном крае (рис. 4). Она в какой-то степени воспроизводит схему, составленную Л.А. Боровковой [Боровкова Л.А., 1989, с. 126-127], но в нее внесены некоторые коррективы. Так, в ней не представлены владения, не имеющие отношения к нашей теме, а некоторые расстояния между приведенными владениями были уточнены. Кроме того, владения были сориентированы по сторонам света так, как это указано в "Синь Тан шу". Владения, имеющие для нас первостепенное значение, подчеркнуты.

Среди них наиболее важными являются владения Шы (Гйешуанна, Цзешуанна по А.Г. Малявкину), Хэ (Гуйшуан), Ши (Чжэши), Ань (Бухэ) и Хосюнь. В "Синь Тан шу" в описании этих владений говорится, что каждое из них являлось территорией вассального княжества древнего Кангоя: Ши отождествляется с Сусе, Хэ - с Фумо, Ши - с Юйни, Ань - с Ги, Хосюнь - с Юегянь [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 311, 313, 315, 316; Малявкин А.Г., 1989, с. 77, 79, 84].

На основании отождествлений, содержащихся в "Синь Тан шу", В.В. Бартольд и С.П. Толстовым были предложены локализации зависимых от Кангоя "малых владений". Они практически совпадают: Сусе помещается в области Кеш на Кашкадарье, Фумо - в Кушании на Зеравшане, Юни - в Чаче (Ташкент), Юегянь - в Хорезме (по В.В. Бартольду - в Куля-Ургенче), Ги - в Бухаре [Бартольд В.В., 1963, т. II, ч. I, с. 177; Толстов С.П., 1948, с. 144]. Из этих локализаций явствует - под властью Кангоя был не только район нынешнего Ташкента, что разделяется большинством исследователей, по и Согд, и Хорезм (по крайней мере, его южные районы). Идея о зависимости Хорезма от Кангоя была в свое время высказана С.П. Толстовым, но в настоящее время многими учеными отвергнута. Что же касается Согда, то и здесь среди исследователей нет единодушия. Часть исследователей считают, что власть Кангоя распространялась и на Согд, тогда как другие это отвергают (литературу см. [Вайнберг Б.И., 1972, с. 148; Литвинский Б.А., 1968, с. 16-17]).

Отрицание факта подчинения Согда Кангюю может базироваться, например, на мнении, высказанном Б.И. Вайнбергом, о путанице в поздних китайских источниках, вследствие чего Кан-Согд совместился с Кангюем [Вайнберг Б.И., 1972, с. 148]. Если же развить эту мысль, то неправомерными должны быть и все вышеприведенные в "Синь Тан шу" отождествления. Объяснение им следует искать или в том, что некоторые владетели в Западном крае придумали для собственных нужд генеалогическую легенду, выводя свое происхождение от правителей Кангоя и юечжей одновременно, или в умышленной ошибке китайских хронистов. Сомнения эти до некоторой степени обоснованны, и главным в них видится то, что между написанием "Хань шу" и "Синь Тан шу" лежит почти тысячелетие. Однако временной промежуток, оказывается, не столь велик, так как впервые сообщения о генеалогическом родстве пра-

вителей многих согдийских владений с кангюйскими появляются еще в источниках эпохи Тоба Вэй или Юань Вэй ("Вэй шу") (об этом см. ниже). Что же касается "легендарности" информации, содержащейся в "Синь Тан шу", о локализации малых кангюйских владений, то она проверяется простым арифметическим расчетом, главным в котором будет установление расстояний между некоторыми владениями Западного края в эпоху Тан, для чего следует обратиться к вышеуказанной схеме (рис. 4).

Самым восточным на схеме изображено владение Нинъюань, от которого мы и будем вести отсчет. В "Синь Тан шу" говорится: "Нинъюань собственно есть владение Боханьна, иначе Бохань. при династии Юань-вэй оно называлось Полонан" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 319]. В "Вэй шу" имеется описание владения Лона (Полонан), которое повторено и в "Бэй ши": "Лона есть древнее владение Давань, резиденция в городе Гуйшань" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 260]. Исходя из этого, мы можем констатировать, что владение Нинъюань эпохи Тан соответствует Лоне эпохи Вэй и Давани эпохи Хань. Кроме того, можно предположить, что город Гуйшань и в ту и в другую эпоху являлся столицей этого владения.

Попробуем теперь просчитать расстояния от Давани (Нинъюань) до владений Ши (Чжэши), Шы (Цзешуана), Хэ, Ань-Бухэ и Хосюнь, которые отождествляются с малыми кангюйскими владениями.

Расстояние от Нинъюани до Ши в "Синь Тан шу" не указано, по со значительной долей достоверности его можно восстановить по "Бэй ши" (оба источника описывают ситуацию VII в.). В описании владения Ши говорится, что расстояние между Ши и Бохань (которое в "Синь Тан шу" идентифицируется с Нинъюань) составляет 600 ли (315 км) и Бохань находится к югу от Ши. В описании же Бохань тот же отрезок составляет 500 ли (263 км) и Ши находится к северо-западу от Бохана [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 273, 274]. Это противоречие следует объяснить, видимо, разными источниками информации, использованными китайскими чиновниками.

Расстояние от Нинъюани до Шы, по данным "Синь Тан шу", исчисляется суммой расстояний через промежуточные пункты: от Нинъюани на юго-запад до Восточного Цао 400 ли, от Восточного Цао на запад до Кан 400 ли и от Кан на юг до Шы 150 ли. Т.е.  $400 \text{ ли} + 400 \text{ ли} + 150 \text{ ли} = 950 \text{ (500 км)}$  [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 312, 310].

Аналогичным образом, по данным "Синь Тан шу", высчитывается расстояние от Нинъюани до владения Хэ, по и здесь расстояние между Западным Цао и Хэ приходится восстанавливать по "Бэй ши": от Нинъюани до Кан, как мы выяснили, 800 ли, от Кан на северо-запад до Западного Цао 100 ли, от Западного Цао на запад до Хэ (по данным "Бэй ши") 150 ли. Т.е.  $400 \text{ ли} + 400 \text{ ли} + 100 \text{ ли} + 150 \text{ ли} = 1050 \text{ ли (553 км)}$  [Бичурин Н.Я., II, 1950, т. II, с. 310, 275].

Расстояние от Нинъюани до Ань-Бухэ высчитывается по той же схеме: от Нинъюани до Хэ, как мы выяснили, 1050 ли, от Хэ на запад до

Восточного Ань 200 ли, от Восточного Ань на юго-запад до Ань-Бухэ, или Большого Ань, 400 ли. Т.е. 400 ли + 400 ли + 100 ли + 150 ли + 200 ли + 400 ли = 1650 ли (868 км) [Малявкин А.Г., 1989, с. 77].

Несколько сложнее оказалось рассчитать расстояние до владения Хосюнь, поскольку в "Синь Тан шу" сведений о его местоположении содержится недостаточно: "Государство Хосюнь, иначе именуется Холисими или Голи, находится на северном берегу р. Уху (Амударья). В юго-восточном направлении до государства Уди 600 ли, на юго-западе граничит с Босы (Персия), на северо-западе простирается до туцзюевского рода Хэса" [Малявкин А.Г., 1989, с. 84]. В более ранних, чем "Синь Тан шу", династийных историях это название не упоминается. Но в сочинении Сюань-цзана - буддийского монаха, совершавшего паломничество в Индию через Восточный Туркестан и Среднюю Азию, упоминается владение Холисими [Watters T., 1966, p. 99], которое, по данным "Синь Тан шу", отождествляется с Хосюнь [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 315]. Согласно Сюань-цзану, к западу от Ань-Бухэ в 400 ли находится владение Фади, а уже от него в 500 ли на юго-запад лежит владение Холисими [Watters T., 1966, p. 98-99]. Исходя из этой информации, расстояние от Нинъюани до Хосюнь-Холисими можно было бы вычислить, лишь прибавив к расстоянию до Ань-Бухэ расстояние до Фади, а затем и до Холисими (1650 ли + 400 ли + 500 ли = 2550 ли). Но мнение Л.А. Боровковой о том, что Сюань-цзан, стремившийся в Индию, от Самоцзянь (Кан) на запад явно не пошел [Боровкова Л.А., 1989, с. 141], заставляет отнестись к такому простому решению настороженно. В династийных же историях названия Холисими, кроме как в "Синь Тан шу", более не зафиксировано. В "Бэй ши", синхронном с сочинением Сюань-цзана источнике, владение Холисими отсутствует, но указывается, что к юго-западу от Ань находятся владения Му и Унагэ. Что же это за Ань? Владений с названием Ань и по данным "Бэй ши" и по данным "Синь Тан шу" было два. По "Бэй ши", восточнее Хэ располагалось "малое царство Ань", на запад от которого находилось другое Ань [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 272, 275], условно назовем его Большое Ань. В "Синь Тан шу" также имеется Малое государство Ань, иначе именуемое Хэхань, от которого в юго-западном направлении, через 400 ли лежит государство Большое Ань или Бухэ [Малявкин А.Г., 1989, с. 77]. То, что Ань-Бухэ соответствует Большому Ань, известному по "Бэй ши", несомненно. Дополнительным аргументом за это может служить существование небольшого владения Би, расположенного в 100 ли от этого Большого Ань, которое фиксируют и "Бэй ши", и "Синь Тан шу" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 272, 311].

Итак, бесспорной для обоих источников западной точкой, от которой можно вести дальнейшие расчеты, является Большое Ань, в "Синь Тан шу" названное еще и Бухэ. По "Бэй ши", к юго-западу от Ань в 500 ли находится владение Му и к юго-западу от Ань же, но в 400 ли нахо-

дится владение Унагэ. При этом Му лежит в 200 ли к северо-западу от Унагэ [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 275-276] (рис. 5, 1).

У Сюань-цзана, как уже отмечалось, к западу от Ань, в 400 ли находилось владение Фади, а затем, к юго-западу от Фади, в 500 ли находилось владение Холисими (рис. 5, 2). В "Синь Тан шу" расстояния от Ань-Бухэ до Хосюнь и Уди не указаны, но мы, без сомнения, можем расположить эти два владения к западу от Ань-Бухэ (рис. 5, 3). Это позволяет сделать то, что владение Хосюнь, как и другие интересующие нас владения, лежащие к западу от Ань-Бухэ, прилегало к реке Уху, названной Сюань-цзаном Фочухэ, у которой он помещает Холисими, как мы помним, идентичное Хосюнь. Кроме того, и в "Бэй ши", и в "Синь Тан шу" дан перечень государств, в разной степени зависимых от государства Кан и управляемых владетелями из дома Чжаову [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 271, 310]. Списки владений по двум этим династийным историям совпадают по всем названиям, за исключением Му и Унагэ в "Бэй ши" и Хосюнь и Уди в "Синь Тан шу". Из чего можно сделать вывод, что Му и Унагэ могут соответствовать Хосюнь и Уди, но как именно, неизвестно. Можно, конечно, связать названия Уди и Фади, а также привести мнение, что Уди могло читаться и как Моуди [Малявкин А.Г., 1989, с. 262], чтобы затем делать дальнейшие лингвистические построения, но это дело специалистов по китайскому языку. Констатировать же можно, лишь что информация, полученная по всем трем китайским источникам, хотя и достаточно противоречива (что наглядно видно на рис. 5), тем не менее позволяет высказать следующее.

У Сюань-цзана и в "Синь Тан шу" совпадают названия владений (Фади = Уди и Холисими = Хосюнь) и локализация Хосюнь-Холисими при реке Уху-Фочухэ, но не совпадают расстояния и ориентировки по сторонам света. В то же время в "Бэй ши" и в "Синь Тан шу" совпадает общая схема расположения владений относительно Ань, по не совпадают или отсутствуют указания на расстояния. У Сюань-цзана и в "Бэй ши" совпадают расстояния, но существенно различается схема взаиморасположения владений. Если же из этой противоречивой информации выбрать ту, которая повторяется, то достаточно верными можно считать расстояния в 500 и 400 ли, указанные в "Бэй ши" и у Сюань-цзана, и взаиморасположение владений, составленное по данным "Бэй ши" и "Синь Тан шу". Следовательно, владение Хосюнь может соответствовать владению Му или Унагэ, а значит, расстояние от Ань-Бухэ до Хосюнь будет составлять или 500, или 400 ли. Таким образом, расстояние от Нинъюани до Хосюнь будет равно рассчитанному расстоянию до Ань-Бухэ плюс расстояние до Му: 1650 ли + 500 ли = 2150 ли (1131 км) или расстоянию до Ань-Бухэ плюс расстояние до Унагэ: 1650 ли + 400 ли = 2050 ли (1079 км).

Итак, мы получили расстояния от владения Нинъюань-Давань до пяти государств Западного края времени династии Тан, отождествлен-

ных в "Синь Тан шу" с пятью малыми владениями Кангюя. Для наглядности расстояния, рассчитанные по "Хань шу" и "Синь Тан шу", были сведены в таблицу.

"Хань шу"			"Синь Тан шу"		
Название владений	Расстояние в ли	Расстояние в км	Расстояние в км	Расстояние в ли	Название владений
Сусе	1266	506	500	950	Шы
Фуму	1457	583	553	1050	Хэ
Юйни	956	382	263 или 315	500 или 600	Ши
Ги (Цзи)	1986	794	868	1650	Ань-Бухэ
Юегянь	2596	1038	1131 или 1079	2150 или 2050	Хосюнь

Как видно из таблицы, расстояния в ли по "Хань шу" и "Синь Тан шу" между отождествленными друг с другом владениями не совпадают, причем существенно. Это важно, поскольку, если вообразить, что Оуян Сю - автор "Синь Тан шу" - это отождествление полностью придумал, то он, основываясь на "Хань шу", скорее всего, воспользовался бы для указания расстояний до владений данными ханьского времени, при условии, что он не знал, что *ли* эпох Хань и Тан различаются. Если же автор знал об этом различии, то, приводя подобную фальсификацию и переводя ханьские ли в танские, он должен был бы сделать это более точно. В этом случае расстояния при пересчете в километры должны были бы совпасть. Но они, как видно из таблицы, не совпадают. Однако несовпадение это несущественно. С одной стороны, оно говорит об отсутствии подтасовки данных при установлении расстояний в танское время, а с другой - в удивительной близости между собой расстояний ханьской и танской эпох в километровом выражении. Последнее, на мой взгляд, является серьезным аргументом за правомерность отождествления пяти владений Кангюя с соответствующими наименованиями танского времени.

Ситуацию можно представить и таким образом, что фальсификация с отождествлением была проведена не китайцами, а самими владельцами Западного края. В этом случае эти владельцы должны были бы знать информацию о расстояниях из "Хань шу", а затем уже выбрать в своем кругу, кто на какое кангюйское владение, при создании генеалогической легенды, претендует. Но это выглядит слишком уж фантастично.

Итак, совпадение в расстояниях ханьского и танского времени от Давани до пяти малых владений Кангюя свидетельствует, что приведенные в "Синь Тан шу" отождествления не фальсифицированы и в раннеханьское время власть Кангюя распространялась на довольно обширные территории. Локализация этих владений, предложенная В.В. Бартольдом и С.П. Толстовым, на мой взгляд, возражений не вызывает, за исключением локализации владения Юегянь, которое эквивалентно владению Хосюнь по "Синь Тан шу". Это владение С.П. Толстов отождествлял с Хорезмом, а В.В. Бар-

тольд с северной частью Хорезма, с городом Гурганджем (ныне Куля-Ургенч). Сомнения в подобной локализации вызваны тем, что Хосюнь, идентичное владению Холисими по Сюань Цзану и владению Му по "Бэй ши", располагалось к юго-западу от Ань-Бухэ (Бухары), а не к северо-западу, где находился Хорезм. Локализация владений Сусе-Шы на Кашкадарье, Фуму-Хэ в Кушании на Зеравшане, Юйни-Ши в Чаче-Ташкенте и Ги-Аль в Бухаре возражений не вызывает. Следовательно, районы Чача-Ташкента и Согда в раннеханьское время были в зависимости от Кангюя.

Важность для нашей темы констатации факта зависимости Согда от Кангюя в ханьское время заключается в том, что в более поздних источниках на территории Согда зафиксировано государство Кан и зависимые от него владения, где неоднократно будет отмечено наименование "аланы" (Алань, Аланьми).

Сведения о Кангюе содержатся и в следующей за "Хань шу" династийной истории – "Хоу Хань шу" ("Истории Поздней Хань"). Она освещает период с 25 по 220 г. н.э. Эта династийная история была составлена в V в. н.э. ученым и сановником империи Южная Суп - Фань Е. Информация о Кангюе в "Хоу Хань шу" сводится лишь к нескольким его упоминаниям, а описание отсутствует. Это обусловлено тем, что "Хоу Хань шу" была написана через 200 лет после падения династии Хань, и, что самое главное, ослаблением влияния ханьского Китая на Западный край, вызванным как слабостью самого Китая, так и возросшей мощью его западных соседей.

Как уже отмечалось, в позднеханьское время мощь Кангюя возросла, в зависимость от него попали владения Яньцай, Янь и Суи, что узнаем из имеющихся в "Хоу Хань шу" описаний этих владений. При этом владение Яньцай "переименовалось" в Аланья.

Подпадение под власть Кангюя владений Яньцай и Янь свидетельствует об экспансии Кангюя в северо-западном направлении, а вот локализовать Суи, еще одно зависимое от Кангюя владение, по имеющимся в "Хоу Хань шу" данным практически невозможно. Единственно можно отметить, что население этого владения кроме скотоводства занималось и земледелием: "Почва земли очень хороша; почему делается здесь виноградное вино в славе" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 229].

После падения династии Поздняя Хань в 220 г., в период Троецарствия (220-280 гг.), эпизодические контакты с некоторыми владениями в Западном крае имело только царство Вэй. В "Вэйлюэ" описания Кангюя нет. Имеется только упоминание (см. с.94), что он находится на юго-востоке от государства Яньцай, "иначе называемое Алань", которое от Кангюя уже не зависит. Когда произошло освобождение Яньцай-Алани от Кангюя, неизвестно. Можно только констатировать сокращение территорий, подвластных Кангюю, и фиксацию его местоположения относительно Яньцай там же, где его помещали "Ши цзи" и "Хань шу".

В эпоху династии Цзинь (265-420 гг.) контакты Китая с Западным

краем были столь же эпизодичны, как и в период Троецарствия. И в то же время в "Цзинь шу", династийной истории, составленной в VII в. н.э., имеется хотя и короткое, но чрезвычайно интересное описание Кангюя: "Государство Канцзюй находится к северо-западу от Давань [на расстоянии] около 2000 ли, граничит с Суи и Иле, его правитель живет в городе Сусе, нравы и внешний облик и одежда схожи с даваньскими. Земли хорошие, богатые. Имеются разные деревья и виноград. Много быков и овец. Производят хороших коней. В годы правления Тай-ши (265-274 гг. - Т.Г.) его правитель Наби прислал послов [с представлением?], преподнес добрых лошадей" [Цзинь шу, т.5, с. 5496/664 (из. 97/67)].

Как видно, в самом начале фрагмента дана локализация Кангюя, ничем не отличающаяся от локализации, приведенной в "Ши цзи". Но это единственное совпадение. Далее следует текст, который характеризует кангюйцев как земледельцев, - богатые земли, деревья, виноград, быки, а также схожесть по внешнему облику и нравам с даваньцами. Последние же во всех династийных историях, начиная с "Ши цзи", описываются как оседлые земледельцы. Кангюйцы же и в "Ши цзи", и в "Хань шу" характеризуются как кочевники, во всем схожие с кочевниками юечжами. Налицо некоторое противоречие, которое можно объяснить следующим образом - кочевники кангюйцы постепенно осели на землю, превратившись в земледельцев. Однако подобное объяснение противоречит описанию уклада хозяйства государства Каи, являвшегося, по "Вэй шу", ответвлением кангюйского дома (о чем будет сказано ниже), где кангюйцы описываются и как кочевники, и как земледельцы [Бичури Н.Я., 1950, т. II, с. 271-272]. Последнее свидетельствует о многоукладности хозяйства в таком крупном государственном образовании, каким был Кангюй. И это неудивительно, поскольку еще в раннеханьское время под властью кочевников кангюйцев были явно земледельческие владения в Согде и Чаче. А в позднеханьское время власть Кангюя распространилась и на земледельческое владение Суи, которое, по "Цзинь шу", является не вассалом, а независимым соседом Кангюя. Ответ на вопрос, почему в "Цзинь шу" Кангюй описывается только как земледельческое владение, следует искать в локализации его столицы. Столица же, как видим, располагалась в городе Сусе, а именно под этим названием в "Хань шу" упомянуто одно из малых владений Кангюя, локализуемое в Южном Согде, имевшем столицу с одноименным названием (иероглифы, обозначающие Сусе в обеих династийных историях, совпадают). Это значит, что посольство, посетившее Китай в промежутке между 265 - 274 гг., представляло не весь Кангюй, а одно из его владений, т.е. Сусе. Это, в свою очередь, указывает на относительно слабую центральную кангюйскую власть в III в. н.э., что подтверждает отпадение от Кангюя владений Янь и Яньцай ("Вэй люэ"), а также Суи ("Цзинь шу"). С другой стороны, это свидетельствует о том, что владение Сусе в Южном Согде продолжало и во второй по-

ловине III в. н.э. идентифицировать себя с государством Кангюй.

Что же касается локализации Кангюя в 2000 ли к северо-западу от Давани, то это можно объяснить, скорее всего, тем, что автор "Цзинь шу", живший в VII в., совместил сведения о посольстве от кангюйского владения Сусе с традиционной для ранних китайских источников локализацией Кангюя.

Обширную, но несколько противоречивую информацию о Кангюе мы получаем из "Вэй шу", династийной истории империи Северная Вэй (384 - 534 гг.), составленной в 50-е годы VI в., т.е. буквально через несколько лет после падения этой династии. Наиболее интенсивно информация о Западном крае в Китай начинает проникать в первой половине V в. При императоре Тай-у (423 - 452 гг.) вэйский двор не только принимал многочисленные посольства от государств Западного края, но и сам отправил на Запад посольство, посетившее многие владения этого региона, в том числе Чжэшэ и Полоны (Давань). В докладе послов китайскому двору говорится, что в Западном крае "ко времени эры правления Тай-янь (435 - 440) стало 16 государств. Их земли делятся на четыре района: первый охватывает территории к востоку от Памира и к западу от Сыпучих песков, второй - к западу от Памира и к востоку от Хайцдой, третий - к югу от Чжэшэ и к северу от Юечжи, четвертый - пространство между двумя морями к югу от Шуйцзэ. На этой территории, возможно, имеется до ста различных мелких владений" [Малявкин А.Г., 1989, с. 64-65].

Из районов, составлявших Западный край, нас в первую очередь интересует третий, простирающийся к югу от Чжэшэ и к северу от Юечжи. Локализация этого района в среднеазиатском регионе не вызывает сомнения, поскольку если Юечжи располагалось на землях древней Греко-Бактрии, то Чжэшэ в "Вэй шу" идентифицируется с Кангюем: "Чжэше есть древнее владение Кангюй, от Полоны на северо-западе, от Дай в 15 450 ли. С третьего года правления Тхай-янь, 438 г., посылка послашников с дарами не прерывалась" [Бичури Н.Я., 1950, т. II, с. 264].

Никакой другой информации о государстве Чжэшэ-Кангюй в "Вэй шу" не содержится, и локализуется оно, по традиции, к северо-западу от Полоны-Давани (рис. 3). Несложно подсчитать, что по разнице расстояний от Дай до Полоны-Давани и от Дай до Чжэшэ-Кангюя расстояние между Полоной и Чжэшэ равно 1000 ли, что в пересчете составляет 526 км. Оно практически соответствует рассчитанному по "Хань шу" расстоянию между Даванью и Кангюем (по расчету от ставки заместника), равному 1240 ли, т.е. 496 км, что, в свою очередь, свидетельствует о не изменившемся за пять веков взаиморасположении столиц двух этих государств.

Таким образом, китайцы с 438 г. правопреемником Кангюя считают государство Чжэшэ, расположенное там же, где Каппой фиксируют ранние китайские династийные истории. Однако, как мы помним, сведениями о Чжэшэ информация о Кангюе в "Вэй шу" не исчерпывается. Там же,

в самом конце "Повествования о Западном крае" имеется описание государства Каи, которое, как и Чжэшэ, оказывается связанным с Канпоем.

Как же соотносятся между собой государства Чжэшэ и Каи?

При внимательном чтении "Вэй шу" (см. с.99), которая целиком вошла в более позднюю династийную историю "Бэй ши", возникает ощущение, что государства Чжэшэ и Кан описывались в разное время. И дело здесь даже не в том, что описание Кан помещено в самый конец повествования о Западном крае, отдельно от описания Чжэшэ, хотя оба они идентифицируются с Канпоем, а скорее в структуре этих описаний. Если Чжэшэ описано сухо и коротко, как и большинство описаний владений, содержащихся в "Вэй шу", то описание Кан более пространно и красочно. Несмотря на эту пространность, в описании Кан отсутствует информация о расстоянии от китайского города Дай до Каи, хотя расстояния от Дай фиксируются в описаниях всех остальных (за редким исключением) владений, в том числе и Чжэшэ. Нет информации и о местоположении владения Кан относительно других владений, в описании которых расстояния от Дай до них указаны. О местоположении Кап сообщается только, что "он имеет пребывание при реке Сабао в городе Алуди", а поскольку эти наименования нигде больше в династийных историях не упоминаются, то Кап как бы висит в воздухе, хотя расстояния указывались и до многих более мелких и политически менее значимых, чем Кап, владений.

Исходя из сказанного, можно предположить, что автор "Вэй шу" при описании владений Кап и Чжэшэ использовал документы, попавшие в канцелярии китайского двора в разное время. Причем описание государства Кап было из разряда наиболее поздних. За это говорит то, что женой правителя Кап была дочь тукюевского (тюркского) Даду-хана, а известно, что образование Тюркского каганата относится к 552 г., т.е. ко времени, когда единая империя Вэй распалась на Восточное Вэй (534 - 550 гг.) и Западное Вэй (535 -556 гг.). Выход же тюрков на историческую арену, конечно, предшествовал образованию Тюркского каганата, по не помню ранее 552 г. Первые свидетельства о политических событиях, в которых фигурируют тюрки, относятся к 545 г., когда император Западного Вэй отправил к тюркам посланника [Малаявкин А.Г., 1981, с. 155]. До этого момента никаких известий о тюрках в китайских источниках нет. Время же, когда тюркская царица могла стать женой правителя государства Кап, точно установить невозможно, по, я думаю, оно не должно быть позже 50-х годов VI в. и существенно раньше 545 г. Нижняя граница указанного отрезка времени объясняется тем, что до начала VI в. тюрки жили на южной стороне Алтая под властью жужаней и их правители вряд ли имели возможность заключать династические браки с достаточно мощной и территориально удаленной державой, какой представляется Кап по описанию китайских источников. Верхняя же временная граница обуславливается окончанием времени правления династии Вэй. Соответственно и время попада-

ния в Китай информации о Каи должно датироваться в этих пределах.

Противоречит последнему предположению то, что в "Вэй шу" указано, что посольство от Кан в Китай прибыло в эру Тай-янь (435 - 440 гг.), т.е. в эпоху, когда в Вэй устремились посольства из Западного края, в том числе и из Чжэшэ. Однако, как утверждает Л.А. Боровкова, посольство это при китайском дворе зарегистрировано не было, и, скорее всего, его следует отнести к эре Тай-чан, т.е. 532г. [Боровкова Л.А., 1989, с. 138]. Это предположение, хотя и оставляет открытым вопрос, в каком именно году прибыло в Китай посольство от Кан, снимает возникшее противоречие и позволяет считать первую половину VI в. достаточно реальным временем, когда в Вэй могла попасть информация о владении Каи.

В вопросе о соотношении друг с другом наименований Кангюй, Чжэшэ и Кан имеется еще один важный момент, который непосредственно связан с решаемой проблемой. Я имею в виду соотношение с вышеуказанными владениями владения Сиваньгинь (Сиваньцинзнь). Впервые владение с этим названием встречено в "Вэй шу", затем дословно повторено в "Бэй ши" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 260]. Описание очень коротко и построено по той же схеме, что и описание Чжэшэ, из чего можно заключить, что оба они были сделаны в один относительно короткий отрезок времени. У Сюань-цзана (напомню, буддийского монаха, посетившего Среднюю Азию в первой половине VII в.) это владение названо Самоцзянь. В "Синь Тан шу", написанной в XI в., по отразившей геополитическую ситуацию в Средней Азии VII в., название этого владения воспроизводится и как Самоцзянь, и как Сиваньцинзнь. (Эти и другие варианты транскрипции данного названия, а также об отождествлении его с Самаркандом см. [Малаявкин А.Г., 1989, с. 236-237].) Но в "Синь Тан шу", в отличие от других династийных историй, содержится информация о том, что Самоцзянь-Сиваньгинь и Каи - это одно и то же: "Кан, иначе называется Самоцзянь или Самоцзянь (другие иероглифы), в государстве Юань Вэй (Тоба Вэй, 386 - 534) именовалось Сиваньцинзнь..." [Малаявкин А.Г., 1989, с. 77]. В то же время в "Вэй шу" в описании Кап и Сиваньцинзнь отождествления этих владений нет.

Ситуация, как видно, выглядит достаточно сложной. В "Вэй шу" Кан и Чжэшэ отождествляются с Канпоем, но независимо и от них, и от Кангюя существует Сиваньгинь. В "Синь Тан шу" Чжэшэ больше не упоминается, а фигурирует только Кан, отождествляемый с Сиваньгинь. Объяснить эту ситуацию может информация, содержащаяся в обеих династийных историях и касающаяся вопроса сложения государства Кап и его местоположения. Вернее, те небольшие различия, которые присутствуют в обоих текстах.

"Вэй шу": "Владетельный Дом Кан есть отрасль кангюйского Дома... Собственно владетель прозывается Вынь (Вэнь по А.Г. Малаявкину. - Т.Г.); происходит из Дома Юечжи, который первоначально обитал по

северную сторону хребта Цилян-шань в городе Чжаову; но после поражения от хуннов перешел через Луковые горы на запад, и основал царство. Он утвердился в древнем царстве Кан. Сии роды, в память своего первоначального происхождения, все удержали прозвание Чжаову... Он имеет пребывание при реке Сабао в городе Алуди" [Бичурин Н.Я. 1950, т. II, с. 271].

"Синь Тан шу": "Владение Кан... лежит па южной стороне реки Нами... Прозвание государю Вынь. Он происходит из Дома Юечжи. Первоначально сей Дом обитал по северную сторону гор Цилян в городе Чжаову. После поражения от тукюесцев, он подался па юг к Луковым горам, овладел нынешними землями... При государе Гао-цзун [650 - 683]... владения его переименованы кангюйским губернаторством " [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 310-311].

Как мы видим, совпадений в обоих текстах много. Это и фамилии владетелей (Вэнь), и происхождение от юечжей, и первоначальное обитание к северу от гор Цилян в городе Чжаову, и принадлежность к государству Каппой. О последнем в "Синь Тан шу" прямо не сказано, но это подразумевается, поскольку Кан для китайских чиновников стал именно кангюйским губернаторством. На этом совпадения и закапчиваются. Различия же заключаются в следующем.

В "Вэй шу" причины ухода юечжей от гор Цилян па запад связываются, как и в ранних династийных историях, с поражением их от гуипов. В "Синь Тан шу" эта информация отсутствует, по говорится об уходе на юг после поражения от тюрков-туцзюе. На вопрос, идет ли в обоих случаях речь об одном и том же событии, по с заменой хуннов па тюрков, думается, следует ответить отрицательно. И вот почему. Движение юечжей в "Вэй шу" происходит с востока на запад и приводит их в "древнее царство Кан", где владетель в дальнейшем обосновывается па реке Сабао в городе Алуди, к сожалению никак не локализуемых. В "Синь Тан шу" движение происходит с севера па юг и владетель обосновывается в Сиваньгинь па реке Нами (Зеравшан). Очевидно, что в двух этих случаях речь идет о разных событиях. В первом случае это пролипливание юечжей в "древнее царство Кан", которое, как явствует из контекста, следует отождествить с Кангюем. За это говорит и то, что начальные иероглифы в наименованиях Кан и Каппой совпадают. Во втором - поражение канско-кангюйского владетеля от тюрков-туцзюе и перенос его ставки на юг, в Сиваньгинь.

Если первое событие можно примерно датировать концом II в. до н.э. или рубежом II и I вв. до н.э., то дату второго можно установить еще более приблизительно. Она не может быть ранее времени написания "Вэй шу", т.е. середины VI в. н.э., и позже начала VII в., т.е. времени, когда была написана "Бэй ши" - династийная история, характеризующая послевайский

(534 - 581 гг.) и суйский (581 - 618 гг.) периоды истории Северного Китая. Объяснить правильность верхней даты можно следующим. В "Вэй шу" имеется информация, что в зависимости от Кан находятся владения Ми, Шы, Цао, Хэ, Малый Ань, Нашебо, Унахэ и Му, но нет никакой информации об их местоположении. В "Бэй ши" же, где описание Кан повторено из "Вэй шу" и также нет сведений о его местоположении, имеются сообщения обо всех зависимых от Кан владениях, по которым можно локализовать их и Кан относительно друг друга [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 271-276]. В "Синь Тан шу" взаиморасположение этих владений относительно друг друга сохраняется, а поскольку Кан идентифицируется с Сиваньгинь, то перенос столицы Кан из г. Алуди в г. Сиваньгинь должен был произойти не позже начала VII в., т.е. времени, когда была написана "Бэй ши", но и не раньше середины VI в., времени падения династии Вэй.

Итак, ситуация с владениями Чжэшэ, Кан, Сиваньгинь и Кангюй в вэйское и послевайское время выглядит, на мой взгляд, следующим образом.

При династии Вэй Китай в V в. возобновляет контакты с Западным краем, которые по своей интенсивности превосходят контакты трех предшествующих веков, а по степени информированности китайского двора о положении в Западном крае сопоставимы с ханьским временем (несколько уступая раннеханьской эпохе, но превосходя позднеханьскую). В 30-х годах V в. Китай обменивается посольствами с Кангюем, выступающим под наименованием Чжэшэ. В это же время в поле зрения вэйского двора попадает и владение Сиваньгинь, которое исследователями отождествляется с Самаркандом - столицей Восточного Согда (рис. 3). Как помним, многие земли в Согде были в зависимости от Кангюя, а вот распространялась ли в это время власть Кангюя и на Сиваньгинь-Самарканд, неизвестно. В "Вэй шу" информации об этом нет.

Приблизительно через 100 лет до Китая доходит информация о государстве Кан, никак не локализуемом, но идентифицируемом с Кангюем. Из "Вэй шу" мы узнаем, что Кан считается сильным государством и ему покорилась большая часть владений в Западном крае, а также что "Дом Кан есть отрасль кангюйского Дома".

Эти и сопоставленные с ними сведения из "Синь Тан шу" приводят нас к выводу, что в поздневайское время в Кангюе произошли какие-то существенные политические изменения. Кангюй-Чжэшэ, видимо, распался. Его правопреемником становится государство Кан, которое, несмотря на силу, вряд ли владело всеми землями древнего Кангюя, являясь всего лишь "отраслью кангюйского Дома". В то же время фразу "отрасль кангюйского Дома" можно интерпретировать и как указание на то, что правители государства Кан принадлежали к одной из ветвей династии древних правителей Кангюя. На преемственность указывает и другая фраза из "Вэй шу": "со времен династии Хань преемство престола не пресекалось" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 271]. В данном случае неважно, являлись ли правители Кан действительно прямыми потомка-

ми древнекангюйских владетелей, зато важно то, что таковыми они себя осознавали. Очертить границы государства Кан, основываясь на письменных источниках, невозможно. Однако можно констатировать, что столица этого владения - г. Алуди находился к северу от г. Сиваньгинь. Во второй половине VI в. или в самом начале VII в. Кан терпит поражение от тюрков и переносит свою столицу на юг в г. Сиваньгинь-Самарканд, что и фиксируется в "Синь Тан шу".

Таким образом, доказанность идентичности Кана Кангюю или по крайней мере значительной его части выглядит, на мой взгляд, достаточно убедительно, как и зависимость от Кангюя в разные эпохи многих владений в Согде. Несмотря на констатацию этой зависимости, отождествлять с Кангюем именно Самаркандский Согд не следует, поскольку политическая зависимость еще не говорит о тождественности. Перенос столицы Кана-Кангюя из г. Алуди в Сиваньгинь свидетельствует не о переносе Кангюя в Самаркандский Согд, с одновременной потерей Каном-Кангюем всех остальных территорий, а об утверждении кангюйской кочевой династии на землях Согда. В то же время происхождение правителей государства Кан связано с юечжами дома Чжаову. Что кроме прямого указания на это "Вэй шу" и "Синь Тан шу" подтверждает и анализ тамг, проведенный Б.И. Вайнберг [Вайнберг Б.И., 1972, с. 129-154; 1977, с. 73-77]. Соответственно с юечжами следует связывать и правителей Кангюя или по крайней мере значительной его части.

Имеется еще одно свидетельство, указывающее на присутствие юечжей в Согде в ханьское время. Клавдий Птолемей в VI книге своего "Географического руководства" в северных районах Согда наряду с другими народами фиксирует тохар (tacharoi) [Птолемей, VI, 12, 4], которые, как помним, отождествляются с юечжами. Знает Птолемей тохаров (tocharoi) и в Бактрии [Птолемей, VI, 11, 6]. Фиксация одного этнонима, хотя и чуть по-разному написанного, в двух разных районах Средней Азии подтверждает мнение Б.И. Вайнберг о делении юечжей на два разных в политическом отношении массива: юечжей-кушан в Бактрии и юечжей Чжаову в Согде. А поскольку часть земель в Согде, как было установлено, была под властью Кангюя по крайней мере с I в. до н.э., то можно предположить, учитывая все имеющиеся данные, что именно эти юечжи Чжаову - тохары Согда и были этническим массивом, который вошел в состав Кангюя и в дальнейшем утвердил династию своих правителей на значительной, возможно прилегающей с севера к Согду, части его территории.

Родовое имя правителей государства Кан - Вэнь, фиксируется и в "Вэй шу", и в "Синь Тан шу", что свидетельствует о том, что это родовое имя принадлежало правителям Кана-Кангюя как до поражения их от тюрков, так и после переноса их столицы из Алуди в Сиваньгинь. А поскольку преемство престола со времени династии Хань не пресекалось, то мы можем сделать вывод, что это династия находилась у влас-

ти в Кангюе и в ханьское время. Соответственно установление связи юечжийской династии Вэнь с аланами через одно из названий владения Яньцай - Вэньнаша, не выглядит невероятным.

Если же продолжить поиск аргументов "за" правомерность выдвинутой цепочки юечжи - Кангюй - аланы, то следует обратить внимание еще на некоторые очень важные факты. В "Бэйши", в 97 главе, имеется следующая информация: "Резиденция владения Му лежит на западной стороне реки Уху. Это также древняя аньсиская земля, смежная с владением Унагэ. Владетель прозывается Чжаову. Он происходит из Дома канского государя. Проименование ему Аланьми" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 287].

В "Синь Тан шу", в главе 221Б, наименование Аланьми мы встречаем еще раз: "Государство Ань, иначе называется Бухо, или Бухэ, в государстве Юань Вэй (Тоба Вэй) именовалось Ниюми. В северо-восточном направлении до Восточного Ань и в юго-западном направлении до Би более 100 ли. На западе простирается до р. Уху (Амударья). Резиденция князя находится в г. Аланьми. Прежде эти земли принадлежали кангюйскому удельному князю Цзи (Ги по Н.Я. Бичурину. - Т.Г.)" [Малявкин А.Г., 1989, с. 77]. В том же тексте имеется упоминание еще и города Алань: "Во время эры правления Сянь-цин (656 - 661 гг.) в городе Алапэ создан округ Аньси, а его князь Чжао'у Ша назначен правителем округа" [Там же].

Важным в приведенной выше информации для нас является не только то, что в раннесредневековый период в Средней Азии продолжают существовать наименования, связанные с этнонимом "аланы", но и то, что в обоих случаях эти наименования оказываются связанными с канским-кангюйским государством. В одном случае князь Аланьми "происходит из Дома канского государя", в другом - города Аланьми и Алань находились на землях кангюйских удельных князей, являясь их резиденцией.

Обращает на себя внимание то, что многие среднеазиатские владетели, в том числе и вышеуказанные, имели "прозвание" Чжао'у. Исследователями было высказано мнение, что этот термин обозначал не фамилию правителей, а титул, соответствующий высшему тюркскому титулу "ябгу" [Малявкин А.Г., 1989а, с. 55-56]. Не отрицая правомерности этого суждения, хотелось бы отметить, что из тринадцати известных мне владетелей поименованных Чжао'у, одиннадцать связаны с государством Кан-Кангюй. Об их владениях говорится, что это или древняя кангюйская земля, или сами они одного рода с правителями государства Кан. Т.е. если наименование Чжао'у и являлось титулом, то принадлежал он, видимо, лишь вполне определенному числу владетелей, так или иначе связанных с юечжийско-кангюйской династией.

Завершая перечисление фактов, связанных с пребыванием алан в среднеазиатском регионе, хотелось бы отметить, что здесь аланы неоднократно фиксируются в период раннего средневековья. Я имею в виду не только наличие топонимов типа Алан-калы [Толстов С.П., 1948, с. 47], а также признанное исследователями участие алан в этногенезе многих

## ЭТНИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА "АЛАНЫ"

среднеазиатских народов (лит. см. [Кузнецов В.А., 1992, с. 31]), но и прямое указание на их присутствие здесь как народа.

В "Суй шу", китайском источнике, описывающем события конца VI и начала VII в. н.э., в главе 84 ("Повествование о теле"), перечисляются 45 племен, названных "телескими". Среди них упоминается и племя алань. Список телеских племен (в том числе и племени алань) повторяется и в более поздних источниках: "Бэй ши", "Тун джянь" (VIII в.), "Тайпин хуаньюй цзи" (X в.) [Малявкин А.Г., 1989, с. 203]. А.Г. Малявкин считает, что под телескими племенами подразумеваются все известные составителям летописей племена, разбросанные по степи от Каспийского моря до Манчжурии и не получившие самостоятельного описания из-за отсутствия какой-либо дополнительной информации [Малявкин А.Г., 1981, с. 83, к. 29]. К сожалению, из-за отсутствия именно такой информации мы не можем локализовать этих алан, хотя сам факт их упоминания является немаловажным.

Не менее интересную информацию об аланах в Средней Азии в средневековый период мы встречаем в трудах одного из крупнейших средневековых ученых Востока ал-Бируни (974 - 1048 гг.). В труде "Определение крайних положений местности для проверки расстояний поселений", завершнном в 1025 г., имеется фрагмент, в котором автор объясняет существование русел р.Джейхун (Аму-Дарья). Проследившая направление и изменение течения этой реки, ал-Бируни сообщает о ее низовьях: "Она затопила много местностей на долгое время и разрушила (их) также; жители их переселились на побережье Хазарского (Каспийского. - Т.Г.) моря. Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского" [Волин С., 1941, с. 194].

Хотя точно локализовать алан и асов, основываясь на данных ал-Бируни, затруднительно, главное, речь, без сомнения, идет о низовьях Аму-Дарьи и о Южном Приаралье, что, возможно, совпадает с локализацией государства Яньцай-Аланья и, без сомнения, совпадает с локализацией Кангюя в период его максимального могущества. Кроме констатации факта пребывания алан на этой территории, важным является указание на этническое родство, если не тождественность, аланов и асов ("это род"). Свидетельства, указывающие на исключительную близость алан и асов, имеются и в достаточно поздней китайской династийной истории, какой является "Юань ши" ("Хроника [государства] Юань", 1280 - 1368 гг.). Здесь этноним "аланы" упоминается неоднократно как "асы", или "асу", или "алань-асу". Как отметил А.Г. Малявкин, этноним "алань" отдельно в "Юань ши" не встречается [Малявкин А.Г., 1989, с. 203]. Еще раз вопроса о соотношении этнонимов "аланы" и "асы" мы коснемся ниже.

Наиболее сложным и одним из наиболее важных в изучении аланской проблемы является вопрос об этническом содержании термина "аланы". Вариантов происхождения этого слова было выдвинуто несколько, ныне, однако, принята этимология, предложенная В.И. Абаевым. По его мнению, термин "аланы" следует рассматривать как эквивалент термина "агуа", являвшегося общим наименованием древних иранских-арийских народов [Абаев В.И., 1949, с. 246; 1958, с. 47].

Хотя установление надежной этимологии этнонима является важной задачей, само по себе это не снимает вопросов, связанных с его конкретным наполнением. От выяснения этнических компонентов (если таковые прослеживаются), составляющих изучаемый народ, зависят многие вопросы, проливающие свет на его историю - территории расселения, политическая история, атрибуция материальных памятников и т.д., а самое главное - вопрос происхождения этого народа.

Как уже отмечалось, в настоящее время в вопросе о происхождении алан существует две основные концепции. Первая - аланы это одно из сарматских племен, вторая - аланы - выходцы из восточного, массагетского племенного массива.

Следует сказать, что версия о сарматском происхождении алан до недавнего времени была господствующей. Учеными было установлено изначальное ираноязычие алан, а затем, на основании трактовки письменных источников, закрепилось определение их как одного из сарматских племен. В трудах крупнейшего сарматоведа К.Ф. Смирнова неоднократно высказывалась мысль о вызревании алан внутри аорской конфедерации племен, поддержанная и развитая в работах его последователей. В то же время свидетельства письменных источников, указывающие на массагетское происхождение алан, хотя и учитывались, трактовались в русле господствовавшей теории. Наиболее полное выражение концепция обрела в работах В.А. Кузнецова и Ю.С. Гаглойти.

В фундаментальном труде В.А. Кузнецова "Очерки истории алан" [Кузнецов В.А., 1992] эта концепция была наиболее четко сформулирована и приведена с наибольшим количеством аргументов, ее подтверждающих. Основные доводы В.А. Кузнецова сводятся к следующему. Государство Яньцай китайских источников принадлежало аорсам (Яньцай - китайская транскрипция наименования "аорсы") и занимало территорию Северного Прикаспия и междуречья Волги и Дона.

Переименование Яньцай в Алапья, т.е. в Аланию, свидетельствует о выходе алан на историческую арену из аорсской среды. Этноним "аланорсы", зафиксированный Птолемеем, трактуется как переходный от аорсов к аланам. После войны 49 г. н.э. между аорсами и сираками эти сарматские союзы племен сходят со страниц исторических хроник и их место занимают аланы, при этом сираки, аорсы и другие сарматские племена слились в одно этнополитическое объединение под новым и общим для всех именем "аланы". Это переименование объясняется престижностью нового этнонима. В то же время трактовка термина "аланы" как "благородные" устанавливает связь этого наименования с названием другого племенного объединения - "роксоланы", т.е. "светлые аланы". Этноним "алан-сармат", встреченный у Маркиана, так же как и "аланорсы", трактуется В.А. Кузнецовым как переходный термин, указывающий на генетическую связь алан с сарматами. Значительная роль в сложении алан отводится массагетам, а также асиям и тохарам. Участие их в этом процессе решается с точки зрения их миграции из глубин Средней Азии и слияния с сарматскими племенами на территории Северного Кавказа. На основании этих и некоторых других аргументов В.А. Кузнецов приходит к следующему выводу: "Факты свидетельствуют о том, что аланы в первых веках нашей эры всюду появляются там, где до этого находились сарматские или близкие им североиранские племена. Следовательно (и независимо от того, было ли конкретное племя аланы или не было), уже в I в. н.э. этноним "аланы" становится собирательным, общим для всех или для большинства сарматских и родственных им североиранских племен" [Кузнецов В.А., 1992, с. 33].

Близкой точки зрения в вопросе о происхождении алан придерживается и Ю.С. Гаглойти, хотя в своей книге "Аланы и вопросы этногенеза осетин" [Гаглойти Ю.С., 1966] он по многим вопросам и полемизирует с ранней работой В.А. Кузнецова "Аланские племена Северного Кавказа" [Кузнецов В.А., 1962]. В то же время указанная работа Ю.С. Гаглойти содержит ряд внутренних противоречий. Так, например, если во второй главе книги автор утверждает, что "появление этнонима "аланы" было связано, прежде всего, с объединением этнически родственных племен, ранее выступавших под разными названиями" [Гаглойти Ю.С., 1966, с. 86], то уже в третьей главе обосновывается идея о невозможности рассматривать этноним "аланы" как собирательное наименование. При этом утверждается, что этноним "аланы" не покрывал даже этнически родственные сарматские племена, не говоря уже о других племенных группировках. Но главное, что автор придерживается идеи о генетическом родстве алан с аорсами. Кроме того, в монографии Ю.С. Гаглойти была обозначена, а в недавно вышедшей статье [Гаглойти Ю.С., 1995, с. 44-58] подтверждена идея тождества алан и некоторых других сарматских племен. В частности, ученый считает, что этноним "язиг"

является фонетической разновидностью племенного названия ас - яс, т.е. аланы равны языгам, а роксоланы - аланам, поскольку этноним "роксоланы" является разновидностью имени алап и транскрибируется как "светлые аланы" (от осет. "рохс" - светлый) [Гаглойти Ю.С. 1995 с. 56].

Итак, если согласиться со всеми вышеприведенными отождествлениями, то получается, что аланы = аорсам = роксоланам = языгам, т.е. аланы оказываются тождественны практически всем, за исключением сираков, наиболее крупным сарматским объединениям, да и сами эти племенные союзы оказываются тождественны друг другу. Подобный подход, может быть оправдан, только если авторы стремятся установить определенную этническую близость этих групп кочевников, что ни у кого серьезных возражений не вызывает. Однако задача выяснения происхождения этих пародов должна решаться не с помощью превращения их в однородную кочевую массу, но выделения наибольшего количества черт, эти народы характеризующие и разделяющие. Разделение их происходит уже на основе того, что древние авторы, по крайней мере наиболее компетентные из них, сами называют различные племенные наименования, закрепляют за ними конкретные территории и описывают события, связанные с их политической историей.

Нельзя признать правильным и аргумент о том, что сираки и аорсы после войны 49 г. сошли со страниц исторических хроник и слились в новое этнополитическое объединение под именем "аланы", а затем это имя распространилось на другие сарматские племена. В период войны 49 г. аланы не упоминаются. Они становятся известны несколько позже. Но когда они заявляют о себе, ни аорсы, ни языги, ни роксоланы, ни сираки со страниц исторических хроник не исчезают. Они наряду с аланами фиксируются на важнейших этнокартах Плиния, Клавдия Птолемея и даже Аммиана Марцелина. Хотя свидетельству последнего, поместившего языгов и роксоланов в Северном Причерноморье в IV в., я думаю, придавать большого значения не стоит, поскольку он мог перенести сведения об этих народах на свои страницы из трудов своих предшественников.

Итак, на страницах античных исторических произведений аланы соседствуют со всеми интересующими нас сарматскими племенами достаточно долгое время - достаточное для того, чтобы можно было говорить о невозможности слияния их всех в одно целое в I в. н.э. под общим именем "аланы". Сказанное не исключает проникновения в алапскую среду различных племен кочевников, в том числе и сарматов. При отсутствии трудно преодолимых географических барьеров в степи контакты, взаимовлияния и взаимопроникновения были естественны и закономерны. В то же время создание политических союзов с выделением племени-гегемона было также естественным процессом. При этом племена, вошедшие в союз, чаще всего теряли свои названия, и до нас дош-

ли известия только о народах, эти объединения возглавивших. Следовательно, даже если предположить, что какие-то подразделения интересующих нас сарматов и вошли в аланский племенной союз, это ни в коем случае не привело к немедленному исчезновению самих этих народов с политической арены.

Что же касается вопроса об установлении этимологической близости наименований "аланы", "языги", "роксоланы" и "аорсы", то здесь не все однозначно. Наиболее близкими являются этнонимы "аланы" и "роксоланы". Прочтение этнонима "роксоланы" как "светлые аланы" признается многими исследователями и базируется на заключениях, сделанных лингвистами [Абаев В.А., 1949, с. 156]. Однако, несмотря на правомерность подобного отождествления, возникает вопрос, требующий разъяснения. Если эти этнонимы тождественны, то почему на страницах исторических хроник фиксируются и тот и другой народ и каждый из них имеет свою политическую историю? Ответ на него (при том что я не являюсь ни противником, ни активным сторонником этого отождествления), видимо, следует искать в генетическом родстве, большой этнической близости и общности их происхождения. Политически же ситуация могла складываться по следующей схеме: от конгломерата племен, получивших в дальнейшем наименование "аланы", отделилось племя, именовавшее себя "роксоланы", и продвинулось на запад (если признать, что движение было именно в этом направлении), первым по сравнению с собственно аланами попав в поле зрения античных авторов. Мысль эта была высказана Д.А. Мачинским, и выглядит она достаточно убедительно [Мачинский Д.А., 1974, с. 127].

В то же время не исключено что появление этнонима "роксоланы" могло произойти параллельно и независимо от появления этнонима "аланы", т.е. две независимые группировки кочевников избрали для своего обозначения этноним "агуа" - общий для всех древних иранцев.

Что же касается установления тождества между аланами и языгами, то цепочка может выглядеть следующим образом: аланы = асам, асы = ясам, а раз ясы созвучны с языгами, то аланы = языгам. Как мне кажется, в этом построении слишком много натяжек и допущений, чтобы с ним можно было согласиться. Если тождество аланы – асы можно признать, правда, с определенными оговорками и для каждого периода истории алан с разными, то тождество асы - ясы признается, только если речь идет о средневековых источниках, причем этноним "ясы" как эквивалент алан фигурирует в древнерусских летописях. Этноним же "языги" известен только из текстов авторов античного периода, писавших на греческом и латыни. Представить же, что древнерусские летописцы извлекли из греко-латинских текстов термин "языги" и, превратив его в "ясы", стали использовать для обозначения алан, я думаю, невозможно. Скорее всего, эти летописцы из двух закрепившихся за аланами этнонимов (аланы и асы) выбрали для себя фонетически наиболее удоб-

ный, переделав "асы" в "ясы". Если же искать соответствия в написании этнонимов "асы" (асианы) и "языги", например, по латыни, то установить тождество будет более затруднительно: *asiani* - *iazuges*.

Связь между аланами и аорсами устанавливается не между самими этими этнонимами по сходству их звучания, а через некоторые исторические факты, а также через этноним "аланорсы".

Термин "аланорсы" встречается один-единственный раз у Клавдия Птолемея [Птолемей, VI, 14, 9]. По звучанию он напоминает названия сразу двух народов - алан и аорсов. Именно на основе этого созвучия и был сделан вывод о его переходном значении в период, когда происходил процесс ассимиляции части аорсов с аланами.

Птолемей помещает аланорсов в "Скифии по эту сторону горы Имаон", приблизительно на одной параллели с аланами, но не по соседству с ними, а на каком-то расстоянии к востоку. Последнее вытекает из того, что в перечне народов, населявших "верхние", т.е. самые северные территории этой части Скифии, между аланами и аланорсами мы встречаем суобенов. Территория аланорсов с востока ограничивается линией Имаонских гор, что вытекает из меридионального расположения этой горной системы, достигающей на севере неизвестной земли [Птолемей, VI, 14, 1]. С юга аланорсы граничат с землями анареев [Птолемей, VI, 14, 15], а с севера с неизвестной землей. Находим мы у Птолемея в этой части Скифии и аорсов. Они зафиксированы на каком-то удалении и от алан, и от аланорсов, в районе, расположенном к востоку от Ра-Волги и западнее Яксарта-Сырдарьи [Птолемей, VI, 14, 10].

Представить, где конкретно и на каком расстоянии друг от друга находились три интересующих нас народа, чрезвычайно трудно. Констатировать же можно следующее: Птолемей помещал аорсов в Северном Прикаспии, а алан-скифов и аланорсов на каком-то расстоянии к северу и северо-востоку от них. При этом если алан и аланорсов разделяли только суобены, то пространство между ними и аорсами занимали многие народы. Если же линию Имаонских гор соотнести с реальной географической картой, то эта горная система, протянувшаяся в меридиональном направлении, на севере должна была захватить северные отроги Тянь-Шаня, далее к югу пересечь Памир и упереться в Гиндукуш. При этом аорсы должны были располагаться непосредственно у северо-западных склонов Тянь-Шаня. При подобной локализации территории аланорсов отстоит от территории аорсов более чем на 1000 км к востоку.

У Тянь-Шаня аорсы никогда и никем из древних авторов не фиксировались. И дело не в том, что кочевники аорсы не смогли бы покрыть расстояние от Прикаспия до Тянь-Шаня, а в том, что Птолемей знает и алан и аорсов как в Европе, так и в Азии, живших обособленно друг от друга, закрепив за каждым из этих народов определенные территории. Кроме того, знает Птолемей аланорсов одновременно с аорсами и ала-

нами на вполне конкретной территории, что, как кажется, не позволяет говорить о переходном значении этого этнонима. В связи с этим этимология, данная термину "аланорсы" В.И.Абаевым, представляется наиболее точной. Я имею в виду трактовку этого этнонима как алан-урсы, т.е. "белые аланы" [Абаев В.А., 1949, с. 156], что исключает из него аорсов как обязательный компонент, но устанавливает тесную взаимосвязь между аланорсами и аланами. Интерпретировать же присутствие и тех и других на карте Птолемея следует, видимо, с признания паличия двух племенных группировок одного и того же народа.

Одним из ключевых аргументов в пользу тождества алан с аорсами является сюжет, взятый из "Хоу Хань шу", о переименовании владения Яньцай в Аланья. Аргумент этот можно признать работающим только с оговорками, которые делают исследователи при его интерпретации. А именно: "яньцай" - это китайская транскрипция наименования "аорсы", и владение Яньцай располагалось не в Приаралье, а в Прикаспии и междуречье Дона и Волги, т.е. на землях, где фиксируются аорсы. Следует иметь в виду, что тождество яньцай - аорсы не доказанный факт, а всего лишь версия, у которой имеются и авторитетные противники (литературу см. [Кузнецов В.А., 1992, с. 21]). Что же касается мнения о локализации владения Яньцай в Северном Прикаспии, то пересчет китайских ли в километры позволяет с большей уверенностью локализовать это владение в Приаралье.

Последнее не исключает того, что Приаралье можно рассматривать как восточную периферию земель, занятых аорсами, если, конечно, согласиться с тождеством яньцай - аорсы. Но тогда возникает вопрос: почему именно на этой периферии находилась ставка правителя аорсов (напомню, что расстояния китайцы дают между ставками правителей), в непосредственной близости от набирающего мощь Кангюя, который в конечном итоге и подчинил себе Яньцай? Можно, конечно, представить себе, что власть Кангюя распространилась только на небольшую часть аорсов, обитавших в Приаралье и названных китайцами "яньцай". В этом случае именно в момент завоевания их земель Кангюем яньцай-аорсы стали называть себя аланами. Вывод же заключается в том, что и переименование Яньцай в Аланья, и завоевание Яньцай Каппоем относятся к одному времени: "Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя". Но тогда не совсем ясно, зачем небольшая группа кочевников, потеряв свою независимость, вдруг начинает именовать себя аланами-ариями, и каким образом это самоназвание ей удастся донести до своих дальних соплеменников, продвинувшихся до Танаиса и Меотиды.

Немаловажным в вопросе выяснения происхождения алап является то, что ни один автор античного времени не характеризует алап как народ сарматский. Более того, аланы иногда даже противопоставляются сарматам. Например, римские всадники "атакуют на аланских и сав-

роматский манер" [Арриан, Тактика, 4, 7] или "алан на сарматском коне" [Марциал, Книга эпиграмм, VII, 30, 6]. Исключение составляет только упоминание Маркианом народа алан-сармат [Маркиан, Обезд внешнего моря, II, 39]. Однако это достаточно позднее свидетельство (автор жил около 400 г. н.э.) не обязательно должно указывать на принадлежность алан к сарматам. В равной мере это может говорить и о их этнической близости, и о поглощении аланами к IV в. различных сарматских группировок.

Итак, мы привели некоторые аргументы против версии сарматского происхождения алан. Аргументами же за их массагетское происхождение являются все те факты и соображения, которые были изложены в двух предыдущих главах. Говоря об этом, я имею в виду не прямую генетическую связь алан с древними массагетами, известными Геродоту за пять веков до первого упоминания алап в источниках, а их связь с более восточным, чем сарматский, миром ираноязычных кочевников.

Впрочем, вслед за В.А. Кузнецовым я склонен рассматривать этноним "аланы" как собирательный, в какой-то момент ставший общим для некоторых групп кочевников, по не в I в. н.э. на юге Восточной Европы, а в Азии в период, речь о котором пойдет ниже. Поскольку ответить на вопрос, существовало конкретное племя "аланы" или нет, представляется затруднительным, наиболее приемлемой версией на сегодняшний день приходится считать ту, которая выводит этноним "аланы" из общеиранского "агуа", при придании ему в сарматскую эпоху определенного оттенка благородства. Далее, основываясь на фактах и соображениях, уже изложенных, я постараюсь предложить версию, как мог появиться и получить распространение этот этноним.

К северу от Великой Китайской стены, на территории современной провинции Ганьсу, между хребтами Дуньхуан и Циляншань кочевали многочисленные ираноязычные племена. Древние китайские источники донесли до нас названия двух крупных племенных объединений, занимавших эту территорию. Это юечжи и усунь. Во II в. до н.э. юечжи вели войны с набиравшими мощь гуннами, в зависимости от которых попали усунь. Около середины II в. до н.э. юечжи потерпели поражение от гуннов, и большая часть этого народа вынуждена была удалиться на запад.

Поражение от гуннов разделило юечжей на две части: "больших юечжей" и "малых юечжей". Малые юечжи остались в "южных горах", где и были ассимилированы соседними народами. Двигаться же за большей частью своего народа они не могли ввиду, как отмечено в "Хань шу", своего "малосилия", т.е. на запад ушла наиболее мобильная и в военном отношении сильная часть юечжийского народа.

К большим юечжам судьба была более благосклонна. В своем движении на запад они дошли до владения народа сэ и захватили его земли. Территории, занимаемые народом сэ, располагались к северу от Тянь-

Шаня, главным образом в Семиречье (Юго-Восточный Казахстан и часть Северной Киргизии). Сэский правитель отступил на юг и покорил государство Гибинь (Северная Индия), но часть народа сэ осталась на своих землях под властью юечжей. Пребывание юечжей на завоеванной территории было недолгим, так как давний их противник - усунь разгромили юечжей и вынудили отойти далее на запад. "Усуньский Гуньмо остался на его землях: посему-то между усуньцами находятся отрасли племен сэского и юечжийского" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 191].

Юечжи, покинув земли народа сэ, прошли Давань (Фергану), вторглись в земли Дахя (Греко-Бактрии) и покорили ее. На обломках Греко-Бактрии юечжами была создана Кушанская империя. Сообщение о покорении Греко-Бактрии кочевниками имеется у Страбона и Помпея Трога. Этим авторам наименование "юечжи" незнакомо, но они знают асиев, пасиан, тохаров и сакаравлов (сакарауков), которые, по словам Страбона, "отняли у греков Бактриану". Все исследователи между асиями и пасианами ставят знак равенства, сократив, таким образом, количество вторгшихся в Бактрию народов до трех. Эти три народа, вслед за многими исследователями, я считаю возможным отождествить с кочевниками, известными китайским историкам, следующим образом: асиев с усунями, тохаров с юечжами, сакаравлов-саков с народом сэ. Как видно, продвижение юечжей, закончившееся крушением Греко-Бактрии, привело в движение и другие народы. Кроме собственно юечжей-тохаров нам известны усунь-асии и сакаравлы - народ сэ.

Объединение юечжей с усунями и народом сэ могло произойти на территории Семиречья. И фраза Помпея Трога "асианские цари тохаров" может относиться именно к этапу победоносного завершения войны в Семиречье усуней над юечжами.

Кто главенствовал в походе кочевников против Греко-Бактрии - асии-усунь или тохары-юечжи, - мы не знаем, но известно, что в нем приняли участие не все юечжи и не большая часть усуней. Какая-то, видимо небольшая часть юечжей осталась в Семиречье под властью усуней, а другие, продвинувшись на запад, захватили территории, которые китайцы именовали государством Кангюй.

Успешному продвижению юечжей в Кангюй могло способствовать относительное "малосилие" этого владения, которое, по сообщению Чжан Цяня, "признает на юге власть юечжей, на востоке власть хуннов". Причины и обстоятельства, повлекшие за собой проникновение какой-то части юечжей в Кангюй, нам неизвестны. Но одна из них наверняка связана с продолжившимся процессом децентрализации у юечжей. Раздробление юечжийских орд, как уже отмечалось выше, происходило как на территории провинции Ганьсу и в Семиречье, так и на территории Бактрии. Правоммерно будет предположить, что именно с делением юечжей на последних стадиях их движения связано утверждение в Кангюе или в какой-то его части юечжийского правящего дома.

Все аргументы в пользу этого положения были изложены выше, здесь бы хотелось привести некоторые косвенные данные, которые не только не противоречат этому, но и позволяют очертить хронологические рамки, когда это могло произойти.

По данным "Шицзи", описывающей события последней четверти II в. до н.э., юечжи имели от 100 000 до 200 000 человек войска. Каппой в это же время имел войско до 90 000 человек и на юге признавал над собой власть юечжей. В следующем столетии военно-политическая ситуация существенно изменилась. Мы узнаем из "Хань шу", что строевое войско у юечжей составляет 100 000 человек, а вот у Кангюя уже 120 000 и ни о какой зависимости на юге от юечжей речи не идет. В то же время о юечжах говорится (а в "Хоу Хань шу" эта же информация подтверждается), что они разделились на пять княжеств и только по прошествии ста лет объединились под властью гуйшуанского князя.

Сопоставление этих данных с ранее изложенными не противоречит выдвинутой гипотезе, и интерпретировать их можно следующим образом. Часть юечжей захватили некоторые земли Кангюя, которые после очередного юечжийского разделения остались под их властью, а в дальнейшем пришельцы распространили свою власть на весь Кангюй. События могли развиваться и по-иному: юечжи, закрепившись в захваченной части Кангюя и выйдя из общеюечжийской группировки, вошли в кангюйскую конфедерацию, сохраняя за собой только эти земли весь период времени существования этого государства.

Влившись в среду кангюйцев, юечжи, скорее всего, не сильно изменили этнический состав местного населения, да и их правители в течение нескольких веков сохраняли свое родовое имя, помня о своем юечжийском происхождении, что констатирует "Вэй шу" и более поздние источники.

Все сказанное выше относится к участию юечжей в этногенезе алаи. Не менее значимую роль в этом процессе сыграли усунь.

Попадание усуней-асиан в среду, из которой вышли аланы, могло происходить на разных этапах их истории. Первоначально усунь находились в тесном соприкосновении с юечжами и делили с ними одну и ту же территорию "между Дуньхуаном и Циляншанем". Соседство это вылилось в кровопролитную войну, закончившуюся победой юечжей. Усунь бежали к гуннам. В дальнейшем, усилившись, они вытеснили своих недавних обидчиков юечжей из Семиречья, куда те переселились после понесенного поражения от гуннов. Именно в Семиречье, как западных соседей Кангюя, усуней со II в. до н.э. фиксируют китайские источники. Хотя включение усуней в состав устремившихся на запад юечжей не фиксируется китайскими источниками, но присутствие асиан в числе народов, покоривших Греко-Бактрию, указывает на такую возможность. Что же касается Кангюя, то даже если и исключить версию о смешении усуней с юечжами до попадания юечжей в Кангюй, то

длительное соседство усуней с Кангюем должно было привести к их проникновению на территорию этого владения. Ярким примером этого процесса является зафиксированное в "Хань шу" переселение в Каппой в первые годы н.э. усуньского царевича Бихуаньчжи с 80 000 подданных (см. [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 198]).

Итак, присутствие усуней-асиан на территории Кангюя несомненно. Несомненно и то, что в дальнейшем аланы и асы, если вспомнить ал-Бируни, на этой территории фиксируются неразрывно друг от друга, являясь двумя составляющими одного этнического целого.

Вопрос о характере взаимосвязи между аланами и асами не поддается бесспорному разрешению. Как справедливо отметил В.А. Кузнецов, одни источники их идентифицируют, другие - дифференцируют [Кузнецов В.А., 1962, с. 126]. В источниках античного времени мы встречаем и асов (асиев и асиан) и алан, причем независимо друг от друга. В средневековых же источниках аланы и асы чаще всего помещаются рядом или между ними ставится знак равенства. Оценка большинством исследователей средневековых алан и асов как двух близкородственных этнических подразделений, имевших, несмотря на существенную близость, и некоторые различия, сомнений не вызывает. Хочется лишь отметить, что асов следует рассматривать как этническую единицу, составляющую общеаланский этнический массив и сохранившую в своем названии связь с асиями-асианами античных авторов.

Итак, мы определили два этнических компонента, составивших алан, - это юечжи-тохары и усуней-асии. К ним, без сомнения, следует прибавить и собственно кангюйцев, т.е. племена, исконно обитавшие на территории, названной китайцами Кангюем. Протекал ли процесс аланского этногенеза на территории всего Кангюя или формирование алан происходило только в отдельных областях этой кочевой державы, покажут будущие исследования. Сейчас мы можем только констатировать, что именно Кангюй явился колыбелью народа, более тысячелетия существовавшего под именем "аланы".

Обстоятельства, способствовавшие появлению алан на исторической арене, неизвестны, но имеющиеся в нашем распоряжении факты все-таки позволяют высказать некоторые соображения. Формирование алан происходило на территории Кангюя, который во II в. до н.э. являлся, выражаясь современным языком, не более чем политическим аутсайдером. В последующие два века мы наблюдаем возросшую мощь Кангюя. Произшедшие в кангюйском обществе изменения во внешней политике выразились в стремлении к территориальной экспансии. Способствовать этому могло вхождение в Кангюй группировок юечжей и усуней. Благодаря этим пародам на территории Кангюя происходит концептрация не просто большой военной силы, но, скорее всего, силы для данной территории избыточной и в военном отношении элитарной. Обусловлено это тем, что юечжам и усуням в их движении от северных гра-

ниц Китая на запад, при отпадении "слабосильного" элемента, удалось сохранить мобильное и боеспособное ядро, в которое, возможно, вливались не менее боеспособные и мобильные этнические единицы из других племенных группировок. В то же время, чтобы стремиться к завоеваниям, изменения должны были произойти и в сознании самих кангюйцев. Ведь для того чтобы вести себя "надменно", "гордо", "дерзко", нужно было избавиться от психологии политического аутсайдера. Во многом изменению сознания кангюйцев должна была способствовать, если использовать термин Л.Н. Гумилева, "пассионарность" юечжей и усуней, а также других групп кочевников, двигавшихся в фарватере юечжийского передвижения. Кроме того, чтобы сплотить население Кангюя, похожего в этническом смысле на лоскутное одеяло, нужна была идея, которая могла бы стать общей для различных племенных группировок. Таковой могла стать идея национального единства происхождения, появлению которой должны были способствовать ираноязычные интересующих нас групп кочевников, общий кочевой уклад хозяйства, приблизительно одинаковое развитие социальных отношений и многое другое. На языковую и соответственно этническую близость этих народов указывает "Хань шу": "От Давани на запад до государства Аньси хотя есть разность в наречиях, но язык весьма сходен, и в разговорах понимают друг друга" [Бичурин Н.Я., 1950, т. II, с. 188].

Национальной же идеей, которая могла быть выбрана для консолидации полиэтничного кангюйского общества, стала идея общего арийского происхождения. Как часто случалось в истории, люди в трудную минуту апеллируют к героическому прошлому своих предков. По всей видимости, именно этноним "агуапа", т.е. "ариец", бывший в древности общим для всех ираноязычных народов, стал наиболее популярен у кангюйцев и был воспринят если не всеми, то, во всяком случае, значительной их частью. Причем воспринят он был не в древней фонетической форме - агуапа, а в новой - алана (лингвистическая закономерность перехода г в л, была убедительно доказана В.И. Абаевым [Абаев В.И., 1965, с. 35-41]). Следовательно, в интересующее нас время и у интересующих нас народов слово "ариец" должно было звучать как "алан".

Кроме того, не противоречит, а скорее подтверждает выдвинутое положение о присутствии алан на территории Кангюя локализация, данная Птолемеем одному из подразделений алан - аланорсам, т.е. белым аланам. Как уже было отмечено, аланорсов Птолемей помещает у самой северо-западной оконечности Тянь-Шаня. А это именно та территория, которая входила в Кангюй вне зависимости от того, как исследователи очерчивают границы этого государства. При этом наличие к западу от аланорсов собственно алан прекрасно соотносится с информацией, содержащейся в "Хоу Хань шу", о переименовании владения Яньцай в Аланью и о попадании его в зависимость от Кангюя. Переименование Яньцай в Аланью, я, вслед за А.С. Скрипкиным, склонен

рассматривать как следствие завоевания владения Яньцай Кангюем силами алан при том, что часть этого народа осталась на территории Кангюя. Таким образом, то политическое разделение складывающегося народа алан на две части - в Кангюе и в Яньцай, которое мы предполагаем, основываясь на китайских источниках, подтверждает и Птолемей. И хотя нельзя утверждать, что все кангюйцы провозгласили себя аланами, можно констатировать, основываясь на факте локализации аланорсов на землях Кангюя, что часть алан находилась там и после переименования Яньцай в Аланью, т.е. после ухода другой части алан на запад. Как широко был распространен этноним "аланы" в среде населения Кангюя, неизвестно, но на присутствие его на территории Кангюя и после появления алан в Причерноморье в I в. н.э. указывают многие из приведенных выше фактов. Я имею в виду сведения о владетеле по имени Аланьми ("Бэй ши") и городе Аланьми или Алань ("Синь Тан шу"), а также о племени алань ("Суй шу") и о народе аланы и асы (ал-Бируни).

Сформировавшись как народ, аланы, в рамках проводимой Кангюем политики, начинают свое движение на запад. Двигаться в западном направлении алан заставили их соседи, обладавшие достаточной военной мощью, чтобы ограничить экспансионистские устремления алан с востока и юга. С юга Кангюю противостояли Большие юечжи, создавшие на территории Греко-Бактрии мощную Кушанскую империю. С востока противодействовали усунь и гунны, в сумме обладавшие огромной военной силой. Далее к востоку находился раннеханьский Китай, который именно в I в. до н.э. в своей экспансии на запад достиг наибольших успехов. Максимально же возможное для кочевников продвижение на север кангюйцами было осуществлено. В зависимости от Кангюя попало владение Янь, платившее им дань пушниной. Итак, победы и добычу сулило только западное направление. На западе же политическая ситуация вторжению алан благоприятствовала. В первой половине I в. н.э. мы наблюдаем не только отсутствие политического единства в среде сарматов, но и вооруженное противостояние между различными сарматскими племенными союзами. Античные источники приводят два ярких примера этого.

Корнелий Тацит, описывая войну 35-36 гг. н.э. между иберами и парфянами, сообщает, об участии в ней двух разных сарматских группировок, причем одна из них поддержала иберов, а другая - парфян [Тацит, *Анналы*, VI, 33].

В 49 г. н.э. на Боспоре из-за борьбы за власть между Митридатом и Котисом разразилась война между сираками и аорсами [Тацит, *Анналы*, XII, 15-18]. Если же вспомнить Страбона, то эти народы описываются им как два наиболее крупных сарматских объединения, господствовавших в междуречье Дона и Волги [Страбон, XI, V, 8]. Междоусобица, ослабившая военную мощь сираков и аорсов, способствовала про-

никновению алан в район Танаиса и Меотиды и позволила им закрепиться на вновь завоеванных землях. Здесь алан как мощную военную силу впервые фиксируют античные источники.

Завершая разговор о происхождении алан, хотелось бы еще раз коснуться их взаимоотношений с сарматами. Рядом исследователей неоднократно высказывалась мысль о популярности этнонима "аланы" в среде ираноязычных кочевников, следствием чего в итоге явилось исчезновение ко II в. н.э. с исторической арены названий различных сарматских племенных группировок и замена их этнонимом "аланы". Включение в состав алан различных этнических компонентов, в первую очередь сарматского, сомнений не вызывает. Следует только отметить, что процесс этот не был повсеместным и кратковременным. Если в описаниях Сарматии I - II вв. н.э. аланы фиксируются наряду с разными сарматскими племенами, то в IV в. в Причерноморье и Приазовье мы находим в основном аланов.

Объяснить исчезновение с политической карты Сарматии к IV в. названий всех сарматских племен можно несколькими причинами. В первую очередь это и уход с территории Сарматии на запад в Подунавье языгов и роксолан, а также насильственное включение в аланский союз отдельных групп кочевников. Но использование военной силы было не единственным фактором, позволившим аланам выступить консолидирующей силой, сплотившей разрозненные сарматские группировки. Основой подобной консолидации, скорее всего, мог явиться сам этноним "аланы". Привлекательность же этого этнонима основана на его тождественности этнониму агуапа - "ариец", бывшему, как уже отмечалось, общим в глубокой древности для всех ираноязычных кочевников. Именно этим, по всей видимости, можно объяснить постепенное исчезновение с исторической арены многочисленных сарматских племенных объединений, при сохранении на страницах исторических хроник до XIV в. этнонима "аланы".

Постепенная "ассимиляция" аланами различных племенных группировок объясняет появление этого этнонима в первые века н.э. на пространстве от Средней Сырдарьи до Дуная. Конечно, не все эти территории были под властью алан, но с уверенностью можно выделить несколько районов, являвшихся центрами аланских племенных объединений. В I в. н.э. с аланами на востоке можно связать земли владений Кангюя и Яньцай, а на западе - территории вокруг Танаиса и Меотиды. В последующие два века аланские группировки фиксируются на западном побережье Каспийского моря, в Центральном Предкавказье и на Дунае.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая разговор об аланах и их ранней истории, остановимся на характеристиках, данных аланам древними авторами, которые говорят об их исключительной воинской доблести и описывают их как диких (Сенека), суровых и вечно воинственных (Лукац), пылких (Флакк) или храбрых (Дионисий Периегет). Подчеркивается их стабильная военная мощь, которая не связана просто с воинственностью, характерной для многих народов в тот или иной период их истории. Это, скорее, высокий военный профессионализм, с которым считались многие известные полководцы древности. Таков, например, Флавий Арриан, изучавший и старавшийся привить римской армии особенности аланского военного искусства. Или римский император Грациан, облачавшийся в аланские военные одежды, отдавая тем самым дань боевым качествам этого народа.

Следует вспомнить и две самые важные для позднего Рима битвы, в которых аланы сыграли не последнюю роль, - при Адрианополе и на Каталаунских полях. В первой аланы сделали все, чтобы нанести Риму смертельную рану, участвуя в разгроме лучших римских легионов императора Валента. Во второй - выстояли при Каталаунских полях, в центре армии Флавия Аэция, против отборной гвардии Атиллы, продлив на какое-то время жизнь дряхлеющего Рима.

В последующий период истории алан, который выходит за рамки нашего повествования, как и период пребывания алан на Западе, были и победы и поражения. Но даже побежденными они оставались для победителей образцом воинской доблести. Недаром победители не раз формировали из них свои гвардейские части, как, например, монголы в покоренном ими Китае.

Объяснить стабильную, на протяжении нескольких веков, военную мощь алан можно, вероятней всего, одним обстоятельством. Этническое формирование алан шло на основе наиболее жизнестойких и в военном отношении наиболее профессиональных единиц разных кочевых племенных объединений, волей судеб в какой-то период истории попавших на территорию, которую китайцы называли Кангюем, где и происходило сложение ядра этого народа. В дальнейшем аланы впитали в себя некоторые элементы распадающегося сарматского мира.

Все сказанное не свидетельствует об особой, исключительной судьбе этого народа, многие имели подобную историю. Уникальность же случая с аланами заключается только в одном: этот народ, появившийся на страницах исторических хроник одновременно или чуть позже со многими другими родственными ему и не менее воинственными народами, какими были аорсы, роксоланы, сираки, языги, сохранил еще на

несколько веков в истории свое имя, тем самым продолжив историю "иранства" на юге Восточной Европы еще на несколько веков и, несмотря на исторические катастрофы, "дал потомство" в лице современных осетин.

В то же время нужно иметь в виду, что осетины, являясь потомками алан, должны воспринимать себя не столько потомками победителей битв при Адрианополе или на Каталаунских полях (никто из алан, ушедших на Запад в Предкавказье, не жил), сколько наследниками аланской культуры. Элементы же этой культуры содержатся не только у осетин, они проникли в среду и многих других народов, на чьей территории осел и в дальнейшем был ассимилирован аланский этнический элемент.

Объем и задачи монографии исключают характеристику аланской культуры как таковой. Здесь были поставлены только вопросы происхождения алан и их ранней истории. Причем многое из высказанного было предложено в форме гипотезы, поскольку в основном характеризовались лишь письменные источники. Претендовать же на большее возможно, привлекая всю сумму источников, и в первую очередь археологических.

И напоследок хочется привести ту наиболее яркую характеристику алан, которую дал им Аммиан Марцеллин: "Разделенные таким образом по обеим частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение. У них нет никаких шалашей, пет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свой, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и, куда бы они ни пришли, то место и считают родным очагом. Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми. Там есть вечнозеленые равнины попеременно с рощами плодовых деревьев; поэтому, куда бы они ни переселялись, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек. Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами. Поэтому-то и персы, по происхождению скифы, очень опытные в военном деле.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гунов, только с более мягким и более культурным образом жизни; с целью грабежа или охоты они доезжают до Меотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии. Как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых. У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают прямые ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом ясно узнают, что им предвещается. Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами" [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 17-25].

### Использованные китайские источники

1. *ШИ ЦЗИ* - Исторические записки, описывает историю Китая с древнейших времен до конца II в. до н.э., Сыма Цянь, I в. до н.э.
2. *ХАНЬ ШУ (Цянь Хань шу)* – История Старшей династии Хань, 206 до н.э. - 6 г. н.э., Бань Гу, I в. н.э.
3. *ХОУХАНЬШУ*- История Поздней Хань, 25 - 220 гг. н.э., Фань Е, V в. н.э.
4. *ВЭЙ ЛЮЭ* - Обзор Вэй, несохранившийся труд середины III в. н.э., фрагменты которого были включены Чэнь Шоу в конце III в. н.э. в Сань го чжи (Описание трех царств), 220 - 280 гг., III в.
5. *ЦЗИНЬ ШУ* – Хроника государства Цзинь, 265 - 420 гг., Тото (Токто), VII в.
6. *ВЭЙ ШУ* - История династии Вэй, 384 - 534 гг., Вэй Шоу, VI в.
7. *БЭЙ ШИ* - История Северных династий, 420 - 589 гг., Ли Яньшоу, VII в.
8. *СУЙ ШУ* Хроника государства Суй, 581 - 618 гг., Вэй Чжэн, VII в.
9. *ЦЗЮ ТАН ШУ* – Старая хроника государства Таи, 618 - 907 гг., Лю Сюй, X в.
10. *СИНЬ ТАН ШУ*- Новая история государства Тан, 618 - 907 гг., Оуян Сю, XI в.
11. *ТУН ЦЯНЬ* - Свод общих установлений государственного управления. Энциклопедия, Ду Ю, VIII в.
12. *ТАЙ-ПИН ХУАНЬЮЙ ЦЗЮ* Описание Вселенной в годы правления Тай-пин син-го, 976 - 984 гг., Юэ Ши, X в.
13. *ЮАНЬ ШИ* - Хроника государства Юань, 1280 - 1368 гг., Суп Лян и др., XIV в.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958.
- Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглосы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
- Абрамова М. П.* Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972.
- Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV-V вв. из Северной Осетии // СА, 1975, № 1.
- Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА, 1978, № 1.
- Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА, 1979, № 2.
- Абрамова М. П.* Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы. Ч. 2 // Труды ГИМ, 1982, Вып. 54. М.
- Абрамова М. П.* Подкумский могильник. М., 1987.
- Абрамова М. П.* Роль сарматов в сложении культур Центрально-Предкавказья // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа, Орджоникидзе, 1988.
- Абрамова М. П.* Западные районы Центрального Предкавказья во II-III вв. н.э. // КСИА. 1990, вып. 197.
- Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в. н.э.). М., 1993.
- Аврелии Виктор.* Извлечения о жизни и правах римских императоров // ВДИ. 1964. № 1.
- Амвросии Иероним.* О разрушении города Иерусалима // ВДИ. 1949. № 4.
- Аммиан Марцеллин.* Сохранившиеся книги "Истории" // ВДИ. 1949. № 3.
- Аммиан Марцеллин,* XXIII, 6, 14 – *Аммиан Марцеллин.* Римская история. Санкт-Петербург, 1994, с. 290-291.
- Арриан.* Обезд Эвксинского Понта // ВДИ. 1948. № 1.
- Арриан.* Тактика. // ВДИ. 1948. № 1.
- Арриан.* Диспозиция против аланов // ВДИ. 1948. № 1.
- Бартольд В. В.* Сочинения, т.2, ч.1. М., 1963.
- Берлах Б. С.* Аланы на Западе. М., 1993.
- Бершизов Н. Е.* Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // Историко-археологический альманах. Армавир, 1997.
- Берштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26, 1952.
- Бикерман Э.* Хронология Древнего мира. М., 1976.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.-Л., 1950, т. I, II.
- Боровкова Л. А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.
- Байнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV - V вв. // Буддийский культовый центр Кара-Тепе в Старом Термезе. М., 1972.
- Байнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
- Виноградов В. Б., Березин Я. Б.* Катакомбные погребения и их посетители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. - IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
- Волин С.* К истории Древнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1.
- Вописк - Флавий Вописк Сиракузский.* Божественный Аврелиан // ВДИ. 1959. № 4.
- Вописк - Флавий Вописк Сиракузский.* Проб // ВДИ. 1960. № 1.
- Габриелян Р. А.* Армяно-аланские отношения (I - X вв.). Ереван, 1989.
- Габуев Т. А.* Аланские погребения IV в. из Северной Осетии // СА. 1985, № 2.
- Габуев Т. А.* Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н.э. - VII в. н.э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988а.
- Габуев Т. А.* Элементы погребального обряда Центрального Предкавказья II в. до н.э. - VII в. н.э. // Древний и средневековый Восток. М. 1988б, ч. II.
- Габуев Т. А.* Аланские курганы у с. Брут в Северной Осетии // I Междунар. конф. "Осетиповедение: История и современность". Тез. докл. Владикавказ, 1991.
- Гаглоев Ю. С.* К этимологии племенного названия сакараваков // ИЮНИИ, вып. XI, 1962.
- Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Цхинвал, 1966.
- Гаглойти Ю. С.* К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Готье Ю. В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова // ИГАИМК, т. V, Л., 1927.
- Граитовский Э. А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. 2, М., 1975.
- Дион Кассий - Дион Кассий Коккеиан.* Римская история // ВДИ. 1948. № 2 (кроме LXXIII).
- Дионисий (Периет).* Описание населенной земли // ВДИ. 1948. № 1.

*Ждановский А. М.* К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье - Поволжье - Средняя Азия) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье. Тез. докл. к семинару. Новочеркасск, 1987.

*Зуев Ю.* Сармато-аланы Приаралья (Янцай/Абзойя) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX - XX, XX - XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Материалы международной конференции. Алматы, 1995.

Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. / Пер. К. Патканова // ЖМНП, 1883, март.

*Иосиф Флавий.* Иудейские древности // ВДИ. 1947. № 4.

*Капитолин-Юлий Капитолин.* Антонин Пий // ВДИ. 1957. № 2.

*Капитолин-Юлий Капитолин.* Жизнеописание Марка Антонина Философа // ВДИ. 1957, № 2.

*Капитолин-Юлий Капитолин.* Двое Максиминов // ВДИ. 1958. № 4.

*Капитолин-Юлий Капитолин.* Гордиан III // ВДИ. 1959. № 1.

*Кереев Б. М.* Чегемский курган - кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985.

*Крадин Н. Н.* Империя Хунну. Владивосток, 1996.

*Крюков М. В.,* Восточный Туркестан в III в. до н.э. - VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.

*Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА, № 106, 1962.

*Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

*Кулаковский Ю. А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

*Кулаковский Ю.* Карта Европейской Сарматии по Птолею. Киев, 1899а.

*Кюпер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

*Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. // Труды Хорезмской экспедиции. Т. VII. М., 1971.

*Леонти Мровели.* Жизнь картлийских царей / Пер. и коммент. Г. В. Цулая. М., 1979.

*Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.

*Лукап, VIII, 215-225 - Марк Анней Лукап.* О гражданской войне десять книг // ВДИ. 1949. № 2.

*Лукап, X, 450-455 - Марк Анней Лукап.* Фарсалия, или о гражданской войне / Пер. Л. Е. Остроумовой. М-Л., 1951.

*Лукиан-Лукиан Самосатский.* Токсарис и дружба // ВДИ. 1948. № 1.

*Малявкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981.

*Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.

*Малявкин А. Г.* Согдийский торговый союз // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1989а, № 15.

*Мандельштам А. М.* Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978.

*Маркиан.* Обезд внешнего моря // ВДИ. 1948. № 3.

*Марциал-Марк Валерий Марциал.* Книга эпиграмм // ВДИ. 1949. № 3.

*Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей в II в. до н.э. - I в. н.э. // Археологический сборник. Л., 1974, вып. 16.

*Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

*Миллер В.* Осетинские этюды. М., 1887, т. III.

*Моисей Хоренский-* История Армении Моисея Хоренского / Пер. Н. Эмина. М., 1893.

*Мошкова М. Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как о специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983.

*Муичаев Р. М.* Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА, 1965, № 2.

*Нечаева Л. Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Л., 1956.

*Нечаева Л. Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

Памятники армянской агнографии / Пер., вст. статья и примечания К. С. Тер-Давтян. Ереван, 1973, вып. 1.

*Плиний-Гай Плиний Секунд.* Естественная история // ВДИ. 1949. № 2.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992, т. I, II.

*Помпей Трог-Юстин.* Эпитома сочинений Помпея Трога / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // ВДИ. 1955. № 1.

*Помпонию Мела.* Землеописание // ВДИ. 1949. № 1.

*Птолемей-Клавдий Птолемей.* Географическое руководство // ВДИ. 1948. № 2 (кроме VI кн.).

*Птолемей VI, 14,9 -* Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I-VI вв.). М., 1991, с. 55.

*Птолемей VI*, 14, 1; 14, 3; 15, 1 - Ptolemaios. Geographie 6,9-21. Ostiran und Zentralasien. Teil I. Б МЕО - Кот 1971.

*Пьянков И. В.* Массагеты, соседи индийцев // Средняя Азия в древности и Средневековье. М., 1977.

*Раев Б. А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I-III веков н.э. на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.

*Рерих Ю. Н.* Тохарская проблема. Журнал: Народы Азии и Африки. М., 1963, №6.

*Ростоацсв М. И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925.

*Светоний II* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1991.

*Сенека—Луций Анней Сенека.* Вестник, 627-631 //ВДИ. 1949. № 1.

*Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.

Словарь античности. М., 1994.

*Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИ-ИМК. 1950, вып. 34.

*Смирнов К. Ф.*, 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья - Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1.

*Спицын А. А.* Историко-археологические разыскания. I. Ископные обитатели Дона и Донца // ЖМНП, новая серия, ч. XIX, 1909, январь.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1990. М.

*Страбон.* География // ВДИ. 1947. № 4.

*Страбон.* География. М., 1994.

*Таскин В. С.* Материалы по истории сунну. М., 1968, вып. 1.

*Таскин В. С.* Материалы по истории сунну. М., 1973, вып. 2.

*Тацит - Корнелий Тацит.* Летопись // ВДИ. 1949. № 3.

*Тацит - Корнелий Тацит.* Истории // ВДИ. 1949. № 3.

*Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации М 1948.

*Умтяков И. И.* Тохарская проблема. ВДИ, 1940, № 3-4.

*Умтяков И. И.* Тохары и тохарский вопрос. Труды Уз. ГУ, новая серия, 1946, № 31.

*Фавстос Бузанд.* История Армении. Ереван, 1953.

*Федоров-Давыдов Г. А.* Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.

*Федорова Е. В.* Латинская эпиграфика. М., 1969.

*Флакк, VI, 40 - Гай Валерий Флакк Сетин Бальб.* Аргонавтики восемь книг // ВДИ. 1949. № 2.

*Флакк, VI, 609-656 - Гай Валерий Флакк Сети* // Бильб. Аргонавтики восемь книг // ВДИ. 1952. № 2.

*Цуциев А. А.* Известия китайских письменных источников по ранней истории алаи // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.

*Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // ИАК, вып. 40, Санкт-Петербург, 1911.

*Юлий Валерий.* Деяния Александра Македонского // ВДИ. 1949. № 3.

*Яценко С. А.* Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии I - II вв. н.э. // Петербургский Археологический Вестник, № 3, Санкт-Петербург, 1993.

*Яценко С. А.* Аланы в Восточной Европе в середине I - середине IV вв. н.э. / Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. // Петербургский Археологический Вестник, № 6, Санкт-Петербург, 1993.

Цзинь шу. Эршисы ши. Шанхай, [Без года], т. 5, с. 5496/664 (цзюань 97/67), (па кит. яз., перевод А.В. Никитина).

Цыхай (Море слов). Шанхай, 1948 (па кит. яз.).

*Diox, Roman history.* London: William Heineman, New-York: G.P. Putnam's sons, MCMXXII, LXXIII, 3.

*Eno/ci K.* Sogdiana and the Hsiunh-nu // CAJ, V. I, №1, 1959.

*Kosto V Ise* // M. The Sarmatae and Parthians // САН, V. 11, 1936 (chapt. 3), p. 91-104.

*Shiratozi K.* A study on Su-t'e or Sogdiana // МТВ 2, 1928.

*Wa I I e e s T.* On Yuan Chwang's travels in India ab 629 - 645. New Delhi, 1996.

*2 g u s t a L.* Die personennamen griechischer Stadte der Schwarzmeerkuste. Praha, 1955. - ;

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

**ВДИ** – Вестник древней истории

**ГИМ** - Государственный Исторический музей

**ЖМНП** - Журнал Министерства народного просвещения

**ИАК**- Известия Археологической комиссии

**ИАИМК** - Известия Государственной Академии истории материальной культуры

**ИЮОНИИ** – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института

**КСИА** - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР

**КСИИМК** - Краткие сообщения Института истории материальной культуры

**МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР

**СА** - Советская Археология

**Уз. ГУ** - Узбекский Государственный университет

**САН** - Cambridge Ancient History

**САJ** - Central Asiatic Journal

**Is MEO** – Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente

**МТВ** - Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko



рис. 1. Расселение алан по Птолемее



рис. 2. Владения Западного края в эпоху Хань

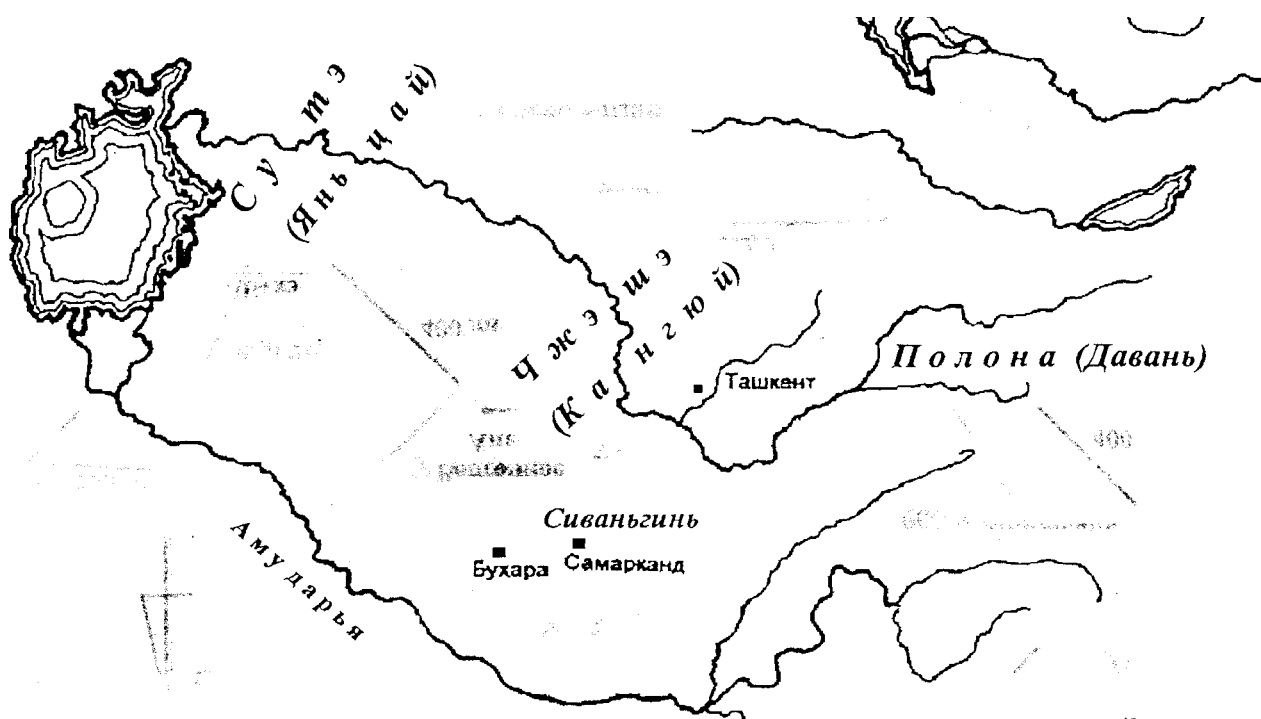


рис. 3. Владения Западного края в эпоху Вэй

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i> . . . . .	3
<i>Глава 1. Античные авторы I - III вв. об аланах</i> . . . . .	7
<i>Глава 2. Походы алан в Закавказье</i> . . . . .	29
Иберо-парфянская война . . . . .	29
Походы 72 и 135 годов . . . . .	31
Походы III-V вв. . . . .	46
<i>Глава 3. Центральное Предкавказье и аланы</i> . . . . .	55
<i>Глава 4. Клавдий Птолемей и Аммиан Марцеллин об аланах</i> . . . . .	67
<i>Глава 5. Древние китайские источники об аланах</i> . . . . .	79
Кочевники и крушение Греко-Бактрии . . . . .	79
Яньцай и аланы . . . . .	85
Кангюй и аланы . . . . .	99
<i>Глава 6. Этническое содержание термина "аланы"</i> . . . . .	119
<i>Заключение</i> . . . . .	132
<i>Приложение</i> . . . . .	135
<i>Библиография</i> . . . . .	136
<i>Список сокращений</i> . . . . .	142
<i>Карты, схемы (рис. 1 - 5)</i> . . . . .	143

ГАБУЕВ ТАМЕРЛАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

### **Ранняя история алан**

*(по данным письменных источников)*

Редактор *В. И. Мартынюк*  
Художник *Сурвилло Н.С., Глушаев В. Э.*  
Технический редактор *Б. Т. Басаева*  
Корректор *М. М. Хозиева*  
Компьютерная верстка *Ж. А. Кулиева*

Сдано в набор 04.10.99. Подписано к печати 08.12.99. ЛР № 020762. Формат бумаги 60x84/16.  
Бум. офс. № 1. Гарн. шрифта Times New Roman. Печать офсет. Усл. п. л. 8,60. Учетно-изд. листов  
10,29. Тираж 200 экз. Заказ № 3229. С. 88.

Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гаснева Комитета РСО-  
Алания по печати и делам издательств, 362011, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.